

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
С. А. Комиссаров канд. ист. наук, доц. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
О. П. Кобзева д-р ист. наук, проф. (Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан)
Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
А. А. Маслов д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия)
А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия)
Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохoku, Япония)
Такэда Масанао д-р педагогики, почетный проф. (Университет Хоккайдо, Япония)
Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, США)
Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal

“Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

Elena E. Voytishek	Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Sergey A. Komissarov	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

Andrey V. Varenov	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
-------------------	---

Board Members

Sergey A. Arutyunov	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Wang Wei	Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Literature), Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
Nataliya L. Zhukovskaya	Doctor of Sciences (History) (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Kang Inuk	Doctor of Sciences (History), Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
Artem I. Kobzev	Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Olga P. Kobzeva	Doctor of Sciences (History), Professor (National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek; University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan)
Nataliya V. Kutafyeva	Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Lee Heonjong	Doctor of Sciences (History), Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
Aleksey A. Maslov	Doctor of Sciences (History), Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation)
Aleksandr N. Mescheryakov	Doctor of Sciences (History), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
Germann Parzinger	Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
Vladimir N. Plastun	Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Petr E. Podalko	Doctor of Sciences (History), Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
Natasha V. Suhadolnik	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
Zhaken K. Taymagambetov	Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakhstan Higher School, Doctor of Sciences (History), Professor (Kazakhstan National Museum, Astana, Republic of Kazakhstan)
Takakura Hiroki	Doctor of Sciences (History), Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
Takeda Masanao	Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor emeritus (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
Lothar von Falkenhausen	Doctor of Sciences (History), Professor (University of California, Los Angeles, USA)
Evgeniya L. Frolova	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 4: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология Китая

- Гирченко Е. А.* Начало китайской кавалерии и использование лошадей на северо-западе Ханьской империи 9
- Кудинова М. А., Шульга Д. П.* Три элитных погребения эпохи Северного Чжоу в окрестностях Гуюаня в Нинся, КНР 18
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.* Могильник Цзиньляньшань и его место в изучении донгшонско-дяньской цивилизации 32

Источниковедение и этнография Китая

- Завидовская Е. А.* Народы Гуйчжоу в цинских «альбомах об инородцах»: *мяо, ицзу, гэлао* 47
- Харитонова А. М.* Описание «инородцев» в цинском альбоме «Цюаньцянь мяоту» 61

Культура и искусство Китая

- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Шмакова А. С.* Ароматические печати и штампы в культуре Китая и Кореи: типология и контекст 73
- Варенов А. В.* Три средневековые китайские картины об отъезде девушек на чужбину и их историческая основа 88

Литература и лингвистика Китая

- Старостина А. Б.* Фольклорная основа трех позднетанских новелл о вторжении в чужой сон 102
- Игнатенко А. В.* Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (2005) 115
- Андросова С. В., Караваева В. Г., Чжан Цзявэнь.* Длительность китайских слогов в коммерческом и социальном рекламном дискурсе 127

Дискуссии

<i>Сан Тяньцзы.</i> Некоторые замечания по поводу политики «союза с Россией» Сунь Ят-сена	140
---	-----

Класс Конфуция

<i>Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А.</i> Итоги работы по проекту «Институт Конфуция Новосибирского государственного университета» в 2022 году (на кит. яз.)	148
<i>Ян Жун, Ван Цяньгань.</i> Социокультурные истоки «китайской мечты»	157

Рецензии

<i>Филиппов А. В.</i> Пётр Великий: образ русского царя на Востоке Азии	167
<i>Оуян Мэйхэ, Сюн Инцзэ.</i> Вдохнуть аромат чая с книгой в руке	171
<i>Чжан Сяолин.</i> Энциклопедия мировой чайной культуры и практический справочник	174
Информация для авторов	177

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies

CONTENTS

History and Archaeology of China

- Girchenko E. A.* The Beginning of Chinese Cavalry and the Use of Horses in Northwest of Han Empire 9
- Kudinova M. A., Shulga D. P.* Three Elite Burials of the Northern Zhou Period from Guyuan in Ningxia, China 18
- Komissarov S. A., Solovyev A. I.* The Jinlianshan Graveyard and Its Role in the Study of the Dong Son – Dian Civilization 32

Source Studies and Ethnography of China

- Zavidovskaya E. A.* Guizhou Ethnic Groups in the Qing Dynasty Miao Albums: *Miao, Yizu, Gelao* 47
- Kharitonova A. M.* Description of the “Barbarians” in the Qing Dynasty Album “Pictures of Miao from the Entire Guizhou” (“*Quanqian Miaotu*”) 61

Culture and Art of China

- Voytishchik E. E., Yao Song, Shmakova A. S.* Incense Seals and Stamps in Chinese and Korean Culture: Typology and Context 73
- Varenov A. V.* Three Medieval Chinese Paintings about Girls Leaving for Foreign Lands and Their Historical Background 88

Literature and Linguistics of China

- Starostina A. B.* Folklore Basis of Three Late Tang Period Stories About the Intrusion into Another’s Dream 102
- Ignatenko A. V.* Features of Parenthetical Constructions in Mo Yan’s Novel “Tired of Being Born and Dying” (2005) 115
- Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Jianwen.* Duration Patterns of Chinese Syllables in Commercial and Social Oral Advertisements 127

Discussions

<i>Sang Tianzi</i> . Some Notes on Sun Yatsen's "Alliance with Russia" Policy	140
---	-----

Confucius Classroom

<i>Bi Xinhui, Azarenko Iu. A.</i> The 2022 Work Summaries of the Confucius Institute at Novosibirsk State University (in Chin.)	148
---	-----

<i>Yang Rong, Wang Qiangnan.</i> Tracing the "Chinese Dream" from the Perspective of Social Culture	157
---	-----

Reviews

<i>Philippov A. V.</i> Peter the Great: The Image of the Russian Tsar in East Asia	167
--	-----

<i>Ouyang Meihe, Xiong Yingjie.</i> Taste the Fragrance of Tea with the Book in Hand	171
--	-----

<i>Zhang Xiaoling.</i> Encyclopedia of World Tea Culture and a Practical Reference Book	174
---	-----

Instructions to Contributors	177
------------------------------	-----

Научная статья

УДК 930.272

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-9-17

Начало китайской кавалерии и использование лошадей на северо-западе Ханьской империи

Екатерина Александровна Гирченко

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ekaterina.girchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Аннотация

Исследуются процессы внедрения конных войск в китайскую армию по «варварскому образцу» в периоды Воюющих царств, династий Цинь и Хань. Приводятся некоторые материалы письменных источников соответствующих эпох, посвященных постепенной трансформации роли конного всадника как боевой единицы, в том числе и в сочетании с колесницами. В ханьское время непосредственная угроза границам со стороны хунну и необходимость обезопасить торговые пути на Запад явились толчком к реорганизации армии в целом и конницы в частности. Для изучения особенностей использования лошадей для транспортных нужд и военных операций на северо-западе империи, помимо хроник, привлекаются документы административного и торгового содержания – бамбуковые планки с иероглифами *ханьцзяни*, в большом количестве находимые в пограничных крепостях. Они существенно дополняют данные письменных источников эпохи Хань и позволяют реконструировать специфику функционирования северо-западных округов Китая на рубеже эр и проследить особенности использования лошадей для нужд почты, патрулирования и внутренней работы гарнизонов.

Ключевые слова

северо-запад Китая, эпоха Чжаньго, династия Цинь, династия Хань, *ханьцзяни*, письменные источники, разведение лошадей, всадничество

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>

Для цитирования

Гирченко Е. А. Начало китайской кавалерии и использование лошадей на северо-западе Ханьской империи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 9–17. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-9-17

The Beginning of Chinese Cavalry and the Use of Horses in Northwest of Han Empire

Ekaterina A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ekaterina.girchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Abstract

The article examines the processes of the gradual introduction of cavalry troops based on the “barbarian model” into the Chinese army to counter the nomads near the northwestern borders of the empire. The author gives some examples

© Гирченко Е. А., 2023

from the written sources of the Zhanguo and Qin Dynasty periods, presenting the gradual transformation of the role of the horse rider as a separate combat unit, but also in combination with chariots. During the Han dynasty, the immediate threat from the Xiongnu by the borders and the need to secure trade routes to the West were the impetus for the reorganization of the army in general and the cavalry in particular. In order to study the peculiarities of horse use for transport needs and military operations in the north-west of the Western Han empire, besides the chronicles, documents of administrative and commercial content – bamboo slips with characters, *hanjian*, were being used. They were found in large numbers in border fortresses and can significantly supplement the information from the written sources of the Han period and make it possible to reconstruct not only the specifics of inner workings of the northwestern prefectures of China at the turn of the eras but also the peculiarities of horse use for the needs of postal service, patrols and the internal everyday life of garrisons.

Keywords

northwest of the Han Empire, Zhanguo era, Qin dynasty, Han dynasty, *hanjian*, written sources, horsebreeding, horsemanship

Acknowledgements

This study was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation (RSF), grant no. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121>

For citation

Girchenko E. A. The Beginning of Chinese Cavalry and the Use of Horses in Northwest of Han Empire. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 9–17. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-9-17

Введение

Лошадь, первое из шести домашних животных круга 六畜 *лю чу*, описанных еще в «Чжоу ли», активно использовалась в различных сферах деятельности человека с древнейших времен, но в доциньское время в большей степени как тягловое животное. Знакомство древних китайцев с колесницами уже в готовом виде произошло, вероятно, в эпоху Шан-Инь (1600–1046 гг. до н. э.). В период династии Западной Чжоу (1046–771 гг. до н. э.) данная сфера пополнилась новаторскими разработками уже китайских конструкторов, они касались как способов эффективного управления лошадью и повозкой, так и совершенствования технических характеристик колесниц, а также декоративного оформления [Кожин, 1977]. В военных действиях участвовали колесницы, запряженные лошадьми, их количество свидетельствовало о силе и могуществе владельца, например, досл. «феодальный дом с воинством в сотню колесниц (百乘之家 *байшэнь чжи цзя*)» как синоним семьи *шидаифу* («Ли цзи. Да сюэ»); «государство силой в тысячу колесниц (千乘之國 *цяньшэнь чжи го*)», упоминающееся в главе «Сюэ эр» в «Луньюй»; досл. «правитель с воинством в 10 тысяч колесниц (萬乘之尊 *ваньшэнь чжи цзунь*)» как один из императорских титулов и т. д. [Ань Чжунъи, 2002, с. 34]. Сведения о регулярном использовании верховых лошадей относятся ко времени не ранее I тыс. до н. э. Именно тогда окружавшие Китай кочевники стали постепенно использовать верховую езду вместо упряжной [Кожин, 2015, с. 26–27]. В Китае данное нововведение распространения не получило, что было связано как с консервативными настроениями в царствах Центральной равнины, не желающих принимать «варварские обычаи», так и с тем, что в Китае поголовье пригодных для верховой езды лошадей было невелико.

В данном исследовании частично рассмотрены процессы внедрения конных войск в китайскую армию в период Чжаньго (475–221 гг. до н. э.) и при династии Цинь (221–206 гг. до н. э.) как для повышения эффективности действий в междоусобной борьбе царств, так и для обеспечения безопасности северо-западных границ. В последующую Ханьскую эпоху (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) непосредственная угроза со стороны *хунну*, а также открывшиеся перспективы торговли с Западом и соответственно необходимость обезопасить пути торговых караванов явились толчком к дальнейшей реорганизации армии в целом и конницы в частности. Для изучения особенностей использования лошадей для транспортных нужд и военных операций на северо-западе империи привлекаются документы административного и торгового содержания – бамбуковые планки с иероглифами *ханьцзяни*, обнаруженные при

раскопках форпостов приграничных округов (Увэй, Чжанье, Цзюцюань и Дуньхуан). Всего в районе коридора Хэси известно несколько десятков тысяч таких находок. В рамках исследования были рассмотрены планки, содержащие информацию об использовании лошадей для нужд почты, патрулирования и внутренней работы гарнизонов.

Развитие конницы в доциньское и циньское время

Несмотря на то что вопрос о доле конников в китайской армии в доциньский период остается открытым, неоспоримо, что основной боевой единицей государств Центральной равнины в то время являлась колесница. В бою они не могли в достаточной степени соперничать с легкими и проворными конниками степей. Правитель царства Чжао Улин-ван был тем, кто решил провести реформу традиционных колесничных войск, ввести новое обмундирование, практиковать верховую езду и стрельбу из лука и создавать отдельные отряды конников. На 19-м году своего правления (307 г. до н. э.) Чжаоский Улин-ван преодолел сопротивление консервативно настроенного чиновничества и реформировал армию по варварскому обычаю, посадив своих воинов на лошадь, а также позаимствовав более подходящую кочевую одежду. В 305 г. до н. э. Юаньян (原陽) стал местом дислокации и обучения конных войск. Результаты не заставили себя долго ждать. Через несколько лет Улин-ван «проехал на запад в варварские земли, до Юйчжуна, правитель *линху* принес в дар лошадей (西略胡地, 至榆中, 林胡王獻馬)»; «расширилось до царств Янь и Дай на севере и до Юньчжуна и Цзююаня на западе (攘地北至燕, 代, 西至雲中, 九原)»; «покорило царство Чжуншань (滅中山)» [Сыма Цянь, 1992, с. 66].

Чжаоский Улин-ван в начале своих реформ призывал кочевников *ху* в ряды своих солдат, в первую очередь в кавалерию, например, «на втором году правления Хуэйвэнь-вана, *чжуфу* (отец-повелитель, т. е. Улин-ван) отправился вновь в завоеванные земли, к западу от царства Дай на реке Сихэ встретил правителя племен *лоуфань* и стал наставлять их солдат (惠文王二年, 主父行新地, 逐出代, 西遇婁煩王於西河而致其兵)» [Там же, с. 67]. Среди всех царств наиболее многочисленные конные армии имели Чжао, Цинь и Чу, которые больше контактировали с окружающими кочевыми народами. В «Ши цзи» в разделе «Чжан И чжуань (Жизнеописание Чжан И)» говорится: «кони циньцев прекрасны, вооруженных всадников множество; у них не счесть коней, в одном прыжке преодолевающих 3 сюня (т. е. около 8 м) (秦馬之良, 戎兵之眾, 探前跌後蹄間三尋騰者, 不可勝數)» [Сыма Цянь, 1996, с. 132]. Упомянутые здесь воины – это в основном *жуны* государства Ицзюй, прекрасно владевшие конно-лучной стрельбой. Вплоть до династии Хань основными воинами-конниками в китайских армиях по-прежнему являлись кочевые соседи Поднебесной из приграничных районов или китайцы, жившие там в течение нескольких поколений.

В центральных районах конная стрельба также частично изучалась, упор делался на сочетание в бою колесниц и конницы. Соотношение колесниц и конников должно было варьироваться в зависимости от типа местности и сил противника. В применении данной стратегии наиболее преуспела Циньская армия в битве при Чанпине (260 г. до н. э.). Притворившись практически побежденными, циньцы вынудили чжаосцев отправиться в погоню. Воины Чжао, оказавшись в ловушке в окружении циньской кавалерии, стали строить укрепления, надеясь на помощь извне, однако она не пришла. Силы чжаосцев были истощены, и они сдались. Пошады не последовало. Армия Цинь одержала самую крупную победу в своей истории, с особой жесткостью уничтожив более 400 тыс. воинов армии Чжао.

В циньское время мы видим окончательное сложение единой боевой системы, неотъемлемой частью которой являются конные войска. Наиболее яркий пример – построение терракотовой армии Цинь Шихуан-ди во второй яме памятника: пехота находится спереди слева, чуть правее за ними – колесницы, справа – конники, посередине – колесницы, за ними также расположена пехота. Судя по построению, все части должны были биться сообща: пехота

сражается с противником, колесницы отвечают за главный удар, кавалерия действует как в центре, так и на флангах, выступая и во взаимодействии с другими частями, и в преследовании [Ван Юйцин, 1978]. С другой стороны, говоря о роли именно конных войск, нельзя утверждать, что даже на северо-западе империи, на пограничных рубежах, использование лошадей в военных целях было повсеместным. Внутренний импульс для развития кавалерии пока еще не был достаточно ясным. В доциньское и циньское время кочевники, окружающие царства Центрального Китая, еще находились в относительной локальной изоляции и не представляли большой угрозы для районов Внутреннего Китая.

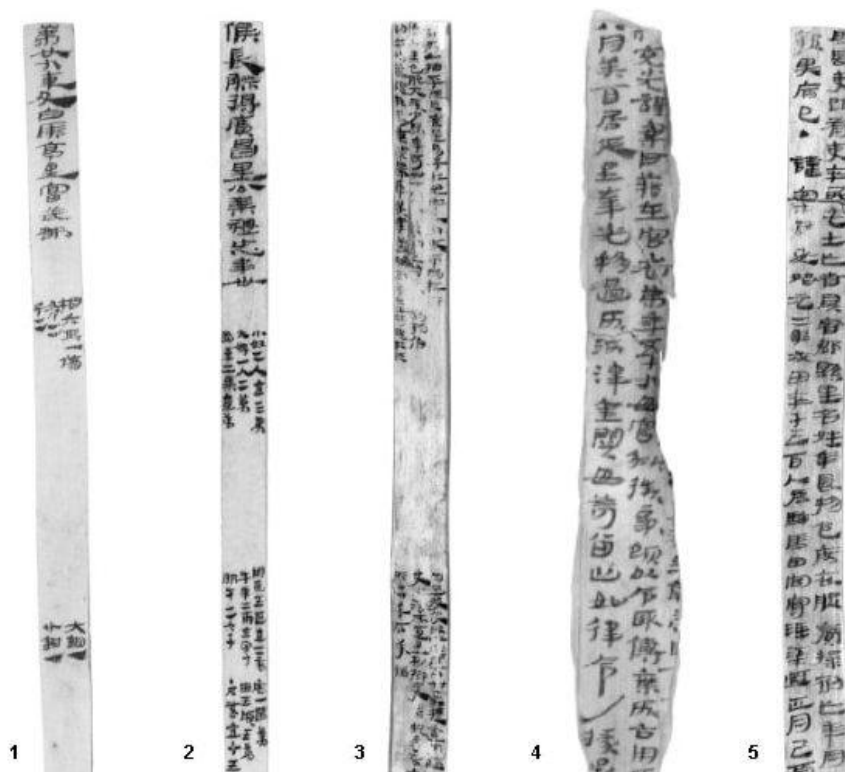
Конные войска на северо-западных рубежах в период Западной Хань

В период Западной Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.) ситуация на приграничных территориях начинает меняться, народы севера были объединены под властью хунну, и угроза вторжения стала более вероятной, нежели в циньское время. Военные силы Центрального Китая значительно уступали хунну, и одной из основных внешнеполитических целей ханьского правительства была задача ограждения империи от постоянных набегов кочевых племён. Еще при Лю Бане, первом императоре династии Хань, был заключен договор, согласно которому он фактически считался данником хуннских вождей – *шаньюев* [Степугина, 1956]. По этой причине при последующих правителях кавалерия получает новый виток развития, что было связано как с желанием противостоять постоянным набегам, так и с открывшимися впоследствии перед ханьским Китаем перспективами прибыльной торговли с неизвестными ранее странами Запада. Императорами Вэнь-ди, а затем и У-ди была проведена реорганизация армии, и роль конницы в бою переосмыслена – была создана конница, вооруженная длинными трезубцами *цзи*, луками и мечами, расширялись государственные пастбища, и увеличивались императорские табуны, что в совокупности стало залогом успеха в противоборстве с кочевниками.

После победы над хуннуским воинством в 121 г. до н. э. в Ганьсуйском коридоре образованы четыре округа – Дуньхуан, Цзюцюань, Чжанье, Увэй, там учреждены военные гарнизоны. Из внутренних районов на северо-запад стали переселять колонистов, и, соответственно, для поддержания боеспособности армии требовались хорошие лошади. Природные условия северо-запада Китая способствовали развитию коневодства: «широкие просторы с водой и травой в избытке... с теплым климатом и хорошими полями (地廣, 饒水草...處溫和田美)» [Мэн Фаньхуэй, 2009, с. 8]. Как известно, низкорослые и малосильные китайские лошади не могли противостоять могучим и быстрым степным скакунам, поэтому знаменитые лошади Средней Азии были желанным товаром в Ханьском Китае, а кочевники в обмен на лошадей, шерсть и овец приобретали китайские ткани и зерно. В приграничных районах в начале правления императора У-ди было порядка 36 ферм, где насчитывалось около 300 тыс. боевых лошадей [Ван Юйчан, Сун Ци, 2004, с. 49–50], но наиболее значительные приобретения конского поголовья являлись результатом боевых действий. Особенно ценились лошади из государств Усунь и Давань (Даюань). Союзные отношения с *усунями* позволяли У-ди регулярно получать прекрасных скакунов, с Давань отношения были сложнее: император Хань два раза собирал военные походы против него, только после тяжелой победы в 101 г. до н. э. У-ди получил тысячи прекрасных лошадей. Особенно ему нужны были так называемые «лошади, потеющие кровью (汗血馬)», что, по мнению современных ученых, связано с их заражением подкожной нематодой *Parafilaria multipapillosa*, что вызывало кровотечение, а при галопе – пенящийся розовый пот» [Yuan Fang, 2017, p. 10]. И впоследствии ряды ханьской конницы пополнялись из военных походов, например, в начале правления императора Сюань-ди *ханьцы* и *усуни* в борьбе с хунну получили в общей сложности около 700 тыс. голов лошадей, а также крупного рогатого скота, овец, мулов и верблюдов [Jiang Yukuan, 2022, p. 565].

Упоминания о лошадях на ханьцзянях северо-западных округов периода Ханьской империи

В рамках данного исследования при изучении использования лошади для военных и транспортных нужд следует привлечь и некоторые записи о торговой и административной жизни городов-крепостей северо-запада Ханьской империи на бамбуковых планках ханьцзянях, найденных при раскопках форпостов приграничных округов. Наиболее известная коллекция бамбуковых планок была обнаружена при исследовании руин ханьской стены в Цзюйяне, Внутренняя Монголия (раскопки 1930–1931 гг.). Длина таких тонких бамбуковых дощечек не превышает 25 см, ширина около 1,5–2,5 см, толщина 0,3–0,4 см, вес 2–4 г. Основная их часть хранится сейчас в Институте истории и филологии Академии Синика в Тайбэе, где создана электронная база данных с возможностью интерактивного использования архива (см. рисунок). Всего в каталоге числится порядка 13 тыс. ханьцзяней периода Западной и Восточной Хань, из них 211 экземпляров содержат упоминания о лошадях, в основном торгового характера, но отдельные записи указывают на использование лошадей на государственной службе – для нужд почты, патрулирования, тягловых работ. Сведения об участии лошадей в военных походах в данной коллекции встречены не были.

Упоминания о лошадях в материалах Базы данных цзюйяньских ханьцзяней Института археологии и филологии Академии Синика, Тайвань:

1 – 067.002; 2 – 037.035; 3 – 183.013; 4 – 218.002; 5 – 513.017 + 303.015. По: Шийюсо цзан Цзюйянь ханьцзянь цзыляо ку [史語所藏居延漢簡資料庫]. База данных цзюйяньских ханьцзяней Института истории и филологии. URL: <https://wcd-ihp.ascdc.sinica.edu.tw/woodslip/index.php> (на кит. яз.) (дата обращения 10.12.2022)

References to horses in the Juyan Hanjian Database, Institute of History and Philology, Academia Sinica, Taiwan:

1 – 067.002; 2 – 037.035; 3 – 183.013; 4 – 218.002; 5 – 513.017 + 303.015. As per: Shiyusuo zang Juyan hanjian ziliao ku [史語所藏居延漢簡資料庫]. Database for Juyan hanjian of Institute of History and Philology. URL: <https://wcd-ihp.ascdc.sinica.edu.tw/woodslip/index.php> (in Chin.) (accessed 10.12.2022)

Насколько можно понять из имеющихся записей, как государственное, так и частное коневодство активно развивалось в местах расположения военных гарнизонов. Первоначально по указу императора Вэнь-ди жители, занимающиеся разведением лошадей, освобождались от прохождения воинской службы. Во время создания императором У-ди четырех новых округов на северо-западе указ продолжал действовать. Согласно имеющимся *ханьцзяням*, частные лошади не использовались для военных нужд империи на регулярной основе, но учитывались как стратегический резерв, подлежали регистрации и могли быть реквизированы в случае необходимости.

В описаниях встречаются следующие пять категорий лошадей: почтовые лошади (傳馬 *чуаньма*); лошади для официальной корреспонденции и разведки (驛馬 *има*); вьючные лошади (柱 / 主馬 *чжума*); для бытовых нужд, личного транспорта и внутренней работы гарнизона (萃 / 倅 / 卒馬 *цуйма*); лошади на службе кавалерии для патрулирования и разведывательных миссий (侯馬 *хоума*).

Стандартная «карточка» на бамбуковой планке включала в себя информацию об окрасе, возрасте, росте, поле, назначении и месте происхождения лошади. Кроме того, на *ханьцзянях* встречаются указания на высокий, средний или низкий класс лошади, что выражало ее ценность и соответственно определяло цену. Среди всех рассмотренных табличек лишь на одной из Дуньхуана в описании стояла отметка «ся (下)», что говорит о низком классе, но в данном случае это была лошадь, уже отслужившая определенный срок на государственной службе и выданная в награду. Другой важной характеристикой является физическое состояние лошади, обозначаемое либо «крепкий» (壯 *чжуан*), либо «хилый» (瘦 *шоу*) [Чжоу Фэн, 2013, с. 14]. Например, «почтовая лошадь, рыжая с черными гривой и хвостом, верховая, с клеймом на левой ноге, с белой спиной, 9-ти лет по зубам, ростом 5 чи 8 цуней, среднего класса, откликается на Цзя__, [ездит] в упряжке (傳馬一匹驢乘左剝白背齒九歲高五尺八寸中名曰佳__駕)» [Там же, с. 29].

Упоминаемые на *ханьцзянях* породы включали в себя лошадь *хэцую* (河曲馬, названная так по месту изгиба реки Хуанхэ в верхнем течении), большую, славящуюся мощностью, координацией и крепкими костями; лошадь *хаомэнь* (浩門馬) крепкого телосложения, используемую как для колесниц, так и для конных воинов, так как, будучи быстрой, на крепких ногах, она могла легко передвигаться по горам и перемещаться боком; хуннускую лошадь, славящуюся устойчивостью к перепадам температур, с большой головой и короткой шеей, сильную, с густой шерстью, способную ударом копыта разбивать головы шакалам; лошадь *гося* (果下馬), выносливую маленькую пони, которая могла аккуратно возить повозку, хорошо передвигаться под дождем; центрально-азиатскую лошадь (а именно *усуньскую* и *даваньскую* 烏孫馬 / 大宛馬), наиболее совершенную по всем параметрам; юго-западную лошадь (西南馬), послушную и пригодную для езды в горах; северо-восточную лошадь (東北馬), крепкую и грубую [Ань Чжунъи, 2005, с. 29–33]. Китайские лошади чаще использовались для перевозки товаров и почты. Развитая сеть почтовых станций являлась необходимостью в неспокойном регионе. На станциях всегда должны быть готовы свежие лошади. *Хоума*, состоящие чаще из центральноазиатских лошадей, использовались для патрулирования местности в приграничных районах.

На *ханьцзянях* встречаются упоминания колесниц нескольких типов, соответственно, требовалось и разное количество лошадей: легкая небольшая колесница, открытая со всех сторон, с тентом, запрягаемая одной, реже двумя лошадьми (招車 *чжаочэ*) – это наиболее распространенное средство передвижения в эпоху Хань; квадратная повозка, которая запрягалась одной-двумя лошадьми, но в отличие от предыдущего типа, с более просторным местом для поклажи (方相車 *фансянчэ*); специальная почтовая повозка (傳車 *чуаньчэ*).

Некоторые планки фиксируют количество покинувших крепости лошадей, что было связано с необходимостью обеспечить безопасность и функционирование города, поэтому

большая часть *ханьцзяней* с упоминаниями лошадей относятся именно к этой группе, на них обязательно отмечены тип повозки, количество лошадей, иногда их параметры (возраст, рост, качество зубов), и сделана пометка «выехали 出» или «заехали 入». Например, «легкая повозка одна, две лошади, уже выехали (招車一乘馬二匹已出)» (73EJT10:269). Существовал запрет на продажу лошадей «ростом выше 5 *чи* и 9 *цуней* (160–165 см), что может тянуть более 10 *даней* (馬高五尺六寸...弩十石以上, 皆不得出關)» [Мэн Фаньхуэй, 2009, с. 17], это тоже было связано с соображениями безопасности.

Средствами, необходимыми для содержания одной лошади в государственной конюшне, можно было прокормить семью из шести человек, поэтому правительство в тяжелые времена могло сокращать поголовье коней. Многие из рассмотренных *ханьцзяней* касались вопросов организации поставок корма – сена (芻), соломы (莖), тростника (糧) – в государственные конюшни, исчисляемого в связках (束), данях (石) или цзинях (斤), его получения, отправки, сопроводительных грамот, хранения, излишков, объемов работ по сбору, а также взысканий за испорченный или потерянный товар. Лошади получали как грубые, так и сочные корма, что говорит о развитой системе коневодства. На одном из *ханьцзяней* из Дуньхуана (II0214-2:556) представлен императорский указ об увеличении количества корма для всех видов государственных животных на один *шэн* зерна ежедневно, а для военных лошадей – в том числе и на один *шэн* бобовых (菽), что говорит о более сбалансированном питании для этой категории [Чжоу Фэн, 2013, с. 27]. При сравнении с цзюйяньскими табличками о солдатских пайках можно сделать вывод, что содержание лошади требовало как минимум в два раза больше средств, чем содержание солдата.

Несколько *ханьцзяней* свидетельствовали о штрафах за гибель животного. Его смерть подробно фиксировалась по стандартному образцу: «Почтовая пестрая огненно-рыжая лошадь, верховая, с клеймом на левой ноге, 9-ти лет по зубам, ростом 5 *чи* 6 *цуней*, имя Мэнхуа. На втором году правления императора Цзянь Чжао в декабре, умерла вследствие болезни, мясо и кости проданы, выручено 210 монет (傳馬一匹驪驛乘左剽齒九歲高五尺六寸名曰蒙華。建昭二年十二月病死賣骨肉受錢二百一十)» (I0111-2:2). В случае смерти военной лошади составлялся протокол допроса об обстоятельствах произошедшего, например: «В 4 год под девизом Юаньфэн по случаю смерти лошади у конника составлен протокол (元鳳四年騎士死馬爰書)» (491-11A).

Заключение

В рамках данного исследования рассмотрены постепенные изменения в статусе лошади начиная с эпохи Чжаньго, что было определено историческими событиями, расширением территорий вглубь кочевых земель и совершенствованием воинской стратегии. В период окончательного оформления кавалерии как основы войска при Западной Хань некоторую информацию об использовании лошадей на северо-западных границах империи, помимо династических хроник, могут дать бамбуковые таблички *ханьцзяни*. Приведенные образцы интересны как примеры рутинных зарисовок рабочих моментов, связанных с государственным коневодством. Дальнейшие исследования обогатят представления о межкультурном взаимодействии, торговле и воинском деле в данном регионе. Автору хотелось бы закончить повествование авторитетным мнением о роли лошади в жизни населения Китая, принадлежащим Ма Юаню, военачальнику раннего периода Восточной Хань, известному ценителю и знатоку лошадей. Оно приводится в разделе, посвященном его биографии, «Ма Юань лечжуань (馬援列傳 *Жизнеописание Ма Юаня*)», в хронике Поздней династии Хань «Хоу Хань шу». Он говорил, что «лошади – это основа воинства и большая польза для страны, в мирные времена распознают низкое и праведное, а когда в стране смута, помогают преодолевать невзгоды,

ближние и дальние (馬者甲兵之本，國之大用。安寧則以別尊插之序，有變則以濟遠近之難)»¹.

Список литературы

- Кожин П. М.** Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977. С. 278–287.
- Кожин П. М.** От колесничной упряжки к китайской кавалерии // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 45, ч. 1. С. 24–33.
- Степугина Т. В.** Социально-экономические отношения в Ханьской империи во II–I вв. до н. э. // Всемирная история: В 10 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. Т. 2. С. 490–501.
- Сыма Цянь.** Исторические записки / Пер. с кит. Р. В. Вяткина. М.: Наука, Вост. лит., 1992. Т. 6. 483 с.; 1996. Т. 7. 464 с.
- Jiang Yukuan.** The Horse in Han Dynasty // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2022. Vol. 720. P. 561–566.
- Yuan Fang.** The Favorite Animal: The Horse as Mingqi in Han Tombs. Ithaca: Cornell Uni. Press, 2017. 52 p.
- Ань Чжунъи.** Сянь Цинь цибин дэ даньшэн цзи яньбянь [安忠义. 先秦骑兵的诞生及演变 // 考古与文物]. Появление и развитие кавалерии в доциньский период // Каогу юй вэньу [Археология и материальная культура]. 2002. № 4. С. 34–39. (на кит. яз.)
- Ань Чжунъи.** Ханьдай мачжун дэ иньцинь юй гайлян [安忠义. 汉代马种的引进与改良 // 中国农史]. Разведение лошадей и их селекция в эпоху Хань // Чжунго нунши [Аграрная история Китая]. 2005. № 2. С. 28–36. (на кит. яз.)
- Ван Юйцин.** Цинь Шихуан лин дунцэ диэрхао бинмаюн кэн цзуаньтань шицзюэ цзяньбао [王玉清. 秦始皇陵东侧第二号兵马俑坑钻探试掘简报 // 文物]. Краткий отчет о раскопках и исследовании второй ямы с фигурами воинов и лошадей с восточной стороны от Мавзолея Цинь Шихуана // Вэньу [Материальная культура]. 1978. № 5. С. 1–19. (на кит. яз.)
- Ван Юйчан, Сун Ци.** Ханьдай дэ мачжэн юй янма гаофэн [王裕昌, 宋琪. 汉代的马政与养马高峰 // 西北师大学报(社会科学版)]. Политика в области коневодства в Ханьском Китае и ее влияние на разведение лошадей // Сибэй дасюэ бао (Шэхуэй кэсюэ бань) [Журнал Северо-Западного университета (Социальные науки)]. 2004. № 41 (6). С. 49–53. (на кит. яз.)
- Мэн Фаньхуэй.** Ханьдай сибэй бяньди маои яньтао [孟凡慧. 汉代西北边地贸易研讨]. Исследование торговли на северо-западной границе в Ханьскую эпоху: Дис. ... магистра. Чанчунь: Дунбэй шифань дасюэ, 2009. 46 с. (на кит. яз.)
- Чжоу Фэн.** Сибэй ханьцзянь чжун дэ ма [周峰. 西北汉简中的马]. Лошади на ханьцзяньх северо-запада: Дис. ... магистра. Ланьчжоу: Сибэй шифань дасюэ, 2013. 42 с. (на кит. яз.)

References

- An Zhongyi.** Handai mazhong de yinjin yu gailiang [安忠义. 汉代马种的引进与改良 // 中国农史]. On the Importation of Horses and the Improvement of Horse Breeds in the Han Dynasty. *Zhongguo nongshi*, 2005, no. 2, pp. 28–36. (in Chin.)
- An Zhongyi.** Xian Qin qibing de dansheng ji yanbian [安忠义. 先秦骑兵的诞生及演变 // 考古与文物]. The Beginning and the Development of Cavalry in Pre-Qin Period. *Kaogu yu wenwu*, 2002, no. 4, pp. 34–39. (in Chin.)

¹ Хоу Хань шу. Ма Юань лечжуань [后汉书. 马援列传 // 古典名著网]. Хроника Поздней династии Хань. Жизнеописание Ма Юаня // Гудянь минчжу ван [Архив классических трактатов древности]. URL: <http://www.gudianmingzhu.com/guji/houhanshu/1529.html> (на кит. яз.) (дата обращения 15.01.2023).

- Jiang Yukuan.** The Horse in Han Dynasty. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2022, vol. 720, pp. 561–566.
- Kozhin P. M.** Ob yinskikh kolesnitsakh [About Yin Chariots]. In: Rannaya etnicheskaya istoriya narodov Vostochnoi Azii [Early Ethnic History of Peoples of Eastern Asia]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 278–287. (in Russ.)
- Kozhin P. M.** Ot kolesnichnoi upryazhki k kitaiskoy kavalerii [From Chariot's Team to Ancient Chinese Cavalry]. In: State and Society in China. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2015, vol. 45, pt. 1, pp. 24–33. (in Russ.)
- Meng Fanhui.** Handai xibei biandi maoyi yantao [孟凡慧. 汉代西北边地贸易研讨]. Investigation of trade on North-Western borders in Han Period. Changchun, Dongbei shifan daxue, 2009, 46 p. (in Chin.)
- Sima Qian.** Istoricheskiye zapiski [Records of the Grand Historian]. Transl. by R. V. Vyatkin. . Moscow, Vostochnaya literatura, 1992, vol. 6, 483 p.; 1996, vol. 7, 464 p. (in Russ.)
- Stepugina T. V.** Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya v Khan'skoi imperii vo II – I vv. do n. e. [Social-Economic Relations in Chinese Empire in the 2nd – 1st Centuries BC]. In: Vsemirnaya istoriya [The World History]. In 10 vols. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956, vol. 2, pp. 490–501. (in Russ.)
- Wang Yuqing.** Qin Shihuan ling dongce dierhao bingmao keng zuantan shijue jianbao [王玉清. 秦始皇陵东侧二号兵马俑坑钻探试掘简报 // 文物]. Brief Report on Excavating the No. 2 Terracotta Warriors Pit on the East Side of the Qin Shihuang Mausoleum. *Wenwu*, 1978, no. 5, pp. 1–19. (in Chin.)
- Wang Yuchang, Song Qi.** Handai de mazheng yu yangma gaofeng [王裕昌, 宋琪. 汉代的马政与养马高峰 // 西北师大学报(社会科学版)]. The Horse Policy and Its Effect on Horse Breeding during the Han Dynasty. *Xibei shi daxue bao (Shehui kexue ban)*, 2004, no. 41 (6), pp. 49–53. (in Chin.)
- Yuan Fang.** The Favorite Animal: The Horse as Mingqi in Han Tombs. Ithaca, Cornell Uni. Press, 2017, 52 p.
- Zhou Feng.** Xibei hanjian zhong de ma [周峰. 西北汉简中的马]. Horses on Northwestern bamboo strips. 兰州: 西北师范大学]. Lanzhou, Xibei shifan daxue, 2013. 42 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Екатерина Александровна Гирченко, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57224809685
RSCI Author ID 821099
SPIN 3321-4579

Information about the Author

Ekaterina A. Girchenko, Candidate of Science (History)
Scopus Author ID 57224809685
RSCI Author ID 821099
SPIN 3321-4579

Статья поступила в редакцию 05.02.2023;
одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 09.02.2023
The article was submitted on 05.02.2023;
approved after review on 07.02.2023; accepted for publication on 09.02.2023

Научная статья

УДК 904.59(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-18-31

Три элитных погребения эпохи Северного Чжоу в окрестностях Гуюаня в Нинся, КНР

Мария Андреевна Кудинова¹

Даниил Петрович Шульга²

^{1,2} Институт археологии и этнографии

Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

² Сибирский институт управления

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Новосибирск, Россия

¹ maria-kudinova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

² alkaddafa@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Аннотация

Рассматриваются материалы элитных погребений государства Северное Чжоу (557–581), исследованных на территории городского округа Гуюань в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР: могил Юйвэнь Мэна (565 г.), Ли Сяня (569 г.) и Тянь Хуна (574 г.). Перечисленные комплексы демонстрируют высокую степень унификации погребального обряда, что проявляется в сходстве могильных конструкций, декора и сопроводительного инвентаря. Конструктивные особенности погребений и состав сопроводительного инвентаря продолжают традиции, характерные для предшествующих периодов Шестнадцати варварских государств и Северного Вэй. При общем сходстве с синхронными комплексами Северного Ци (550–577) материалы рассматриваемых памятников позволяют выделить специфические черты северочжоуской погребальной практики: отсутствие фарфора, распространение ритуальных нефритов, светский характер погребальной живописи. На фоне преобладающего влияния общекитайской (ханьской) традиции отмечаются признаки влияния степной (вероятно, сяньбийской) обрядности. Престижные предметы импорта из Ирана, Центральной Азии, Византии свидетельствуют о значительной роли контактов по Шелковому пути в развитии экономики и культуры Северного Чжоу.

Ключевые слова

Северо-Западный Китай, Гуюань, раннее Средневековье, Северное Чжоу, погребальный обряд, сяньби, Великий Шелковый путь, межкультурные контакты

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>

Для цитирования

Кудинова М. А., Шульга Д. П. Три элитных погребения эпохи Северного Чжоу в окрестностях Гуюаня в Нинся, КНР // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 18–31. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-18-31

© Кудинова М. А., Шульга Д. П., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 18–31

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 18–31

Three Elite Burials of the Northern Zhou Period from Guyuan in Ningxia, China

Maria A. Kudinova ¹, Daniil P. Shulga ²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management – the Branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation

¹ maria-kudinova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

² alkaddafa@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Abstract

The materials of elite burial complexes of the Northern Zhou period (557–581) discovered in the 1980–1990s in the vicinity of Guyuan City in the Ningxia-Hui Autonomous Region of China are analyzed in this article. Due to the epitaphs engraved on stone slabs found inside the tombs, the names of the buried individuals and the exact dates of the complexes are known: the tombs belong to high-ranking officials of Northern Zhou: Yuwen Meng (565), Li Xian (569) and Tian Hong (574). The complexes under consideration demonstrate a high degree of unification of the funeral rite, which is manifested in the similarity of tomb structures, decor and accompanying grave goods. The features of architectural structures and grave goods of these burials continue the traditions of the previous periods of the Sixteen Barbarian States and the Northern Wei. With a general similarity to the synchronous complexes of the Northern Qi (550–577), the materials of these tombs allow to distinguish specific features of the Northern Zhou funerary practice: the absence of porcelain items, the use of ritual nephrites, and the secular nature of mural paintings. Against the background of the prevailing influence of the Chinese-Han funerary tradition, there are signs of the influence of the steppe (probably Xianbei) funeral and memorial rituals. Prestigious items imported from Iran, Central Asia, Byzantium testify to the significant role of contacts along the Silk Road in the economical and cultural development of Northern Zhou. Despite the available data from written and epigraphic sources, the problem of identifying the ethnicity of the buried has not yet been resolved. However, the version of their non-Chinese origin seems to be the most probable.

Keywords

Northwestern China, Guyuan, early Middle Ages, Northern Zhou, funeral rite, Xianbei, Great Silk Road, cross-cultural contacts

Acknowledgements

This study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121>

For citation

Kudinova M. A., Shulga D. P. Three Elite Burials of the Northern Zhou Period from Guyuan in Ningxia, China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 18–31. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-18-31

Введение

Гуюань – городской округ в южной части Нинся-Хуэйского автономного района. В период существования государства Северное Чжоу (557–581), основанного представителями сяньбийского рода юйвэней, Гуюань был местом встречи китайской (ханьской), степной кочевой и центральноазиатской культур. Наиболее ярко этот мультикультурный синтез воплотился в материалах элитных погребений северочжоуских аристократов Юйвэнь Мэна, Ли Сяня и Тянь Хуна, находящихся на территории пос. Кайчэн в районе Юаньчжоу к юго-западу от городской части Гуюаня. Памятники расположены в ряд, расстояние от могилы Ли Сяня до могилы Юйвэнь Мэна – 1,72 км, от могилы Юйвэнь Мэна до могилы Тянь Хуна – 0,67 км [Гэн Чжицян, 2014, с. 37]. По-видимому, этот участок на восточных склонах гор Люпаньшань к северу от р. Маиньхэ был выбран для захоронений в соответствии с принципами геомантии и отведен под кладбище высокопоставленных чиновников.

Цель данной работы заключается в том, чтобы на основе опубликованных отчетов о раскопках и материалов, представленных в Музее Гуюаня, охарактеризовать открытые в районе Гуюаня элитные погребения эпохи Северного Чжоу и выявить в этих археологических комплексах черты, восходящие к разным этнокультурным традициям.

Могила Юйвэнь Мэна

Погребение обнаружено в 1984 г. к северу от д. Ванлаобацунь, в 1993 г. проведены спасательные раскопки. Могила ориентирована по линии север – юг, ее длина составляет 53 м. Наземная часть комплекса представлена земляной насыпью размером 16×12 м, высотой 4,6 м, предположительно, изначально она была круглой в плане [Гэн Чжицян, 1994, с. 134] (рис. 1, 1).

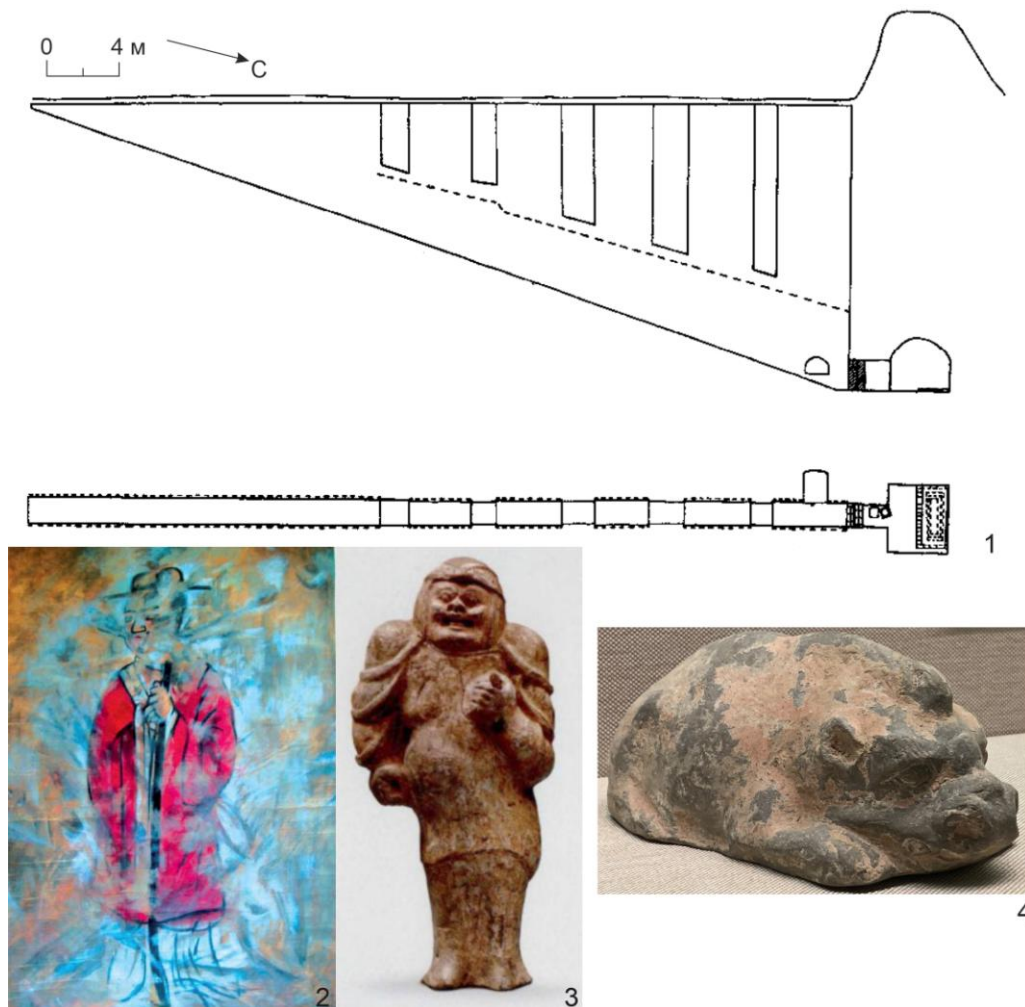

Рис. 1. Могила Юйвэнь Мэна:

1 – план и разрез; 2 – изображение чиновника на настенной росписи; 3 – керамическая фигурка воина; 4 – фантастический зверь – страж могилы (1, 3 – по: [Юаньчжоу..., 1999, рис. 30, 31]; 2 – по: [Гэн Чжицян, 2014, с. 238, рис. 45]; 4 – фото М. А. Кудиновой. Музей Гуюаня, 2019 г. 2–4 – без масштаба)

Fig. 1. Tomb of Yuwen Meng:

1 – plan and section; 2 – wall painting of an official; 3 – ceramic figurine of a warrior; 4 – ceramic figurine of a tomb guardian. (1, 3 – as per: [Yuanzhou..., 1999, fig. 30, 31]; 2 – as per: [Geng Zhiqiang, 2014, p. 238, fig. 45]; 4 – photo by M. A. Kudinova. Guyuan Museum, 2019. 2–4 – not to scale)

Подземные конструкции вырезаны в толще грунта и включают дромос с пятью воздушными шахтами («небесными колодцами») и одной боковой нишей, входной тамбур и погребальную камеру. Дромос наклонный, длиной 47 м, шириной 1,4–1,6 м. На стенах сохранились остатки росписей, в том числе изображения вооруженных мечами воинов (рис. 1, 2). Проход из дромоса в тамбур гробницы был замурован кирпичной кладкой. Тамбур прямоугольный в плане, длиной 2,55 м, шириной 1,5 м, высотой 1,6 м, с полуцилиндрическим сводом, пол вымощен кирпичом, на стенах сохранились фрагменты росписей, выполненных белой, красной и черной красками, среди которых можно различить антропоморфные фигуры. В тамбуре найдены керамические фигурки и плиты с эпитафией. Погребальная камера подквадратной в плане формы размером 3,6 × 3,5 м с кирпичным полом, предположительно, она имела купольный свод. Вдоль северной стены располагалось возвышение размером 3,2 × 1,8 м, образованное уложенными в один слой кирпичами. На этом помосте был установлен двойной деревянный гроб трапециевидной формы. Внутренний гроб снаружи имел лаковое покрытие, о чем свидетельствуют фрагменты золотистого, красного и черного лака. Скелет покойного не сохранился, предположительно, тело было уложено головой на запад [Гэн Чжицян, 2014, с. 40–49, 69–70].

Погребение разграблено, а кроме того, серьезно пострадало от проведения ирригационных работ, тем не менее дошедший до нас сопроводительный инвентарь насчитывает более ста предметов: железный меч в деревянных ножнах, покрытых красным лаком, наконечник стрелы, горшки и кувшины из серой керамики, расписные керамические фигурки чиновников, воинов, всадников, музыкантов, домашних животных и фантастических существ – хранителей гробницы, модели колодца, очага и т. п. (рис. 1, 3, 4), а также каменные плиты с эпитафией [Там же, с. 49–68, 70]. В северной части дромоса и в привходовой части тамбура обнаружен скелет лошади [Там же, с. 49, 223].

Текст, вырезанный на каменной плите, найденной внутри могилы, включает 516 знаков. Из записи известно, что в могиле похоронен Юйвэнь Мэн (496–565) – крупный чиновник и полководец, служивший государствам Северное Вэй, Западное Вэй и Северное Чжоу. В эпитафии говорится, что фамилия правящего дома Северного Чжоу Юйвэнь была дарована ему в награду за ратные подвиги, фамилия, полученная при рождении, не упоминается, что нехарактерно для эпитафий эпохи Северных династий. Сообщается лишь, что он носил имя Мэн, второе имя – Хужэнь, был родом из Гаопина и является далеким потомком мифического императора Чжуаньсюя, а его дед и отец были «народными вождями» (民領 *миньлин*). Последнее обстоятельство позволяет сделать предположение о его некитайском происхождении. Кроме того, в эпитафии указано, что в 548 г. Юйвэнь Мэн был назначен правителем области Юаньчжоу, но, согласно данным эпитафий и официальных жизнеописаний, включенных в «Историю Северных династий» («Бэй ши») и «Книгу Чжоу» («Чжоу шу»), в то время данную должность занимал другой чиновник – Тянь Хун (см. ниже). Найденная в погребении Юйвэнь Мэна эпитафия остается единственным источником информации об этом персонаже, и достоверность содержащихся в ней сведений в настоящее время невозможно проверить [Там же, с. 74, 98–119].

Могила Ли Сяня

Погребение, расположенное южнее д. Шэньгоуцунь, обнаружено и исследовано в 1983 г. Это вырезанная в толще грунта могила, в которую ведет наклонный дромос с тремя воздушными шахтами («небесными колодцами»). Погребение ориентировано по оси север – юг. Над гробницей сооружена земляная насыпь округлой формы, диаметром 12,5 м, высотой 5 м. Дромос наклонный, шириной 1,2–1,5 м, длиной 42 м, соединен с ведущим в погребальную камеру прямоугольным в плане тамбуром. Длина тамбура составляет 2,2 м, ширина – 1,35 м, потолок сводчатый, максимальная его высота достигает 1,55 м. Вход в тамбур со стороны дромоса был замурован стеной из кирпича-сырца, сохранились также следы деревянных две-

рей, закрывавших вход в погребальную камеру. Камера в плане подквадратной формы, размером $3,85 \times 4$ м (рис. 2, 1). Стены дромоса, тамбура и погребальной камеры украшали многочисленные росписи (не менее 44 рисунков), выполненные красной, белой и черной красками. Сохранились изображения надвратных башен, воинов, служанок и барабанщиц [Хань Чжаоминь, 1985, с. 1–4] (рис. 2, 2, 3).

Несмотря на обрушение погребальной камеры и последующее разграбление, в могиле сохранилось более 300 керамических, металлических, нефритовых изделий, а также каменные плиты с эпитафией, позволившие установить личности погребенных. В гробнице были захоронены крупный чиновник и военачальник Северного Чжоу Ли Сянь (503–569) и его жена У Хуэй (509–547). Гробы и скелеты покойных не сохранились, но, судя по следам древесного тлена и расположению сопроводительного инвентаря, в могиле находилось два гроба трапециевидной формы, установленные параллельно друг другу. Вдоль западной стены был расположен гроб У Хуэй, рядом с ним – двойной гроб с лаковым покрытием красного и зеленого цветов, в котором был похоронен Ли Сянь. Тела покойных были ориентированы головами на юг [Там же, с. 3].

Сопроводительный инвентарь представлен в первую очередь погребальной пластикой. Сохранилось 255 расписных керамических фигурок, выстроенных в тамбуре гробницы в несколько рядов, образующих своего рода траурную процессию: впереди стражи могилы – два фантастических зверя и два воина в доспехах, за ними – ряды тяжеловооруженных кавалеристов, военных и гражданских чиновников, придворных дам верхом на конях, конных музыкантов, воинов, всадников, чужестранцев-ху и женщин-служанок (рис. 2, 4, 5). Внутри погребальной камеры по обе стороны от входа размещались сосуды серой керамики (часть из них – с зерном), а также модели колодца, мельничного жернова, очага, жилых и хозяйственных построек, фигурки лошадей, ослов, верблюдов, быка, собаки и кур. Здесь же найдены железный нож, серебряные ножницы, бронзовая позолоченная поясная пряжка. У западной стены камеры остались незамеченные грабителями серебряный кувшин с позолотой (рис. 2, 6) и стеклянная чашечка (рис. 2, 7). Внутри гроба У Хуэй обнаружен золотой перстень (рис. 2, 8), а в гробу Ли Сяня – нефритовые изделия и бусины из различных материалов, между стенками внешнего и внутреннего гроба лежал палаш в ножнах. Восточная часть гробницы практически полностью разграблена, там сохранились лишь керамическая миска и несколько мелких серебряных предметов: пара палочек для еды, ложка и миниатюрная модель котелка (рис. 2, 9) [Там же, с. 5].

Наиболее яркими находками из гробницы Ли Сяня являются импортные предметы центральноазиатского и иранского производства. Серебряный позолоченный кувшин, украшенный рельефными изображениями трех пар персонажей, каждая из которых включает стоящих лицом друг к другу мужчину и женщину, привлекает наибольшее внимание исследователей. Семантической интерпретации изображений, датированию предмета и установлению места его производства посвящен значительный объем литературы (см.: [Лю Мяомяо, 2022, с. 33]). Золотой перстень, принадлежавший госпоже У, инкрустирован лазуритом, на поверхности камня вырезана фигура танцовщицы с гирляндой – образ, имеющий аналогии в сасанидской тореитике [Ван Вэймин, 1985, с. 66–67]. Аналогичные украшения найдены в могилах Ли Сицзуна (Восточное Вэй), Сюй Сяньсю (Северное Ци), а также в одном из погребений в районе Хух-Хото во Внутренней Монголии (см.: [Чжан Цинцзе, Чан Иминь, 2003]). Еще одним примером иранского импорта является чашечка из прозрачного светло-зеленого стекла с рельефным узором в виде выпуклых кругов. Она изготовлена методом дутья из высококачественного натриево-кальциевого стекла, поверхность готового изделия была дополнительно отшлифована. Схожие сосуды обнаружены на археологических памятниках вдоль Шелкового пути – от Северо-Западного Ирана до Корейского полуострова и Японского архипелага. На территории Китая они происходят из погребений в Лоулане (Баян-Гол-Монгольский автономный округ, Синьцзян), Пекине, Эчжоу (пров. Хубэй), Чжэньцзяне (пров. Цзянсу).

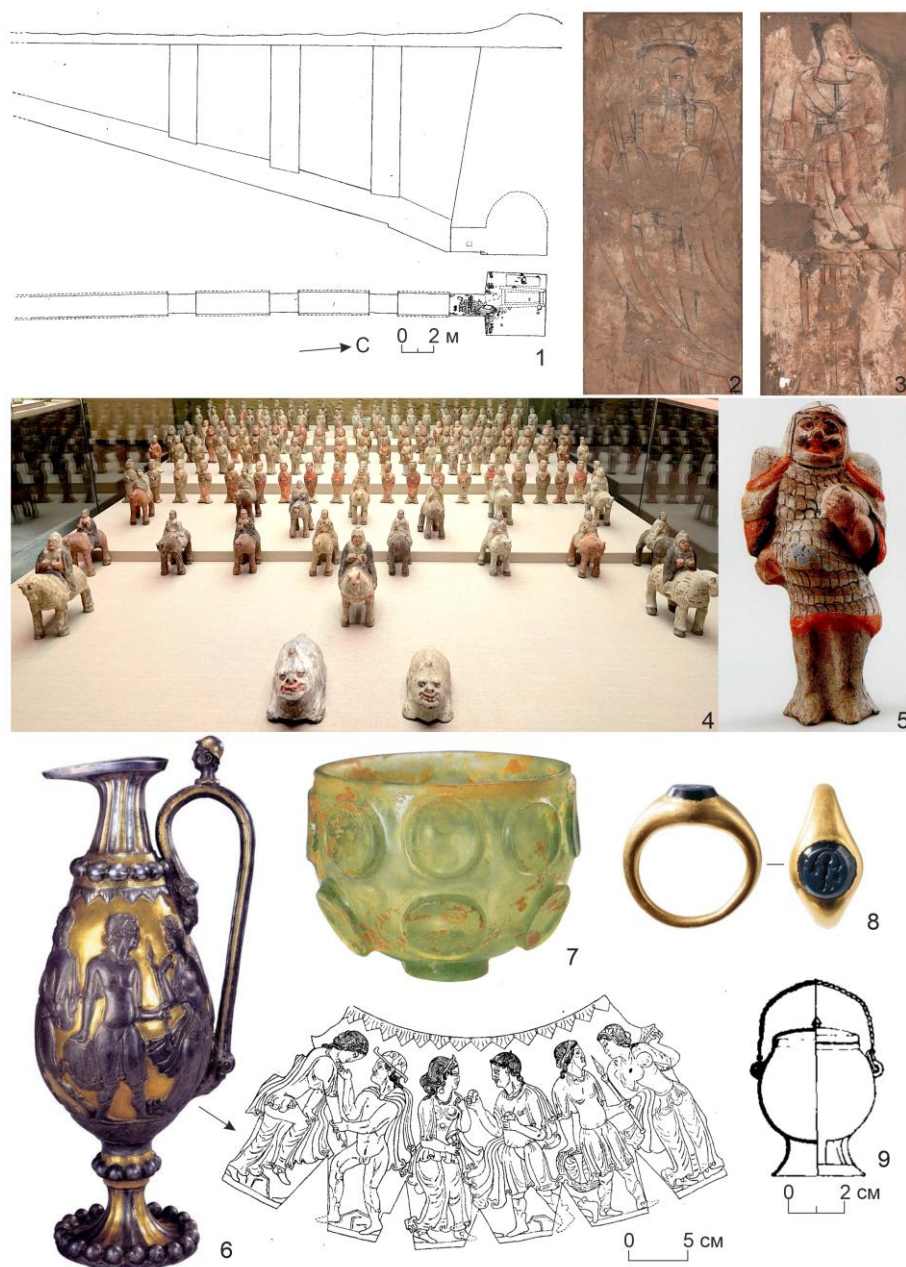

Рис. 2. Могила Ли Сяня:

1 – план и разрез; 2 – изображение воина на настенной росписи; 3 – изображение женщины с барабаном на настенной росписи; 4 – керамические фигурки из погребения Ли Сяня в экспозиции Музея Гуюаня; 5 – керамическая фигурка воина; 6 – серебряный кувшин и прорисовка изображений на его поверхности; 7 – стеклянная чашечка; 8 – золотой перстень с лазуритом; 9 – серебряная модель котла (1, 5 – по: [Юаньчжоу..., 1999, рис. 40, 61]; 2, 3, 6–8 – с сайта Музея Гуюаня. URL: <http://www.nxgybwg.com/e/action/ListInfo/?classid=17>; 4 – фото М. А. Кудиновой. Музей Гуюаня, 2019 г.; 9 – по: [Хань Чжаоминь, 1985, с. 12, рис. 27: 1]. 2–5, 7, 8 – без масштаба).

Fig. 2. Tomb of Li Xian:

1 – plan and section; 2 – wall painting of a warrior; 3 – wall painting of a woman with a drum; 4 – ceramic figurines from the tomb of Li Xian in the exhibition of the Guyuan Museum; 5 – ceramic figurine of a warrior; 6 – silver ewer and a drawing of images on its surface; 7 – glass cup; 8 – gold ring with lapis lazuli; 9 – silver cauldron model. (1, 5 – as per: [Yuanzhou..., 1999, fig. 40, 61]; 2, 3, 6–8 – from the Guyuan Museum website. URL: <http://www.nxgybwg.com/e/action/ListInfo/?classid=17>; 4 – photo by M. A. Kudinova, Guyuan Museum, 2019; 9 – as per: (Han Zhaomin, 1985, p. 12, fig. 27: 1). 2–5, 7, 8 – not to scale)

Фрагменты подобного изделия были собраны на памятнике Токуз-Сарай в уезде Бачу (Маралбаши) в Кашгаре, Синьцзян. Все эти предметы относятся к периоду III–VII вв., изготовлены из сходного сырья по единой технологии, и, наиболее вероятно, происходят из одного производственного центра, находившегося на территории империи Сасанидов [Ань Цзяю, 1987, с. 173–178, 180]. Железный палаш с кольцевым навершием и рукояткой, плакированной серебряной фольгой, вложен в деревянные ножны с покрытием из коричневого лака. По обеим сторонам ножен имеются серебряные ушки для крепления к португее, бутероль выполнена из бронзы. Особенности оформления ножен указывают на происхождение предмета из Центральной или Западной Азии, где подобные экземпляры известны с V в. [Юаньчжоу..., 1999, с. 19–20]. Эти изделия могли попасть к Ли Сяню от торговцев, прибывавших в Гуянь по Шелковому пути, или в качестве пожалований от правящего дома, получавшего их как дипломатические дары от посольств из Сасанидского Ирана или государства эфталитов [Хань Чжаоминь, 1985, с. 19; У Чжо, 1987, с. 74–75].

В погребении обнаружены две эпитафии, вырезанные на каменных плитах. Первая содержит 874 знака. Вторая включает 323 иероглифа. Известно, что Ли Сянь происходил из знатного рода, его предком в десятом поколении был некто Цидигуй (俟地歸). Сам Ли Сянь служил государствам Северное Вэй, Западное Вэй и Северное Чжоу, проявил себя при подавлении мятежей Моци Чоуну и Доулу Лана, занимал ряд гражданских и военных постов, в том числе правителя области Юаньчжоу и главнокомандующего – опоры государства (*чжуго дацзянцзюнь*). Его связывали тесные отношения с кланом Юйвэнь. Сын полководца Юйвэнь Тая (505–556) – Юйвэнь Юн (543–578), впоследствии император Северного Чжоу У-ди, провел ранние годы в доме Ли Сяня и навсегда сохранил к нему чувство признательности. В конце жизни Ли Сянь фактически руководил военно-административным аппаратом всего северо-запада страны [Сюэ Чжэнчан, 2012, с. 95].

Помимо эпитафии жизнеописание Ли Сяня приводится также в «Чжоу шу» и «Бэй ши». В эпитафии сказано, что Ли Сянь был потомком ханьского военачальника Ли Лина (ум. в 74 г. до н. э.), сдавшегося в плен хунну. Эта же информация приводится в «Бэй ши» с уточнением, что Ли Сянь сам называл себя потомком Ли Лина, что может указывать на сомнения авторов династийной хроники в подобных генеалогических построениях [Хань Чжаоминь, 1985, с. 16]. Гу Тефу [1985] считал Ли Сяня выходцем из сяньбийского клана Тоба, чьи предки получили китайскую фамилию в период реформ Северного Вэй, направленных на китаизацию сяньби. Эта точка зрения нашла отражение и в отчете о раскопках [Хань Чжаоминь, 1985, с. 16]. Ло Фэн тоже считал Ли Сяня сяньбийцем, но полагал, что его предки относились к роду Юйвэнь, а не Тоба [Ло Фэн, 1985, с. 59–60]. В работе 1936 г. «Изучение иностранных фамилий периода Северных династий» историк Яо Вэйюань выдвинул гипотезу о том, что предки Ли Сяня принадлежали к одному из родов гаочэ – Чили (Цифули, Чифуле), представители которого, покорившись Северному Вэй, приняли фамилию Ли (см.: [Ло Фэн, 1985, с. 59]). Позднее эту точку зрения развивал Чэнь Чжунъянь [1989], но других сторонников она не получила. Ван Вэймин полагал, что доступные источники не позволяют однозначно решить вопрос о национальности Ли Сяня, следовательно, и «сяньбийская версия», и «версия гаочэ» имеют право на существование [Ван Вэймин, 1985, с. 62]. Позднее вышло несколько работ, излагающих третью версию – о ханьском происхождении Ли Сяня [Чжан Шучэн, 1996; Сюэ Чжэнчан, 1997; Wu Jui-Man, 2010, p. 67]. Таким образом, в настоящее время вопрос о происхождении и этнической принадлежности Ли Сяня остается открытым¹.

Что касается жены Ли Сяня, текст ее эпитафии сообщает, что предки У Хуэй происходили из района Бохая. В «Чжоу шу» говорится, что император Северного Чжоу У-ди посмертно даровал ей фамилию Юйвэнь и сделал своей приемной племянницей [Ло Фэн, 1985, с. 60]. Известно, что госпожа У умерла в 547 г., на 22 года раньше, чем ее муж, и впоследствии была перезахоронена вместе с ним [Хань Чжаоминь, 1985, с. 16–17].

¹ См. краткие обзоры исследований по этой теме в [Гао Цзяи, 2020, с. 232–233; Лю Мяомяо, 2022, с. 32].

Могила Тянь Хуна

В 1996 г. китайско-японская экспедиция обнаружила и исследовала у д. Ванлаобацунь погребение, принадлежавшее, как выяснилось из текста найденной внутри эпитафии, чиновнику и полководцу Тянь Хуну (510–574) и его супруге. Общая длина составляет 52,21 м. Над могилой была сооружена массивная земляная насыпь, размеры сохранившейся ко времени раскопок ее части составляли 12 × 20 м, высота – 3,5–4,5 м. Предположительно, изначально насыпь была круглой в плане, диаметром 30 м, ее высота могла достигать 5 м [Бэй Чжоу..., 2009, с. 38] (рис. 3, 1).

Подземная часть могилы состояла из наклонного дромоса с пятью воздушными шахтами («небесными колодцами»), входного тамбура и собственно гробницы, располагавшейся практически точно по центру земляной насыпи. Длина дромоса составляет 45,3 м, дно ровное, поверхность дна и стенок дромоса целенаправленно утрамбована и заглажена. В одном из грабительских лазов, проходивших через дромос, найдены каменные плиты с эпитафией [Там же, с. 42–48, 64–70]. Дромос соединяется с входным тамбуром длиной 2,16 м, шириной 1,32–1,48 м. Тамбур был разделен на две части (внешнюю и внутреннюю) деревянной дверью и стеной из кирпича-сырца. Пол выложен кирпичом, на стенах сохранились следы росписей [Там же, с. 48–49].

Склеп состоит из центральной камеры подквадратной в плане формы, а также меньших по размеру задней и боковой камер трапециевидной формы. Пол во всех помещениях выложен кирпичом. Размеры основной камеры: 3,14–3,26 × 3,18–3,27 м, предположительно, свод был куполообразным. На стенах частично сохранились росписи, выполненные красной, белой и черной красками, изображавшие, по-видимому, гражданских и военных чиновников. В юго-западном углу центральной камеры стоял двойной деревянный гроб, в нем была захоронена жена Тянь Хуна. Внутри гроба найдены фрагменты текстиля и золотой фольги, стеклянные и керамические бусины, бронзовые монеты. Рядом с гробом обнаружены череп мужчины (Тянь Хуна) и нефритовая шпилька. С юго-западной стороны от гроба найден полный скелет собаки. Вдоль западной стены камеры размещены керамические сосуды, некоторые – с остатками злаков. Центральная часть основной камеры разрушена грабительским лазом, внутри него, а также в самой камере найдены разрозненные человеческие кости, фрагменты изделий из дерева, кости, керамики, железа, слюды, текстиля, железные гвозди, стеклянные бусины, керамические и лаковые сосуды, детали чиновничьего головного убора [Там же, с. 49–51, 58–63].

Задняя камера трапециевидной формы, ее длина – 3,32 м, ширина в северной части – 0,99, в южной – 1,46 м. Крыша, предположительно, была сводчатой, полуцилиндрической формы. На стенах видны следы росписей. В центре был установлен двойной деревянный гроб трапециевидной формы. Верхняя часть скелета потревожена, но кости таза и ног остались *in situ*, что позволило установить изначальное положение тела – вытянуто на спине, головой на юг. На костях сохранились фрагменты шелковой одежды, ритуальные предметы из нефрита, бусины из стекла и горного хрусталя, бронзовые китайские и золотые византийские монеты. Боковая камера также трапециевидной формы, длиной 2,78 м, шириной 0,93–1,34 м. На стенах присутствуют следы росписей. Здесь найдены изделия из кости и керамические фигурки всадников [Там же, с. 51, 63–64].

Комплекс находок из могилы Тянь Хуна синкретичен по составу. Здесь представлены предметы, характерные для ханьской традиции: керамические сосуды и один плоский фарфоровый светильник, расписные керамические фигурки конных воинов в доспехах, собак и курицы, монеты *учжу* и *буцюань*, шпилька, подвески, кольцо *хуань* и полукольца *хуан* из нефрита, фрагменты лаковых сосудов и чиновничьего головного убора [Там же, с. 71–86, 95–96, 109–111]. Им сопутствуют характерные черты сяньбийского погребального обряда, например скелет собаки у гроба супруги Тянь Хуна. Возможно, супруга Тянь Хуна имела сяньбийское происхождение. Еще одним проявлением влияния культуры сяньби могут считаться изготовленные из тонких бронзовых пластинок и покрытые позолотой цветы [Там же, с. 89–90] (рис. 3, 2, 3).

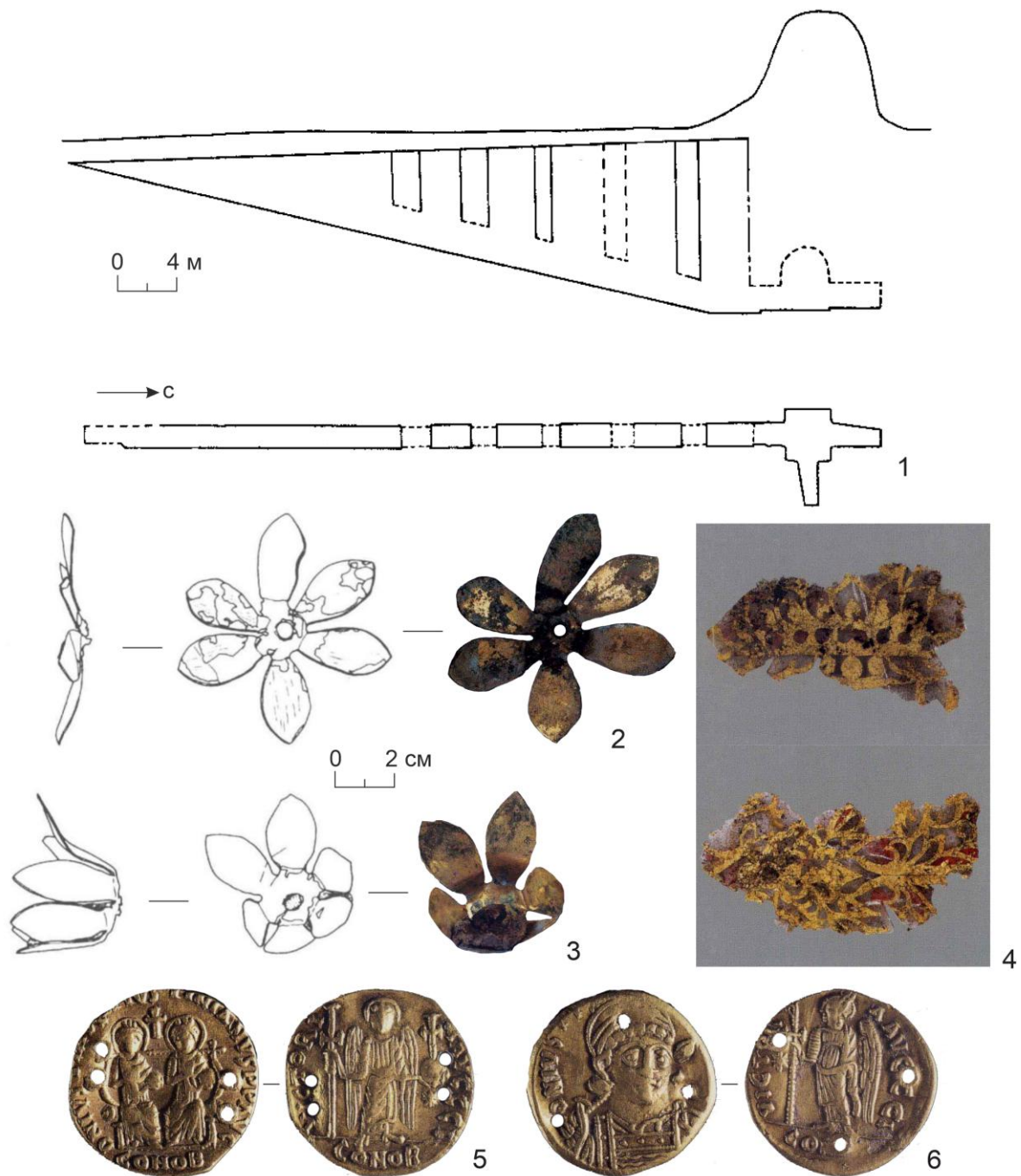

Рис. 3. Могила Тянь Хуна:

1 – план и разрез; 2, 3 – бронзовые позолоченные цветы; 4 – фрагменты изделия из слюды; 5 – солид периода совместного правления Юстина I и Юстиниана Великого; 6 – солид Юстина I (1 – по: [Юаньчжоу..., 1999, рис. 79]; 2–6 – по: [Бэй Чжоу..., 2009, с. 90, рис. 70, цв. вкл. 30: 3–6, 31: 5, 6, 37: 1, 4]. 4–6 – без масштаба)

Fig. 3. Tomb of Tian Hong:

1 – plan and section; 2, 3 – gilded bronze flowers; 4 – fragments of items made of mica; 5 – solidus of Justinian I, the Great (co-regent); 6 – solidus of Justin I (1 – as per: [Yuanzhou..., 1999, fig. 79]; 2–6 – as per: [Bei Zhou..., 2009, p. 90, fig. 70, colour pl. 30: 3–6, 31: 5, 6, 37: 1, 4], 4–6 not to scale)

Кроме китайских и сяньбийских черт погребального обряда материалы гробницы Тянь Хуна содержат свидетельства центральноазиатских заимствований. К их числу принадлежат фрагменты некоего изделия (возможно, ширмы или повозки), выполненные из слюдяных пластинок, украшенных с одной стороны ажурным узором из тончайшей золотой фольги, а с другой – полихромной росписью (рис. 3, 4). Пластины изготовлены из мусковита, вероятно, полученного из месторождения в горах Люпаньшань в окрестностях Гуюаня. Орнамент включает ряд мотивов, восходящих к западным изобразительным традициям: акантовые листья, нити жемчужин [Бэй Чжоу..., 2009, с. 97–101, 208–209]. Еще одним свидетельством функционирования Шелкового пути являются пять византийских золотых монет. Все они хорошо датируются: одна выпущена во время правления Льва I (457–474), еще одна – в период правления Юстина I (518–527), остальные связаны с царствованием Юстиниана Великого (527–565) как соправителя или полновластного императора. Согласно выводам Такаси Таниити, все монеты подлинные, константинопольской чеканки [Там же, с. 86–88, 198–204]. Четыре монеты из пяти имеют отверстия, что указывает на их использование в качестве амулетов или украшений, а не средства обращения (рис. 3, 5, 6).

Исследование антропологических материалов показало, что скелеты, обнаруженные в задней и центральной камерах, принадлежат соответственно пожилым мужчине и женщине в возрасте ок. 50 лет, по-видимому, Тянь Хуну и его жене. Антропологические признаки указывают на их принадлежность к североазиатскому типу монголоидов. Кроме того, в грабительском лазе найден череп, принадлежавший еще одному взрослому мужчине, чей точный возраст и расовый тип неопределимы. Внутри черепа найдена византийская монета, попавшая туда до заполнения черепа грунтом [Там же, с. 133–142].

В могиле найдены каменные плиты с эпитафией. Текст эпитафии (1 341 иероглиф), сохранил основные биографические сведения о покойном. Как и Ли Сянь, Тянь Хун состоял на службе у Северного Вэй, Западного Вэй и Северного Чжоу, был правителем нескольких областей, в том числе Юаньчжоу, имел титул главнокомандующего – опоры государства (*чжунго дацзынцзюнь*), а также занимал пост министра общественных работ (*дасыкун*). Изначально он носил фамилию Тянь, но за заслуги ему была пожалована сяньбийская фамилия Хэгань. Биография Тянь Хуна включена в династийные истории «Чжоу шу» и «Бэй ши» [Там же, с. 173–193]. Одни исследователи считают его ханьцем, поскольку при рождении он носил фамилию Тянь [Wu Jui-Man, 2010, p. 67]. Другие полагают, что дарование ему фамилии Хэгань в действительности было восстановлением фамилии его предков, принадлежавших к сяньбийскому племени цифу [Бэй Чжоу..., 2009, с. 174–176; Чжоу Пэйни, 2011, с. 100–101].

Заключение

Как видно, устройство трех погребений чрезвычайно схоже: это вырезанные в толще грунта склепы с длинными наклонными дромосами с несколькими воздушными шахтами, ориентированные по линии север – юг. Высокая степень сходства объясняется не только территориальной и хронологической близостью рассматриваемых памятников, но и общими чертами в происхождении (местные жители, выходцы из знатных семей), социальном статусе (высокопоставленные чиновники) и, вероятно, имущественном положении погребенных. Конструктивно могилы периода Северного Чжоу из окрестностей Гуюаня наследуют более ранним, северовэйским погребениям, изученным на этой же территории, и аналогичны синхронным погребальным комплексам из района г. Сиань (см.: [Юнь Аньчжи, 1992; Яо Вэйлин, 2002]). Особенностью гробниц, изученных в районе Гуюаня, является наличие земляной насыпи, которая, по-видимому, имела и у других погребений, однако в экономически более развитой пров. Шэньси наземные конструкции большинства погребений были разрушены в ходе хозяйственной деятельности. Из письменных и эпиграфических источников известно, что в состав наземной части комплексов входили скульптурные ансамбли аллеи духов, но они не дошли до настоящего времени.

Во всех трех погребениях имеются настенные росписи, лучше всего сохранившиеся в могиле Ли Сяня. Сюжеты включают фигуры чиновников, воинов, слуг и музыкантов, образующие своеобразный «почетный караул», дублирующий набор керамических статуэток. На стенах гробницы Ли Сяня также фиксируются изображения архитектурных сооружений. Наиболее многочисленной категорией находок являются керамические статуэтки, изображающие воинов, чиновников и музыкантов, значительная часть фигурок воспроизводит облик представителей не китайских народов. В целом конструкция могил и состав погребального инвентаря соответствуют стандарту аристократических погребений Северного Чжоу (ср.: [Юнь Аньчжи, 1992]).

Материалы рассматриваемых памятников демонстрируют ряд специфических характеристик, отличавших погребальный обряд Северного Чжоу. Это сравнительно широкое для периода раннего Средневековья использование нефритовых ритуальных предметов, что объясняется ориентацией правящих кругов на ритуальную систему эпохи Чжоу (1046–221 гг. до н. э.), в честь которой империя рода Юйвэнь получила свое наименование, и усилением роли конфуцианства как государственной идеологии. В погребениях практически отсутствуют изделия из фарфора (лишь в могиле Тянь Хуна найден один фарфоровый светильник), что указывает на слабость экономических связей с государствами южного Китая, где находились основные центры фарфорового производства. В материалах северочжоуских погребений в районе Гуяня фиксируются и следы сяньбийских погребально-поминальных обрядовых практик. Это сопроводительные захоронения животных – лошади в могиле Юйвэнь Мэна и собаки у гроба жены Тянь Хуна. На уровне сопроводительного инвентаря признаками степного влияния служат миниатюрный серебряный котелок из погребения Ли Сяня и покрытые позолотой бронзовые цветы из гробницы Тянь Хуна – возможно, фрагменты головного убора или украшения. О важной роли контактов по Шелковому пути в экономике и культуре Северного Чжоу свидетельствуют находки драгоценных импортных предметов, поступавших из разных регионов Центральной Азии и даже из Византии. Центральноазиатские мотивы прослеживаются в орнаментике слюдяного изделия, найденного в могиле Тянь Хуна.

Список литературы

- Wu Jui-Man.** Mortuary art in the Northern Zhou China (557–581 CE). PhD dissertation. Pittsburgh, 2010, 245 p.
- Ань Цзяяо.** Бэй Чжоу Ли Сянь му чутудэ боливань — сашань болицидэ фасянь юй яньцзю [安家瑶. 北周李贤墓出土的玻璃碗——萨珊玻璃器的发现与研究]. Стекланная чашечка из погребения Ли Сяня эпохи Северного Чжоу: обнаружение и исследование сасанидских стеклянных сосудов // Каогу. 1986. № 2. С. 173–181, вкл. 8. (на кит. яз.)
- Бэй Чжоу Тянь Хун му [北周田弘墓]. Могила Тянь Хуна эпохи Северного Чжоу. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2009. 294 с., 48 цв. илл. (на кит. яз.)
- Ван Вэймин.** Бэй Чжоу Ли Сянь фуфу му жогань вэньти чутань [王卫明. 北周李贤夫妇墓若干问题初探]. Предварительное исследование некоторых вопросов, связанных с гробницей Ли Сяня и его жены эпохи Северного Чжоу // Мэйшу яньцзю. 1985. № 4. С. 62–71. (на кит. яз.)
- Гао Цзяи.** Гуянянь дицзюй Бэй Чжоу сань му бихуа яньцзю [高嘉谊. 固原地区北周三墓壁画研究]. Исследование настенных росписей трех погребений эпохи Северного Чжоу в районе Гуяня // Синсян шисюэ. 2020. № 1. С. 230–254. (на кит. яз.)
- Гу Тефу.** Гуаньюй Ли Сянь шисин, мэньван, миньцзудэ исе каньфа [顾铁符. 关于李贤氏姓、门望、民族的一些看法]. Некоторые мысли о фамилии, статусе семьи и национальности Ли Сяня // Мэйшу яньцзю. 1985. № 4. С. 57–58. (на кит. яз.)

- Гэн Чжицян.** Гуюань Бэй Чжоу Юйвэнь Мэн му фацзюэ цзяньбао [耿志强. 固原北周宇文猛墓发掘简报]. Краткий отчет о раскопках погребения Юйвэнь Мэна эпохи Северного Чжоу в Гуюане // Нинся каогу вэньцзи [宁夏考古文集]. Сборник статей по археологии Нинся. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1994. С. 134–147. (на кит. яз.)
- Гэн Чжицян.** Гуюань Бэй Чжоу Юйвэнь Мэн му [耿志强. 固原北周宇文猛墓]. Погребение Юйвэнь Мэна эпохи Северного Чжоу в Гуюане. Пекин: Янгуан чубаньшэ, 2014. 240 с. (на кит. яз.)
- Ло Фэн.** Ли Сянь фуфу мучжи каолюэ [罗丰. 李贤夫妇墓志考略]. Краткое исследование эпитафий Ли Сяня и его жены // Мэйшу яньцзю. 1985. № 4. С. 59–61. (на кит. яз.)
- Лю Мяомяо.** Бэй Чжоу Ли Сянь му яньцзю цзуншу цзи сянгунь сыкао [刘苗苗. 北周李贤墓研究综述及相关思考]. Обзор исследований погребения Ли Сяня эпохи Северного Чжоу и связанные с этим размышления // Мэйшу вэньсянь. 2022. № 6. С. 32–34. (на кит. яз.)
- Сюэ Чжэнчан.** Ли Сянь чжуаньлюэ [薛正昌. 李贤传略]. Краткая биография Ли Сяня // Гуюань шичжуань сюэбао. 1997. № 5. С. 39–44. (на кит. яз.)
- Сюэ Чжэнчан.** Сычочжилу юй Гуюань – шэньбао шицзе вэньхуа ичань Нинся дуань сы чу вэньхуа ицунь [薛正昌. 丝绸之路与固原–申报世界文化遗产宁夏段四处文化遗存]. Шелковый путь и Гуюань: четыре памятника культуры в Нинся, претендующие на включение в список Всемирного культурного наследия // Шэньси шифань дасюэ сюэбао. 2012. Т. 41, № 6. С. 91–102. (на кит. яз.)
- У Чжо.** Бэй Чжоу Ли Сянь му чуту люцзинь иньху као [吴焯. 北周李贤墓出土鎏金银壶考]. Исследование позолоченного серебряного кувшина, найденного в погребении Ли Сяня эпохи Северного Чжоу // Вэнь. 1987. № 5. С. 66–76. (на кит. яз.)
- Хань Чжаоминь.** Нинся Гуюань Бэй Чжоу Ли Сянь фуфу му фацзюэ цзяньбао [韩兆民. 宁夏固原北周李贤夫妇墓发掘简报]. Краткий отчет о раскопках парного захоронения Ли Сяня и его супруги эпохи Северного Чжоу в Гуюане, Нинся // Вэнь. 1985. № 11. С. 1–20, вкл. 1–3. (на кит. яз.)
- Чжан Цинцзе, Чан Иминь.** Бэй Ци Сюй Сяньсю му чутудэ цян ланьбаоши цзинь цзечжи [张庆捷、常一民. 北齐徐显秀墓出土的嵌蓝宝石金戒指]. Золотой перстень с сапфиром из погребения Сюй Сяньсю эпохи Северного Ци // Вэнь. 2003. № 10. С. 53–57. (на кит. яз.)
- Чжан Шучэн.** Ли Бо цзунциньдэ сылу цинцзе [张书城. 李白宗亲的丝路情结]. «Комплекс Шелкового пути» предков Ли Бо // Ланьчжоу дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань). 1996. Т. 24, № 2. С. 63–69. (на кит. яз.)
- Чжоу Пэйни.** Бэй Чжоу Тянь Хун му чуту вэньбүдэ чжунъяо сюэшу цзячжи [周佩妮. 北周田弘墓出土文物的重要学术价值]. Научная значимость артефактов, обнаруженных в погребении Тянь Хуна эпохи Северного Чжоу // Нинся шифань сюэюань сюэбао (Шэхуэй кэсюэ). 2022. Т. 32, № 4. С. 99–102. (на кит. яз.)
- Чэнь Чжунъань.** Ли Сянь мучжи шэньлунь [陈仲安. 李贤墓志申论]. Разъяснение эпитафии Ли Сяня // Чуту вэньсянь яньцзю. 1989. С. 301–306. (на кит. яз.)
- Юаньчжоу гуму цзичэн** [原州古墓集成]. Полное собрание древних погребений Юаньчжоу. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 1999. 202 с. (на кит. яз.)
- Юнь Аньчжи.** Чжунго Бэй Чжоу чжэньгуй вэнь – Бэй Чжоу муцзан фацзюэ баогао [允安志. 中国北周珍贵文物–北周墓葬发掘报告]. Ценные памятники культуры Северного Чжоу в Китае: отчеты о раскопках погребений Северного Чжоу. Сиань: Шэньси жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1992. 544 с. (на кит. яз.)
- Яо Вэйлин.** Нинся Гуюань бэйчао муцзан чутань [姚蔚玲. 宁夏固原北朝墓葬初探]. Предварительное исследование погребений эпохи Северных династий в Гуюане, Нинся // Хуася каогу. 2002. № 4. С. 86–96. (на кит. яз.)

References

- An Jiayao.** Bei Zhou Li Xian mu chutude boliwan – sashan boliqide faxian yu yanjiu [安家瑶. 北周李贤墓出土的玻璃碗——萨珊玻璃器的发现与研究]. *The Glass Bowl Unearthed from the Tomb of Li Xian in the Northern Zhou Dynasty – Discovery and Research of Sasanian Glassware. Archaeology*, 1986, no. 2, pp. 173–181, pl. 8. (in Chin.)
- Bei Zhou Tian Hong mu [北周田弘墓]. *The Tomb of Tian Hong of the Northern Zhou Dynasty*. Beijing, Cultural Relics Publ., 2009, 294 p., 48 colour pl. (in Chin.)
- Chen Zhong'an.** Li Xian muzhi shenlun [陈仲安. 李贤墓志申论]. On Li Xian's Epitaph. *Chutu wenxian yanjiu [Unearthed Documents Research]*, 1989, pp. 301–306. (in Chin.)
- Gao Jiayi.** Guyuan diqu Bei Zhou san mu bihua yanjiu [高嘉谊. 固原地区北周三墓壁画研究]. Study on the Murals of Three Northern Zhou Tombs in Guyuan Area. *Image Historical Studies*, 2020, no. 1, pp. 230–254. (in Chin.)
- Geng Zhiqiang.** Guyuan Bei Zhou Yuwen Meng mu [耿志强. 固原北周宇文猛墓]. The tomb of Yuwen Meng of Northern Zhou Dynasty in Guyuan. Beijing, Yangguang chubanshe, 2014, 240 p. (in Chin.)
- Geng Zhiqiang.** Guyuan Bei Zhou Yuwen Meng mu fajue jianbao [耿志强. 固原北周宇文猛墓发掘简报]. Brief report on the excavation of Yuwen Meng's tomb of Northern Zhou Dynasty in Guyuan. In: *Ningxia kaogu wenji [宁夏考古文集]. Anthology on Ningxia Archaeology*. Yinchuan, Ningxia people's Publishing House, 1994, pp. 134–147. (in Chin.)
- Gu Tiefu.** Guanyu Li Xian shixing, menwang, minzude yixie kanfa [顾铁符. 关于李贤氏姓、门望、民族的一些看法]. Some Views on Li Xian's Surname, Family Reputation and Nationality. *Art Research*, 1985, no. 4, pp. 57–58. (in Chin.)
- Han Zhaomin.** Ningxia Guyuan Bei Zhou Li Xian fufu mu fajue jianbao [韩兆民. 宁夏固原北周李贤夫妇墓发掘简报]. Brief report on the excavation of the tomb of Li Xian and his wife of Northern Zhou dynasty in Guyuan, Ningxia. *Cultural Relics*, 1985, no. 11, pp. 1–20, pl. 1–3. (in Chin.)
- Liu Miaomiao.** Bei Zhou Li Xian mu yanjiu zongshu ji xiangguan sikao [刘苗苗. 北周李贤墓研究综述及相关思考]. A Review of the Research on Li Xian's Tomb in the Northern Zhou Dynasty and Related Thoughts. *Fine Arts Literature*, 2022, no. 6, pp. 32–34. (in Chin.)
- Luo Feng.** Li Xian fufu muzhi kaolve [罗丰. 李贤夫妇墓志考略]. A Brief Study on the Epitaph of Li Xian and His Wife. *Art Research*, 1985, no. 4, pp. 59–61. (in Chin.)
- Wang Weiming.** Bei Zhou Li Xian fufu mu ruogan wenti chutan [王卫明. 北周李贤夫妇墓若干问题初探]. A Preliminary Study on Several Issues in the Tomb of Li Xian and His Wife in the Northern Zhou Dynasty. *Art Research*, 1985, no. 4, pp. 62–71. (in Chin.)
- Wu Jui-Man.** Mortuary art in the Northern Zhou China (557–581 CE). PhD dissertation. Pittsburgh, 2010, 245 p.
- Wu Zhuo.** Bei Zhou Li Xian mu chutu liujin yinhu kao [吴焯. 北周李贤墓出土鎏金银壶考]. Research on Gilt Silver Ewer Unearthed from the Tomb of Li Xian of the Northern Zhou Dynasty. *Cultural Relics*, 1987, no. 5, pp. 66–76. (in Chin.)
- Xue Zhengchang.** Li Xian zhuanlue [薛正昌. 李贤传略]. A brief biography of Li Xian. *Guyuan shizhuan xuebao (Shehui kexue) [Journal of Ningxia Normal University (Social Sciences)]*, 1997, no. 5, pp. 39–44. (in Chin.)
- Xue Zhengchang.** Sichouzhilu yu Guyuan – shenbao shijie wenhua yichan Ningxia duan si chu wenhua yicun [薛正昌. 丝绸之路与固原—申报世界文化遗产宁夏段四处文化遗存]. The Silk Road and Guyuan – The Four Cultural Relics in Ningxia Applying for the World Cultural Heritages. *Journal of Shaanxi Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2012, vol. 41, no. 6, pp. 91–102. (in Chin.)

- Yao Weiling.** Ningxia Guyuan beichao muzang chutan [姚蔚玲. 宁夏固原北朝墓葬初探]. A Preliminary Study of the Northern Dynasties Tombs in Guyuan, Ningxia. *Huaxia Archaeology*, 2002, no. 4, pp. 86–96. (in Chin.)
- Yuanzhou gumu jicheng [原州古墓集成]. Collection on the Ancient Tombs in Yuanzhou. Beijing, Cultural Relics Publ., 1999, 202 p. (in Chin.)
- Yun Anzhi.** Zhongguo Bei Zhou zhengui wenwu – Bei Zhou muzang fajue baogao [允安志. 中国北周珍贵文物–北周墓葬发掘报告]. The Northern Zhou's Precious Historical Relics – The Northern Zhou's graves excavation report. Xi'an, Shaanxi People's Fine Arts Publishing House, 1992, 544 p. (in Chin.)
- Zhang Qingjie, Chang Yimin.** Bei Qi Xu Xianxiu mu chutude qian lanbaoshi jin jiezhi [张庆捷、常一民. 北齐徐显秀墓出土的嵌蓝宝石金戒指]. A Gold Ring Inlaid with a Blue Gem from Xu Xianxiu's Tomb of Northern Qi. *Cultural Relics*, 2003, no. 10, pp. 53–57. (in Chin.)
- Zhang Shucheng.** Li Bo zongjinde silu qingjie [张书城. 李白宗亲的丝路情结]. «Silk Road Complex» of Li Bo's Ancestors. *Journal of Lanzhou University (Social Sciences)*, 1996, vol. 24, no. 2, pp. 63–69. (in Chin.)
- Zhou Peini.** Bei Zhou Tian Hong mu chutu wenwude zhongyao xueshu jiazhi [周佩妮. 北周田弘墓出土文物的重要学术价值]. The important academic value of cultural relics unearthed from the tomb of Tian Hong of the Northern Zhou Dynasty. *Journal of Ningxia Teachers University (Social Science)*, 2022, vol. 32, no. 4, pp. 99–102. (in Chin.)

Информация об авторах

Мария Андреевна Кудинова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57204361448

WoS Researcher ID AAJ-2405-2021

RSCI Author ID 821099

SPIN 3321-4579

Даниил Петрович Шульга, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57196022298

WoS Researcher ID ABB-8153-2020

RSCI Author ID 685742

SPIN 6562-2080

Information about the Authors

Maria A. Kudinova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57204361448

WoS Researcher ID AAJ-2405-2021

RSCI Author ID 821099

SPIN 3321-4579

Daniil P. Shulga, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57196022298

WoS Researcher ID ABB-8153-2020

RSCI Author ID 685742

SPIN 6562-2080

Статья поступила в редакцию 01.02.2023;

одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 10.02.2023

The article was submitted on 01.02.2023;

approved after reviewing on 07.02.2023; accepted for publication on 10.02.2023

Научная статья

УДК 904(513)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-32-46

Моги́льник Цзиньляньшань и его место в изучении донгшонско-дяньской цивилизации

Сергей Александрович Комиссаров ¹

Александр Иванович Соловьев ²

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Аннотация

Приведены данные по раскопкам и исследованию могильника Цзиньляньшань в городском округе Юйси (пров. Юньнань, КНР). Значительная часть погребений относится к позднему периоду культуры Дянь (другое название – культура Шичжайшань), которые по найденным бронзовым монетам и печати датируется концом II в. до н. э. – началом I в. н. э. Памятник являлся кладбищем населения со сложной организацией и социальной дифференциацией; в его составе выявлены две элитные могилы, захоронения представителей среднего и низшего социального слоя. В половине мужских захоронений найдено оружие, поскольку, возможно, покойные при жизни входили в состав местного ополчения. Важная особенность этого кладбища – обилие костных останков, в том числе вторичные погребения, что в целом не характерно для могильников культуры Дянь. Причины такой ситуации не вполне ясны, для их определения необходимы данные морфологического и палеогенетического антропологического анализа. При этом следует подчеркнуть, что уже полученные сведения представляют собой прочную основу для более детальной реконструкции как культуры Дянь, так и, соответственно, общей картины этнокультурного развития Большой Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова

КНР, провинция Юньнань, донгшонско-дяньская цивилизация, государство Дянь, Цзиньляньшань, погребальный памятник, способ захоронения

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00820, <https://rscf.ru/project/23-28-00820>

Для цитирования

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Моги́льник Цзиньляньшань и его место в изучении донгшонско-дяньской цивилизации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 32–46. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-32-46

© Комиссаров С. А., Соловьев А. И., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 32–46

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 32–46

The Jinlianshan Graveyard and Its Role in the Study of the Dong Son – Dian Civilization

Sergey A. Komissarov¹, Aleksandr I. Solovyev²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easoloviev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Abstract

The article presents the results of the excavation and studying of the materials from the Jinlianshan graveyard in Yuxi prefecture-level city (Yunnan Province, PRC). The significant part of the site belongs to the late period of Dian Culture (other name: Shizhaishan Culture), which, according to the found bronze coins and seal, dates from the end of 2nd century BC to the beginning of 1st century AD. The site was a cemetery of the population with a complex organization and social differentiation, and probably had close ties with the nearby settlement of Xueshan. Two aristocratic graves, as well as burials of representatives of the middle and lower social strata were identified in its composition. Bronze and bimetallic weapons were found in about half of the male graves, which probably indicate that during their lifetime the deceased were part of the local militia. An important feature of this cemetery is the abundance of bone remains of the dead, including those in the secondary burials, which is generally not typical for graveyards of the Dian Culture. The reasons for this characteristic feature are not entirely clear, and data from further morphological and paleogenetic anthropological analysis are needed to determine them. These prove to be opportunities for future research. At the same time, it should be emphasized that the information already obtained provides a solid basis for a more detailed reconstruction of the Dian culture, and the overall picture of the ethno-cultural development of Greater Southeast Asia, as well.

Keywords

PRC, Yunnan province, Dong Son – Dian civilization, Dian State, Jinlianshan, burial site, funeral fashion

Acknowledgments

This study was carried out with support of the Russian Scientific Foundation (RSF), project no. 23-28-00820, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00820>

For citation

Komissarov S. A., Solovyev A. I. The Jinlianshan Graveyard and Its Role in the Study of the Dong Son – Dian Civilization. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 32–46. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-32-46

Введение

Целенаправленное изучение государства Дянь (Диен) и его культуры началось в 1960-е гг.¹ в связи с открытием на территории провинции Юньнань могильников Шичжайшань и Лицзяшань. В отечественной науке их впервые исследовали Р. Ф. Итс [1972; 1975] и Д. В. Деопик [1979]. Но за прошедшие более чем полвека объем археологического материала существенно увеличился. Продолжились раскопки на двух базовых памятниках, к которым добавился насыщенный бронзовыми изделиями могильник Янфуту [Комиссаров, 2004]. Были установлены близкие аналогии юньнаньских находок с донгшонскими памятниками Южного Китая и Вьетнама², что позволило выделить единую донгшонско-дяньскую цивилизацию³ [Лаптев и др., 2016]⁴, в которой культура Дянь⁵ представляла один из вари-

¹ Отдельные находки случались и раньше; см.: [Chiou-Peng TzeHuey, 2008, p. 34].

² См.: Nguyen Quoc Binh. Dong Son Culture in Vietnam. [P. 1–5] // Jabatan muzium Malaysia [Сайт Департамента музеев Малайзии]. Б. г. URL: <http://www.jmm.gov.my/files/Dong%20Son%20culture%20in%20Vietnam.pdf> (дата обращения 31.12.2022).

³ Их влияние, прямое (в форме торговли или миграций) и косвенное, прослеживается на территории других регионов Юго-Восточной Азии. См.: [Деопик, 1986, с. 217–231; Moore, 2010, p. 130].

антов в период наибольшего расцвета [Молодин и др., 2015]. Однако основное внимание ученых концентрировалось на элитных могилах с найденными в них бронзовыми барабанами и *ситулами*, украшенными скульптурными и гравированными композициями, а также комплектами парадного бронзового оружия, тогда как могилы более низких рангов изучались недостаточно. Эту лауну позволили заполнить раскопки последних десятилетий, среди которых в числе наиболее значимых – работы на дяньском могильнике Цзиньляньшань (рис. 1). В нашей статье представлен предварительный разбор данных, полученных на этом памятнике.

Раскопки и находки

Могильник Цзиньляньшань располагался на вершине и склонах эпонимной скалы (1 806 м над уровнем моря, однако высота относительно поверхности составляет только 56 м), в уезде Чэнцзян городского округа Юйси пров. Юньнань, в 3 км к северу от оз. Фусянь. В 2006 г. там провели спасательные раскопки (после разрушения грабителями и сильными ливнями), когда на площади ок. 2 000 кв. м было вскрыто не менее 144 могил. Работы продолжились в последующие три года. Было выявлено два основных участка захоронений: на одном могилы располагались вдоль оси северо-запад – юго-восток, а на другом – по оси север – юг, причем последний частично перекрывал первый [Цзян Чжилун, У Цзин, 2011а, с. 73]. Всего на данный момент там раскопаны 404 дяньские могилы⁶ из общего числа 2 443 учтенных погребений на территории всего Юго-Западного Китая [Цзян Чжилун, 2013, с. 1–2], т. е. достаточно весомые 16,5 %. В юго-восточном углу кладбища обнаружили участок, покрытый слоем золы и пепла, в котором содержались обожженные фрагменты керамики, кости человека и зубы животных, бронзовая стрела, каменное точило, керамическое пряслице и др. Очевидно, здесь проводились обряды, связанные с погребальной практикой – особенность, которая не встречается на других дяньских памятниках [Цзян Чжилун и др., 2011, с. 30].

Кроме того, в декабре 2010 г. были начаты раскопки на расположенном неподалеку поселении Сюэшань, с населением которого, вероятно, связано образование могильника Цзиньляньшань⁷. Ситуация уникальная для культуры Дянь; поэтому ее подробное изложение будет представлено в нашей следующей статье по данной теме. Наиболее подробно изучены и опубликованы материалы 265 захоронений, раскопанных в период 2008–2009 гг., тогда как вещи из предшествующих раскопок пока не опубликованы на страницах научной периодики [Там же, с. 18].

Объект обладает сложной стратиграфией, могилы расположены очень плотно, часто наблюдается частичное разрушение относительно ранних могил более поздними. Причина этого видится в отсутствии в большинстве случаев внешних рельефно выраженных погребальных конструкций – во всяком случае, сохранившихся на сегодняшний день. В целом кладбище

⁴ Ср.: [Yao, 2018; Olsen, revised by Stark, 2012].

⁵ Некоторые археологи предпочитают использовать название «культура Шичжайшань», которое включает и ранние, «додяньские», и более поздние, «постдяньские» памятники [Цзян Чжилун, 1998; Ульянов, 2007].

⁶ Общая площадь могильника достигает ок. 40 тыс. кв. м, на которой расположено до 1 000 захоронений. Данные приводятся в статье, опубликованной ИА Синьхуа и продублированной на многих популярных сайтах. См.: Линь Игуан. Юньнань фацзюэ цзиньляньшань гу муцзанцзюнь [蔺以光. 云南金莲山古墓葬群 // 中央政府门户网站]. Древний могильник Цзиньляньшань в пров. Юньнань // Сообщение ИА Синьхуа, опубликовано на портале Центрального народного правительства Китая. 13.03.2009. URL: http://www.gov.cn/govweb/jrzg/2009-03/13/content_1258615.htm (на кит. яз.) (дата обращения 31.12.2022).

⁷ Ян Ян. Юньнань фацзюэ дунхань гу муцзюнь – юй цземи цинтун шидай жэньлэй шэнхэ [杨洋. 云南发掘东汉古墓群 欲揭秘青铜时代人类生活 // 中国新闻网]. В пров. Юньнань ведут раскопки могильника эпохи Восточная Хань, стремясь раскрыть тайны жизни людей бронзового века // Чжунго синьвэнь ван [Кит. новостное агентство онлайн]. 19.11.2010. URL: <https://www.chinanews.com.cn/cul/2010/11-19/2668560.shtml> (на кит. яз.) (дата обращения 31.12.2022).

Рис. 1. Моменты раскопок могильника Цзиньляньшань в 2009 г.:

1 – общий вид раскопа; 2 – могила, сочетающая первичное и вторичное погребения; 3 – выкладка из костей; 4 – находка бронзового наконечника копья; 5 – скопление целых керамических сосудов (пиалы *вань*); 6 – находка бронзовой бляхи. Фотографии подготовлены к печати А. И. Соловьевым по: [Чэнцзяньсянь..., б. г., фото 1, 3–6]

Fig. 1. Glimpses of excavation at Jinlianshan graveyard in 2009:

1 – general view of the archaeological dig; 2 – a grave with primary and secondary burials; 3 – layout of the human bones; 4 – a bronze spearhead find; 5 – a heap of unbroken ceramic bowls *wan*; 6 – a bronze badge find. Photos prepared for publishing by A. I. Solov'yev as per: [Chengjiangxian..., s. a., photo 1, 3–6]

использовалось на протяжении долгого периода, который мог достигать двух-трех столетий. Предварительная дата памятника была определена на основе многочисленных сопоставлений найденных металлических вещей и керамики с хорошо датированными предметами погребального инвентаря из трех «главных» могильников (Шичжайшань, Лицзяшань, Янфутоу). В основном она охватывает поздний период его существования – от середины Западной Хань до начала Восточной Хань или немного позднее (конец II в. до н. э. – начало II в. н. э.).

Принадлежность к этапу существования государства Дянь в качестве зависимой территории в составе Ханьской империи, после подчинения дяньцев в 109 г. до н. э., доказывает и находка в могиле M166 небольшой (1,8 × 1,6 см) печати, вырезанной из желтого песчаника⁸, со сквозным отверстием, через которое пропускали шнурок для подвешивания к поясу [Цзян Чжилун и др., 2011, с. 25]. На ее поверхности вырезано два иероглифа (первый поврежден, второй – *юй*, рыба). Как считает Ян Юн [2016], данная находка относится к категории именных личных печатей и датируется начальным периодом Восточной Хань. На наш взгляд, надпись могла также означать название местности (вероятно, связанной с озером), которую покойный контролировал. В любом случае печать указывала на относительно высокий статус владельца и, возможно, имела значение инвеституры по ханьскому образцу. Предложенные даты проверяются данными нумизматики. В 14 могилах из раскопок 2006 и 2008–2009 гг. найдено 34 монеты у *чжу*. Поскольку их более подробное описание не приводится, то остановимся на дате 118 г. до н. э., когда монеты этого типа заменили предыдущие. Соответственно, эта дата может рассматриваться как нижняя граница для значительного числа погребений, поскольку монеты могли проникать в Дянь и ранее ханьского завоевания в 109 г. до н. э.⁹ В то же время два других вида монет имеют намного более точную дату, поскольку были отлиты в период краткого правления Ван Мана. В двух могилах нашли 11 монет *Да цюань уши*, выпускавшихся в период 7–19 гг. н. э.¹⁰, а еще в одной могиле – монету *Да бу хуан цянь*, отлитую в промежутке между 10 и 13 гг. н. э.¹¹

Руководитель раскопок Цзян Чжилун, который внес основной вклад в изучение памятника, выделил в его составе также ранний и средний периоды [Цзян Чжилун, 2013, с. 52–57], которые отнес соответственно к периоду Чуньцю (начало VIII – середина VI в. до н. э.) и Чжаньго (середина VI – конец III в. до н. э.). Не считая себя вправе без каких-либо дополнительных сведений вступать в дискуссию с ученым, который имел возможность непосредственно исследовать как раскопанные, так и музейные материалы, всё же заметим, что если принять эту хронологию, то получается, что могильник одной культуры, достаточно гомогенной по внешнему облику, функционировал практически непрерывно на протяжении восьми – девяти веков, равно как и поселение, с которым он увязывается. Впрочем, возможно, таких поселений было несколько, и существовать они могли не синхронно, но в любом случае погребений должно было быть на несколько порядков больше, даже с учетом плотного заполнения кладбища. Теоретически можно допустить столь длительное существование памятника культуры Дянь (Шичжайшань), но в целом в ту эпоху развитие и смена культурных и, особенно, политических образований происходила заметно быстрее. Все ранние даты для Цзиньляньшань установлены только за счет сопоставлений находок с другими памятниками, радиоуглеродное же датирование не проводилось. Поэтому до появления новых данных мы будем ориен-

⁸ По другим данным, печать была отлита из бронзы.

⁹ Торговое и военное продвижение империи Хань на юго-запад датируется в «Исторических записках» Сыма Цяня 135 г. до н. э., упоминание о контактах ханьцев с царством Дянь – 122 г. до н. э. [Allard, 1990, p. 329–330].

¹⁰ Да цюань уши [大泉五十 // 百度百科]. Монета *Да цюань уши* (Большая монета ценой в 50) // Байду байкэ (электрон. энцикл.). URL: https://baike.baidu.com/item/大泉五十?fromModule=lemma_inlink (на кит. яз.) (дата обращения 31.12.2022).

¹¹ Да бу хуан цянь [大布黄千 // 百度百科]. Монета *Да бу хуан цянь* (Большая монета-«рубашка», равная 1000) // Байду байкэ (электрон. энцикл.). URL: [https://baike.baidu.com/item/大布黄千/4758586?fr=aladdin#reference-\[1\]-262851-втор](https://baike.baidu.com/item/大布黄千/4758586?fr=aladdin#reference-[1]-262851-втор) (на кит. яз.) (дата обращения 31.12.2022).

тироваться на вполне надежную дату позднего периода, тем более что большинство обсуждаемых в статье погребений относится именно к этому этапу.

Братские могилы и скелеты в мешках

На могилинике Цзиньляньшань захоронения производились в прямоугольных в плане грунтовых ямах размерами 2–3 м в длину и 0,5–1,5 м ширину, глубина, насколько ее удастся определить, варьирует от 0,8 до 2,3 м; стенки вертикальные или с небольшим наклоном наружу, иногда с узким уступом; погребальные конструкции не прослеживаются – в отличие от больших могил в Шичжайшань и других могилиников классического периода, где обычно имеются следы деревянного гроба, иногда с саркофагом [Чжунго каогусюэ., 2010, с. 889]. Над некоторыми захоронениями зафиксированы скальные обломки, но не исключено их появление в результате естественных процессов. Площадь могил примерно от 0,5 до 5 кв. м, в среднем 2,5–3,5 кв. м. Особо выделяются могилы, 06М1 и 06М6, сохранившаяся площадь которых равна соответственно 12,58 и 14,4 кв. м [Цзян Чжилун, 2013, с. 127–136]. К сожалению, они подверглись разграблению, поэтому знаковые вещи обнаружены только в обломках. В первой могиле это, вероятно, бронзовый барабан, а во второй – *ситула* для хранения каури, поскольку там же найдено 200 морских раковин. Кроме того, от 1 до 12 раковин найдено еще в семи погребениях. Китайские ученые спорят о том, реально ли эти раковины играли роль денег или только выступали символом особого статуса покойного [Bin Yang, 2004, p. 305–307]¹². Нам представляются справедливыми оба предположения: сотни раковин в бронзовой «копилке» подчеркивают престиж богатого захоронения, а отдельные находки *Monetaria moneta*, как и во многих древних культурах, свидетельствуют об их использовании в качестве средства платежа, в данном случае, вероятно, для оплаты каких-то действий в загробном мире.

Погребальный обряд отличается исключительным разнообразием, что затрудняет выделение единого шаблона. Больше всего стандартных для культуры Дянь одиночных трупоположений в позе вытянутые на спине с прямыми ногами (но с разным расположением рук), которые в целом составляют четвертую часть от общего числа. Тела располагались головой к вершине горы, а ногами – к подножью, с ориентацией на запад или северо-запад. Инвентарь представлен двумя-тремя единицами бронзовых или железных изделий, часто оружия, на удивление мало керамики. Среди других одиночных погребений выделяются вытянутые на боку и ничком, скорченные на спине и на боку, парные и групповые, а также различные виды вторичных захоронений. Нередко они сочетаются в одной могиле, чего раньше не наблюдалось на дяньских могилиниках. В кратком отчете о раскопках приводятся наиболее выразительные примеры таких захоронений [Цзян Чжилун и др., 2011, с. 18–28]. Кости часто располагались в могилах в два-три слоя. Так, в могиле М74 (рис. 2, 5) сверху лежал скелет 40-летнего мужчины с довольно богатым инвентарем; найдены бронзовые топор, мотыга, наконечник копья, два наконечника стрел, массивная поясная бляха, биметаллические наконечник копья и кинжал, железное лезвие, каменное точило, агатовые пуговицы (рис. 3, 1, 8–19, 21), морская раковина, а также фрагменты керамики. Под ним была насыпь из костей нескольких человек, в которой обнаружился относительно целый скелет 50-летней женщины; в дне могилы зафиксирована неглубокая яма-*яокэн* с костями конечностей и керамическим пряслищем (рис. 3, 20). В могиле М122 в верхней части лежали два костяка женщин в возрасте 25–30 лет, один на спине, другой на боку, в ногах у них – косточки младенца, в области груди – кости еще трех детей, в том числе один в возрасте 6 лет и еще один – 14–17 лет (рис. 2, 3). Внизу располагался хорошо сохранившийся скелет мужчины 24–26 лет, вытянутый на спине, с бронзовыми наконечниками стрел и наконечником копья (рис. 3, 2–7).

¹² См.: Ancient 'money pots' tell a rich tale // ChinaDaily.com.cn. 27.05.2022. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202205/27/WS62902e99a310fd2b29e5f56b.html> (дата обращения 31.12.2022).

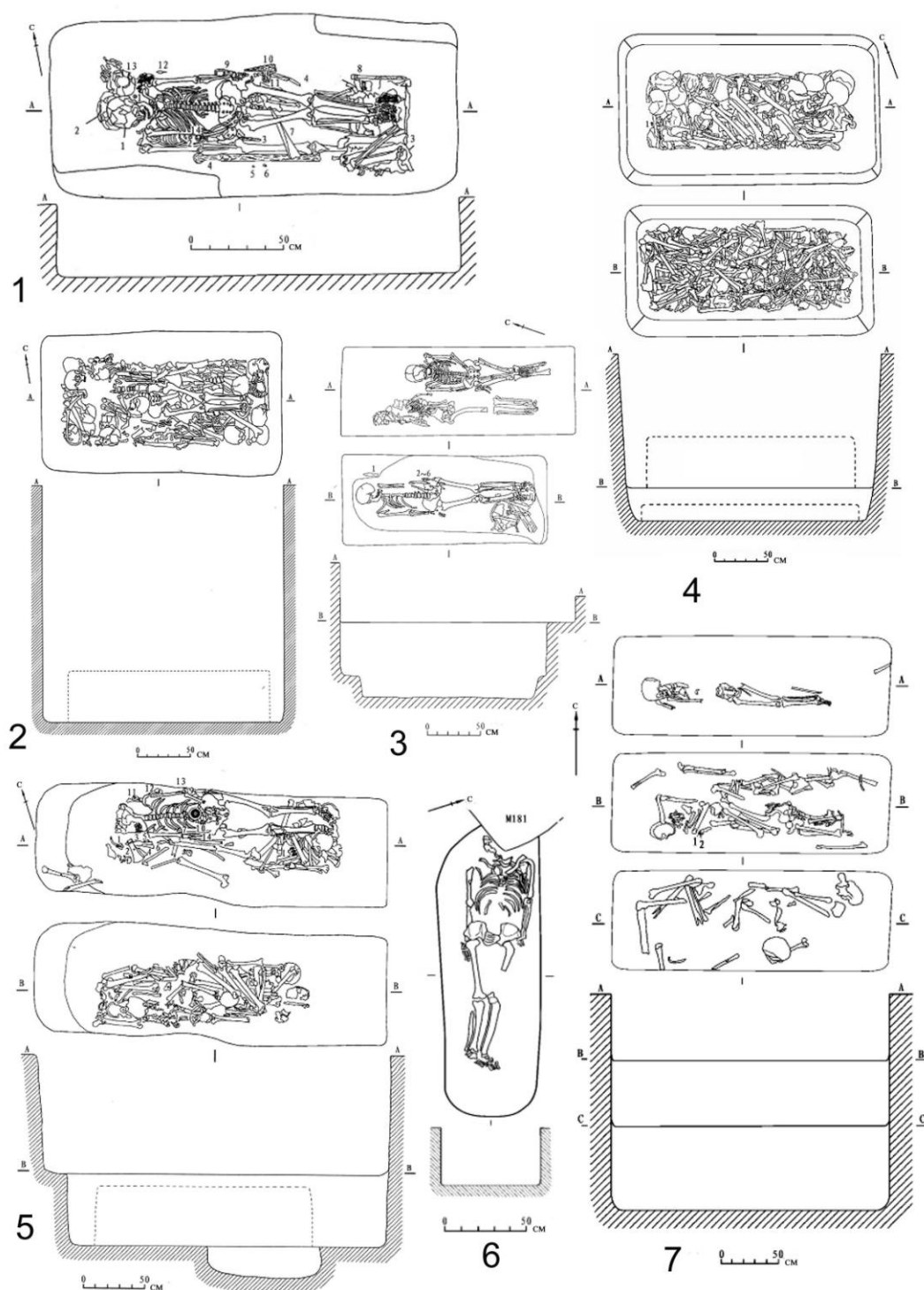

Рис. 2. Образцы характерных захоронений на могильнике Цзиньлианьшань:

1 – могила M166; 2 – могила M155; 3 – могила M122; 4 – могила M200; 5 – могила M74; 6 – могила M205; 7 – могила M184. Таблица составлена А. И. Соловьевым по: [Цзян Чжилун и др., 2011, с. 19, рис. 2; с. 21, рис. 6; с. 23, рис. 8; с. 26, рис. 12, 13; с. 27, рис. 15; с. 28, рис. 16]

Fig. 2. Some examples of characteristic burials at Jinlianshan graveyard:

1 – grave M166; 2 – grave M155; 3 – grave M122; 4 – grave M200; 5 – grave M74; 6 – grave M205; 7 – grave M184. The table composed by A. I. Solovyev as per: [Jiang Zhilong et al., 2011, p. 19, fig. 2; p. 21, fig. 6; p. 23, fig. 8; p. 26, fig. 12, 13; p. 27, fig. 15; p. 28, fig. 16]

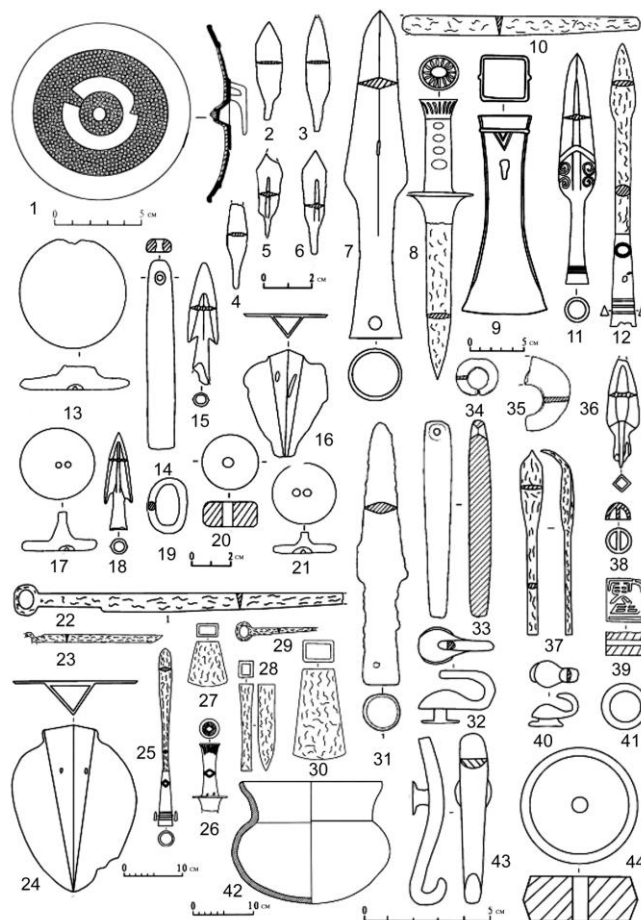

Рис. 3. Погребальный инвентарь, найденный на могильнике Цзиньляньшань:

1 – бронзовая бляха M74-1:9; 2–6 – бронзовые наконечники стрел M122-2:2,3,4,5,6; 7 – бронзовый наконечник копья M122-2:1; 8 – биметаллический кинжал M74-1:9; 9 – бронзовый топор M74-1:2; 10 – железное лезвие M74-1:10; 11 – бронзовый наконечник копья M74-1:3; 12 – биметаллический наконечник копья M74-1:4; 13, 17, 21 – агатовые пуговицы M74-1:13,12,11; 14 – точильный камень M74-1:14; 15, 18 – бронзовые наконечники стрел M74-1:6,5; 16 – бронзовая мотыга M74-1:1; 19 – бронзовое кольцо M74-1:7; 20 – керамическое пряслице M74(яокэн):1; 22 – железный тесак M166:4; 23, 29 – железные ножи M166:17,14; 24 – бронзовая мотыга M166:7; 25 – биметаллический наконечник копья M166:8; 26 – биметаллический кинжал M166:3; 27, 30 – железные топоры M166:9,10; 28 – железное тесло M166:11; 31 – бронзовый наконечник копья M155:4; 32, 40, 43 – бронзовые поясные крючки M166:18,6,19; 33 – точильный камень M155:5; 34, 35 – агатовые подвески-цзюэ M:155:3,2; 36 – бронзовый наконечник стрелы M166:12; 37 – железный резец M166:21; 38 – бронзовая пуговица с позолотой M166:5; 39 – печать с иероглифами M166:2; 41 – бронзовое кольцо M166:20; 42 – керамический котелок M155:7; 44 – керамическое пряслице M166:15. Таблица составлена А. И. Соловьевым по: [Цзян Чжилун и др., 2011, с. 20, рис. 3, 1–5, рис. 5; с. 22, рис. 7, 1–6; с. 23, рис. 9, 1–9; с. 24, рис. 10, 1–9; с. 28, рис. 17, 1–4; с. 29, рис. 4, 1–9]. Шифр изделий содержит указание на номер могилы

Fig. 3. Funeral equipment found at Jinlianshan graveyard:

1 – bronze badge M74-1:9; 2–6 – bronze arrowheads M122-2:2,3,4,5,6; 7 – bronze spearhead M122-2:1; 8 – bimetallic dagger M74-1:9; 9 – bronze axe M74-1:2; 10 – iron blade M74-1:10; 11 – bronze spearhead M74-1:3; 12 – bimetallic spearhead M74-1:4; 13, 17, 21 – agate buttons M74-1:13,12,11; 14 – grindstone M74-1:14; 15, 18 – bronze arrowheads M74-1:6,5; 16 – bronze hoe M74-1:1; 19 – bronze ring M74-1:7; 20 – ceramic spinning wheel M74 (yaokeng):1; 22 – iron cleaver M166:4; 23, 29 – iron knives M166:17,14; 24 – bronze hoe M166:7; 25 – bimetallic spearhead M166:8; 26 – bimetallic dagger M166:3; 27, 30 – iron axes M166:9,10; 28 – iron adze M166:11; 31 – bronze spearhead M155:4; 32, 40, 43 – bronze belt hooks M166:18,6,19; 33 – grindstone M155:5; 34, 35 – agate pendants-jue M:155:3,2; 36 – bronze arrowhead M166:12; 37 – iron cutter M166:21; 38 – bronze gilded button M166:5; 39 – seal with hieroglyphs M166:2; 41 – bronze ring M166:20; 42 – ceramic kettle M155:7; 44 – ceramic spinning wheel M166:15. The table composed by A. I. Solovyev as per: [Jiang Zhilong et al., 2011, p. 20, fig. 3, 1–5, fig. 5; p. 22, fig. 7, 1–6; p. 23, fig. 9, 1–9; p. 24, fig. 10, 1–9; p. 28, fig. 17, 1–4; p. 29, fig. 4, 1–9]. The cipher of the artifacts contains an indication of the grave number

В могиле M166 скелет женщины 30 лет лежал на скелете мужчины 31–34 лет, оба в вытянутом положении на спине, с прямыми ногами, которые, вероятно, были обернуты материей или связаны. В ногах, с двух сторон – кости одного 30–35-летнего мужчины и еще двух взрослых людей (рис. 2, 1). Поскольку кости «вторичников» лежали довольно аккуратными кучками, можно предположить, что их опускали в могилу в матерчатых мешках, которые не сохранились. В богатом погребальном инвентаре представлены бронзовые поясные пряжки, наконечник стрел, мотыга (возможно, сошник), биметаллические наконечник копья и кинжал, железные ножи, топоры, долото, тесак, каменная печать, бронзовая позолоченная пуговица (рис. 3, 22–30, 32, 36–40, 43), керамические горшок с ангобом желтого цвета, кружка с ручкой и пряслице. В могиле M184 кости лежали в три слоя: сверху вытянутый на спине костяк пожилой женщины старше 50 лет, под ним на двух уровнях – беспорядочное нагромождение костей нескольких человек (рис. 2, 7). Среди них нашли бронзовые мотыгу и наконечник стрелы и две пуговицы из зеленого камня. В могиле M200 в два слоя располагались разрозненные кости по меньшей мере 31 человека (рис. 2, 4). Любопытно, что и в этой гряде костей нашли сопроводительные вещи: бронзовые мотыгу и наконечник стрелы, керамическое пряслице и восемь морских раковин. Могила M155 примечательна тем, что кости не менее 20 человек постарались уложить правильным прямоугольником: длинными костями наметили контур, который заполнили остальными частями скелета (рис. 2, 2). С ними положили бронзовый наконечник копья, две агатовые подвески-*цзюэ*, каменное точило и керамический котелок бомбовидной формы (рис. 3, 31, 33–35, 42).

Наличие в массовых захоронениях сопроводительного инвентаря показывает, что хоронили не каких-то изгоев общества, поскольку в могилы помещали и бронзовое оружие, и украшения. Быть может, вещи принадлежали отдельным индивидам, но не исключено, что они были рассчитаны на всю группу как символы их общего статуса.

Китайские исследователи выдвинули несколько возможных объяснений разнообразию вторичных погребений. Во-первых, они упоминают обычаи современных *чжуанов*, проживающих на территории Гуанси, которые использовали вторичные захоронения для того, чтобы освободить от телесной оболочки душу покойного. Во-вторых, не исключали возможности массовых захоронений погибших во время военных действий, в том числе после подавления масштабного восстания местного населения в 86 г. до н. э.¹³ В-третьих, сброшенные в могилы кости могли быть остатками человеческих жертвоприношений, которые практиковались в Дянь.¹⁴ И, в-четвертых, групповые захоронения, возможно, были жертвами сильных землетрясений, часто случающихся на территории Юньнани, причем покойников, как и во втором варианте, свозили в Цзиньляньшань из всех окрестных мест [Цзян Чжилун, У Цзин, 2011б, с. 211–212]. Все вышеперечисленные гипотезы имеют право на существование, но нуждаются в дополнительном обосновании.

Впрочем, можно предложить еще одно объяснение. Обращают на себя внимание глубина и размеры некоторых могильных камер, явно большие, чем требовалось даже для парного захоронения. Такое впечатление, что они сразу готовились для приема целой группы покойных. Антропологическая мешанина на дне ям (при наличии некоторого числа останков, близких к анатомической целостности) позволяет говорить о последовательном, растянутом во времени помещении в эти ямы покойных; причем кости предшественников сдвигались в сторону, чтобы освободить место для тела очередного сородича, как это наблюдалось в склепах, например, таштыкской культуры. В данном случае могли использоваться крупные деревянные ящики, на что указывает в целом компактная локализация костей, которая имеет подпрямоугольную форму, а также то обстоятельство, что размеры такой костной брекчии меньше габаритов придонной части могильных ям (в могилах M155, M200).

¹³ По сообщению «Хань шу», при подавлении этого восстания было обезглавлено и брошено в тюрьмы более 50 тыс. человек (см.: [Allard, 1998, p. 331]).

¹⁴ См., например: [Ли Вэнь, 2011, с. 13].

К сожалению, отчеты не содержат информации о прилегающей к ямам территории, что не позволяет судить о наличии над ними каких-либо поверхностных защитных сооружений, возможно, служивших до заполнения склепа (именно так можно называть ямы, содержавшие останки нескольких десятков человек) подобием поминальников и ритуальных помещений. Такое перекрытие было необходимо, исходя из логики закрытого для чужих сакрального пространства, равно как и для укрытия погребальных ям и их содержимого от ударов стихии. Подобные легкие сакральные строения авторы могли наблюдать во время исследовательских поездок в страны древних цивилизаций Восточной Азии (Япония. Корея), с высокой традиционностью культуры, архаичные черты которой сохраняются и в наши дни. Эти конструкции не имели углубленных в землю фундаментов, которые могли бы оставить археологически читаемые следы. Да и собственно в Китае подобные сооружения беседочного типа среди исторических объектов отнюдь не редкость. Наличие двух ярусов в могиле М200 и несовпадение размеров их костных массивов можно объяснить тем, что исходный ларь-гробовина был полностью заполнен, и последующие захоронения проводились уже поверх его крышки, возможно, в иной емкости с несколько другими размерами. Что до судьбы навесов, то они могли разрушаться естественным образом после завершения функционирования погребальных камер или же переноситься на новые объекты. В том и другом случае, по мере исчезновения из памяти контуров конкретного места захоронения, могло произойти наложение погребений друг на друга. Пролить свет на правомерность этой или какой-либо иной интерпретации могут детальные антропологические исследования.

Бронза и железо

В состав погребального инвентаря, помимо керамических сосудов и агатовых украшений, входили изделия из бронзы и железа. Из бронзы в первую очередь изготавливалось оружие, а также поясная фурнитура, а из железа – орудия труда. Есть и исключения, которые подтверждают закономерность: например, бронзовый сошник из могилы М166 или большой железный тесак (сохранившаяся длина 56 см) из той же могилы. Нелишне отметить, что данный предмет с кольцевым навершием (рис. 3, 22), несомненно, относящийся к категории оружия, также указывает на позднюю дату могилы. Подобные предметы из железа, распространявшиеся в эпоху перехода к раннему Средневековью, продолжали использовать, правда, уже в качестве полноразмерных палашей в Северной Азии до конца третьей четверти I тыс. н. э. В Китае же они продолжают встречаться в виде архаики до Нового времени включительно. Но в целом, применительно к металлам на Юго-Западе наблюдается та же ситуация, что и в центре, где бронзовое оружие использовалось вплоть до начала Хань, хотя орудия труда практически уже все были железными. Ситуация эта многократно исследовалась в литературе, поэтому позволим себе ограничиться отсылкой к соответствующему обзору [Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 138–141]. В составе юньнаньских находок еще преобладает бронза, при том, что найдены также железные орудия труда и даже несколько экземпляров железного оружия (два наконечника копья и три кинжала). Но бронзового оружия существенно больше (59 наконечников копий, 21 клевец, 28 кинжалов, 180 наконечников стрел и др.). Кроме того, найдено немало биметаллического оружия (24 наконечника копья и 21 кинжал), причем фиксирующая часть оружия (втулка или рукоять) оставалась бронзовой, а рабочая часть (лезвие) изготавливалась из железа. В этот список можно добавить и предметы «двойного назначения» – топоры и ножи, среди которых также есть бронзовые, железные и биметаллические изделия [Цзян Чжилун, 2013, с. 24–36]. Подобные находки известны во многих культурах, и они везде отмечают начало перехода к массовому использованию железа в производстве оружия. Для Китая таким переходным периодом стала эпоха позднего Чжаньго и династии Цинь, т. е. в основном III в. до н. э. [Комиссаров, Соловьев, 1983], а для Дянь он наступил несколько позже.

На многих образцах оружия и украшений нанесены (отлиты, напаяны, прочерчены) узоры, в основном схематические, изображающие солярные знаки, пояски и аморфные фигуры, изображения в реалистическом стиле практически отсутствуют. По мнению американского исследователя Цзяо-Пэн Цзэхуэя, изображения на бронзе как в схематическом, так и в реалистическом стиле известны уже на ранних этапах культуры Дянь, но они имеют разное приложение и, возможно, разное происхождение. В аристократических захоронения присутствуют украшения в обоих стилях, тогда как бронза из небольших могил украшена исключительно схематичным и геометрическим узором; оба стиля уже известны в середине IV в. до н. э. и доживают до конца I в. н. э. [Chiou-Peng TzeHuey, 2008, p. 39].

Для 24 образцов оружия и орудий труда из Цзиньляньшань проведено металлографическое исследование. В результате установлено, что их изготавливали в разных местах, но недалеко от озера. Они различались по составу (чисто медные, оловянистой и оловянисто-свинцовой бронзы)¹⁵ и, кроме того, не все подвергались после отливки дополнительной обработке и имели следы использования, поскольку, возможно, изготавливались специально в качестве погребального инвентаря¹⁶. Такое же предназначение, по мнению китайских исследователей, могли иметь и уменьшенные копии бронзовых орудий труда – мотыг и заступов [Цзян Чжилун, 2013, с. 37], однако этот вывод нуждается в дополнительной, прежде всего трасологической, проверке.

Заключение

Проведенный нами обзор накопленных материалов позволил сделать вывод о том, что могильник Цзиньляньшань представлял собой кладбище населения со сложной организацией и социальной дифференциацией. Центральное место, ближе к вершине горы, занимали две большие элитные могилы (к сожалению, сильно разрушенные) с набором знаковых бронзовых изделий (включая барабан и контейнер-*ситулу* для раковин). Найдена также могила с резной печатью ханьского образца, которая могла принадлежать представителю местной администрации. В примерно половине (51 %) мужских захоронений обнаружили бронзовое и биметаллическое оружие [Цзян Чжилун, 2013, с. 83], что, вероятно, свидетельствует о том, что при жизни покойные входили в состав местного ополчения. Другой особенностью данного могильника являются многочисленные вторичные захоронения, различные по форме и сочетанию с первичными. Это явление уникально для культуры Дянь и нуждается в подробном изучении, поскольку предоставляет возможность реконструкции мировоззренческих представлений народа, оставившего некрополь, а возможно, и драматических страниц его истории. Само наличие костных остатков людей редко встречается на дяньских памятниках, поэтому у китайских исследователей были большие планы по их антропологическому исследованию. На сегодняшний день проведено гендерное и возрастное определение останков, а также установлено содержание стабильных изотопов в коллагене костей [Чжан Цюаньчао, 2011]. Высокие показатели $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ свидетельствуют, что диета дяньцев в основном включала C_3 растения (рис) и животный белок, а рыба являлась существенным дополнением. Впрочем, данный вывод вполне очевиден и хорошо прослеживается по археологическим материалам. Намного больше мог бы дать палеогенетический анализ. Он числился в планах руководителей раскопок, которые пока не удалось реализовать полностью. Данные генетики помогут определить родственные связи между людьми, захороненными на кладбище, уста-

¹⁵ Стандартная пропорция добавок при выплавке дяньского оружия (копий, клевцов и кинжалов) составляла 10–20 % олова и 0–2 % свинца [Mugowchick, 1990, p. 7].

¹⁶ Юньнань чэнсянь цзиньляньшань муди чу тунцидэ кэсюэ фэньси хэ яньцзю [云南澄江金莲山墓地出土铜器的科学分析和研究 // 云南考古]. Научный анализ и исследование бронзовых изделий, раскопанных на могильнике Цзиньляньшань, уезд Чэнцзян, провинция Юньнань // Юньнань каогу [Юньнаньская археология] (сайт Ин-та археологии и памятников материальной культуры провинции Юньнань). 03.05.2018. URL: <http://www.ynkgs.cn/view/ynkgPC/1/34/view/448.html> (на кит. яз.) (дата обращения 31.12.2022).

новить для них базовые этнические соответствия, что окажет существенное влияние на решение проблемы исключительного разнообразия погребального обряда. Такова реальная перспектива в развитии проводимых исследований. Перспективным представляется также параллельное изучение могильника и расположенного рядом поселения Сюэшань. И особое значение будет иметь анализ костных останков методами физической антропологии в плане выявления патологий и поверхностных повреждений, которые помогли бы выявить причины естественной и насильственной смертности и разобраться в характере формирования погребальных комплексов. Вместе с тем уже полученные результаты, несомненно, внесут важный вклад не только в реконструкцию культуры Дянь, но и в общую картину этнокультурного развития Большой Юго-Восточной Азии.

Список литературы

- Деоник Д. В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, 1979. С. 62–67.
- Деоник Д. В. Юго-Восточная Азия // Археология зарубежной Азии. М.: Высш. шк., 1986. С. 192–233.
- Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука, 1972. 308 с.
- Итс Р. Ф. Золотые мечи и колодки невольников. М.: Наука, 1975. 201 с. + 8 ил.
- Комиссаров С. А. Новый могильник дяньской культуры Янфуту (провинция Юньнань, Китай) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2004. Вып. 3: Парадоксы археологии. С. 142–149.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Находка биметаллического кинжала в Восточной Ганьсу: Препринт. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1983. 5 с.
- Комиссаров С. А., Хачатурян О. А. Мавзолей императора Цинь Шихуанди. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2010. 216 с.
- Лаптев С. В., Полосьмак Н. В., Комиссаров С. А. Донгшонско-дяньская цивилизация (VIII–III вв. до н. э.) // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1. С. 909–915.
- Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А. Культура Дянь (Диен) как вариант донгшонской цивилизации // Развитие территорий. 2015. № 1. С. 6–12.
- Ульянов М. Ю. Диен // Большая Российская энциклопедия. М.: Изд-во «Большая Рос. энцикл.», 2007. Т. 8. С. 734.
- Allard F. Stirring of the Periphery: History, Archaeology, and the Study of Dian // Journal of Historical Archaeology. 1998. No. 4. P. 321–341.
- Bin Yang. Horses, Silver, and Cowries: Yunnan in Global Perspective // Journal of World History. 2004. Vol. 15, no. 3. P. 281–322.
- Chiou-Peng TzeHuey. Dian bronze art: its source and formation // Bulletin of the Indo-Pacific prehistoric association. 2008. Vol. 28. P. 34–43.
- Moore E. H. Myanmar bronzes and the Dian cultures of Yunnan // Bulletin of Indo-Pacific prehistory association. 2010. Vol. 30. P. 122–132.
- Murowchick R. E. The interplay of bronze and ritual in ancient South-west China // Journal of Metals. 1990. Vol. 42, no. 2. P. 44–47.
- Olsen J. W., revised by Stark M. T. Dong Son Culture // Oxford Companion to Archaeology: 2nd ed. N. Y.: Oxford Uni. Press, 2012, pp. 424–425.
- Yao A. The Dian and Dong Son cultures // Handbook of East and Southeast Asian archaeology. N. Y.: Springer, 2018. pp. 503–512.
- Ли Вэнь. Цун каогу цайляо кань дяньго цзисы [李雯. 从考古材料看滇国祭祀 // 大理学院学报]. Обзор жертвоприношений в государстве Дянь на основе археологических материалов // Дали сюэюань сюэбао. 2011. Т. 10, № 5. С. 12–15. (на кит. яз.)

- Цзян Чжилун.** Цзай лунь шичжайшань вэньхуа [蒋志龙. 再论石寨山文化 // 文物]. Еще раз о культуре Шичжайшань // Вэньхуа. 1998. № 6. С. 31–41. (на кит. яз.)
- Цзян Чжилун.** Цзиньляньшань муди яньцзю [蒋志龙. 金莲山墓地研究: 博士论文 / 吉林大学]. Исследование могильника Цзиньляньшань: Дис. ... д-ра наук / Цзилиньский ун-т. Чанчунь, 2013. 239 с. (на кит. яз.)
- Цзян Чжилун, У Цзин.** Гуаньюй юньнань цзиньляньшань мудидэ чубу жэньши [蒋志龙、吴敬. 关于云南金莲山墓地的初步认识 // 考古]. По поводу первых сведений о могильнике Цзиньляньшань, пров. Юньнань // Каогу. 2011а. № 1. С. 71–76. (на кит. яз.)
- Цзян Чжилун, У Цзин.** Цзиньляньшань муди чутань [蒋志龙、吴敬. 金莲山墓地初探 // 边疆考古研究]. Начальное изучение могильника Цзиньляньшань // Бяньцзян каогу яньцзю. 2011б. Вып. 10. С. 208–214. (на кит. яз.)
- Цзян Чжилун, У Цзин, Ян Цзе, Хэ Линьшань, Чжоу Жэньчао.** Юньнань чэнцзянсянь цзиньляньшань муди 2008–2009 нянь фацзюэ цзяньбао [蒋志龙、吴敬、杨杰、何林珊、周然朝. 云南澄江县金莲山墓地 2008~2009 年发掘简报 // 考古]. Краткий отчет о раскопках могильника Цзиньляньшань, уезд Чэнцзян, пров. Юньнань в 2008–2009 гг. // Каогу. 2011. № 1. С. 17–30, ил. 3–7. (на кит. яз.)
- Чжан Цюаньчао.** Юньнань чэнцзянсянь цзиньляньшань муди чуту жэньгу вэйдин тунвэйсудэ чубу фэньси [张全超. 云南澄江县金莲山墓地出土人骨稳定同位素的初步分析 // 考古]. Предварительный анализ стабильных изотопов в человеческих костях, найденных в могильнике Цзиньляньшань, уезд Чэнцзян, пров. Юньнань // Каогу. 2011. № 1. С. 30–33. (на кит. яз.)
- Чжунго каогусюэ:** цинь хань цзюань [中国考古学: 秦汉卷 / 刘庆柱、白云翔]. Археология Китая: Эпоха Цинь и Хань / Отв. ред. Лю Цинчжу, Бай Юньсян. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2010. 1027 с. (на кит. яз.)
- Чэнцзянсянь цзинцзюй туцэ** [澄江县景区图册 // 白肚百科—澄江县图片 (1-7)]. Альбом района достопримечательностей уезда Чэнцзян // Эл. энцикл. «Байду байкэ» – Раздел «Фотографии уезда Чэнцзян». (фото 1–7). Б. г. (на кит. яз.). URL: <https://baike.baidu.com/pic/澄江县/1166929> (дата обращения 01.02.2023).
- Ян Юн.** Юньгуй гаюань чуту ханьдай иньчжан шулуь [云贵高原出土汉代印章书论 // 考古]. Описание и обсуждение печатей эпохи Хань, раскопанных на Юньнань-Гуйчжоу-ском плато // Каогу. 2016. № 10. С. 92–103. (на кит. яз.)

References

- Allard F.** Stirring of the Periphery: History, Archaeology, and the Study of Dian. *Journal of Historical Archaeology*, 1998, no. 4, pp. 321–341.
- Bin Yang.** Horses, Silver, and Cowries: Yunnan in Global Perspective. *Journal of World History*, 2004, vol. 15, no. 3, pp. 281–322.
- Chengjiangxian jingqu tuce** [澄江县景区图册 // 白肚百科—澄江县图片 (1-7)]. Album of Chengjiang County sightseeing. In: “Baidu baike” electronic encyclopedia – Chapter “Chengjiang County pictures” (photos 1–7), s. a. (in Chin.) URL: <https://baike.baidu.com/pic/澄江县/1166929> (accessed 01.02.2023).
- Chiou-Peng TzeHuey.** Dian bronze art: its source and formation. *Bulletin of the Indo-Pacific prehistoric association*, 2008, vol. 28, pp. 34–43.
- Deopik D. V.** Vsadnicheskaya kul'tura v verkhov'yakh Yantszy i vostochnyi variant “zverinogo stilya” [Equestrian culture in the Upper Yangzi and Eastern variant of “animal style”]. In: Kul'tura i iskusstvo narodov Srednei Azii v drevnosti i srednevekov'e [Culture and art of Middle Asian peoples in Ancient and Medieval Epoch]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 62–67. (in Russ.)

- Deopik D. V.** Yugo-Vostochnaya Aziya [South-East Asia]. In: Arkheologiya zarubezhnoi Azii [Archaeology of foreign Asia]. Moscow, Vyssh. shk., 1986, pp. 192–233. (in Russ.)
- Its R. F.** Etnicheskaya istoriya yuga Vostochnoi Azii [Ethnic history of East Asia southern part]. Leningrad, Nauka, 1972, 308 p. (in Russ.)
- Its R. F.** Zoloty mechi i kolodki nevol'nikov [Golden swords and slave chains]. Moscow, Nauka, 1975, 201 p. + 8 il. (in Russ.)
- Jiang Zhilong.** Zai lun shizhaishan wenhua {蒋志龙。再论石寨山文化 // 文物}. Once again about Shizhaishan Culture. *Wenwu*, 1998, no. 6, pp. 31–41. (in Chin.)
- Jiang Zhilong.** Jinlianshan mudi yanjiu [蒋志龙。金莲山墓地研究：博士论文 / 吉林大学]. Investigation of Jinlianshan graveyard: Dr. Sci. Dissertation. Jilin University. Changchun, 2013, 239 p. (in Chin.)
- Jiang Zhilong, Wu Jing.** Guanyu Yunnan jinlianshan mudide chubu renshi [蒋志龙、吴敬。关于云南金莲山墓地的初步认识 // 考古]. About the first information of Jinlianshan graveyard, Yunnan Province. *Kaogu*, 2011, no. 1, pp. 71–76. (in Chin.)
- Jiang Zhilong, Wu Jing.** Jinlianshan mudi chutan [蒋志龙、吴敬。金莲山墓地初探 // 边疆考古研究]. Preliminary study of Jinlianshan graveyard. *Bianjiang kaogu yanjiu*, 2011, iss. 10, pp. 208–214. (in Chin.)
- Jiang Zhilong, Wu Jing, Yang Jie, He Lingshan, Zhou Ranchao.** Yunnan chengjiangxian jinlianshan mudi 2008–2009 nian fajue jianbao [云南澄江县金莲山墓地 2008~2009 年发掘简报 // 考古]. Brief report on the excavations of Jinlianshan graveyard, Chengjiang County, Yunnan Province in 2008–2009 years. *Kaogu*, 2011, no. 1, pp. 17–30, il. 3–7. (in Chin.)
- Komissarov S. A.** Novyi mogil'nik dyan'skoi kul'tury Yanfutou (provintsiya Yun'nan', Kitai) [New graveyard Yangfutou of Dian Culture (Yunnan Province, China)]. In: Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii [Eurasia: cultural heritage of ancient civilizations]. Novosibirsk, NSU Press, 2004, iss. 3, pp. 142–149. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Solovyev A. I.** Nakhodka bimetallichesкого kinzhala v Vostochnoi Gan'su: Preprint [Bi-metallic dagger found in East Gansu: Preprint]. Novosibirsk, Inst. of Hist., Philol. & Philos. SB AS USSR, 1983, 5 p. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Khachatryan O. A.** Mavzolei imperatora Tsin' Shikhuandi [Mausoleum of the Emperor Qin Shihuangdi]. Novosibirsk, NSU Press, 2010, 216 p. (in Russ.)
- Laptev V. I., Polosmak N. V., Komissarov S. A.** Dongshonsko-dyan'skaya tsivilizatsiya (VIII–III vv. do n. e.) [DongSon – Dian Civilization (8th – 3rd cent. BC)]. In: Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka [A History of China from the most ancient times up to the beginning of 21st century]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2016, vol. 1, pp. 909–915. (in Russ.)
- Li Wen.** Cong kaogu cailiao kan dianguo jisi [李雯。从考古材料看滇国祭祀 // 大理学院学报]. A survey into sacrifice in ancient Dian Kingdom on the basis of archaeological materials. *Dali xueyuan xuebao*, 2011, vol. 10, no. 5, pp. 12–15. (in Chin.)
- Liu Qingzhu, Bai Yunxiang.** (eds.). Zhongguo kaoguxue: qin han juan [中国考古学：秦汉卷 / 刘庆柱、白云翔]. Archaeology of China: Qin and Han Epoch. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2010, 1027 p. (in Chin.)
- Molodin V. I., Polosmak N. V., Komissarov S. A., Azarenko Iu. A.** Kul'tura Dyan' (Dien) kak variant dongshonskoi tsivilizatsii [Dian (Dien) Culture as a Variant of the DongSon Civilization]. *Razvitie territorii [Territory Development]*, 2015, no. 1, pp. 6–12. (in Russ.)
- Moore E. H.** Myanmar bronzes and the Dian cultures of Yunnan. *Bulletin of Indo-Pacific prehistory association*, 2010, vol. 30, pp. 122–132.
- Murowchick R. E.** The interplay of bronze and ritual in ancient South-west China. *Journal of Metals*, 1990, vol. 42, no. 2, pp. 44–47.
- Olsen J. W., revised by Stark M. T.** Dong Son Culture. In: Oxford Companion to Archaeology. 2nd ed. New York, Oxford Uni. Press, 2012, pp. 424–425.

- Ulyanov M. Yu.** Dien. In: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., 2007, vol. 8, pp. 734. (in Russ.)
- Yang Yong.** Yungui gaoyuan chutu handai yinzhang shulun [云贵高原出土汉代印章书论 // 考古]. Description and discussion of Han period seals excavated on Yunnan-Guizhou Plateau. *Kaogu*, 2016, no. 10, pp. 92–103. (in Chin.)
- Yao A.** The Dian and Dong Son cultures. In: Handbook of East and Southeast Asian archaeology. New York, Springer, 2018, pp. 503–512.
- Zhang Quanchao.** Yunnan chengjiangxian jinlianshan mudu chutu renwu wending tongweisude chubu fenxi [张全超. 云南澄江县金莲山墓地出土人骨稳定同位素的初步分析 // 考古]. Preliminary analysis of stable isotopes from human bones found at Jinlianshan graveyard (Chengjiang County, Yunnan Province). *Kaogu*, 2011, no. 1, pp. 30–33. (in Chin.)

Информация об авторах

Сергей Александрович Комиссаров, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57195200866

RSCI Author ID 143809

SPIN 6832-0603

Александр Иванович Соловьев, доктор исторических наук

Scopus Author ID 18042706600

WoS Researcher ID ABA-6010-2020

RSCI Author ID 73827

SPIN 9782-2613

Information about the Authors

Sergey A. Komissarov, Candidate of Science (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57195200866

RSCI Author ID 143809

SPIN 6832-0603

Aleksandr I. Solovyev, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 18042706600

WoS Researcher ID ABA-6010-2020

RSCI Author ID 73827

SPIN 9782-2613

Статья поступила в редакцию 03.01.2023;

одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023

The article was submitted on 03.01.2023;

approved after review on 09.02.2023; accepted for publication on 10.02.2023

Научная статья

УДК 025.171

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-47-60

Народы Гуйчжоу в цинских «альбомах об инородцах»: *мяо, ицзу, гэлао*

Екатерина Александровна Завидовская

Институт Китая и Современной Азии Российской академии наук
Москва, Россия

Брянский государственный университет
Брянск, Россия

katushaza@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8369-7776>

Аннотация

Исследование ставит своей целью оценить значимость сведений о народах Гуйчжоу из цинских «альбомов об инородцах» в собрании научной библиотеки Санкт-Петербургского университета (НБ СПбГУ) для исследования истории крупных этнических групп провинции – *мяо*, *ицзу* и *гэлао*. В одном альбоме из собрания НБ СПбГУ есть 72 описания с иллюстрациями, в другом описаний с иллюстрациями сохранилось 28. В них дано описание нескольких десятков групп *мяо*, нескольких групп *ицзу*, *буи* и *гэлао*, но отрывочные данные об истории можно найти только в разделах об *ицзу* и в отдельных случаях о *мяо*. Исследование показывает, из каких источников, начиная с эпохи Хань, заимствовались сведения в «альбомы», а также расширяет и дополняет представленную в них информацию. Альбомы ценны своими изображениями обычаев народов Гуйчжоу, а также заметками этнографического характера, а не информацией об истории различных этнических групп.

Ключевые слова

«альбомы об инородцах», эпоха Цин, этнография, Гуйчжоу, источниковедение, ицзу, гэлао, хмонги

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00119, <https://rscf.ru/project/22-28-00119>

Для цитирования

Завидовская Е. А. Народы Гуйчжоу в цинских «альбомах об инородцах»: *мяо, ицзу, гэлао* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 47–60. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-47-60

Guizhou Ethnic Groups in the Qing Dynasty Miao Albums: *Miao, Yizu, Gelao*

Ekaterina A. Zavidovskaya

Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Bryansk State University
Bryansk, Russian Federation

katushaza@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-8369-7776>

Abstract

This paper aims to evaluate textual descriptions of Guizhou ethnic groups found in the Qing dynasty Miao albums as a source for the study of history of large ethnic groups such as Miao, Yizu and Gelao. Two Miao albums about ethnic groups of Guizhou are housed at the library of Saint Petersburg State University, one of them has 72 descriptions with

hand-drawn plates, only 28 out of 40 descriptions with plates remain in the other one. Among them are dozens of descriptions of Miao groups, several groups of Yizu, Buyi and Gelao, mainly with information on their costume and customs. Scarce information on history is found only in the descriptions of Yizu, since Yizu had been holding positions of local *tusi* chieftains and had established their own polities which the Chinese empire was forced to interact with. Rare descriptions of Miao have mentions of historical events. This study traces the historical sources, starting from the Han dynasty, where information was borrowed from, for the Miao albums. The paper restores these pieces of information and provides a commentary. Apparently, the value of Miao albums is presented by their visual images of Guizhou people together with accompanying ethnographic notes rather than the historical accounts.

Keywords

Miao albums, Qing dynasty, ethnography, Guizhou, source studies, Miao, Yizu, Gelao

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Scientific Fund, project no. 22-28-00119, <https://rscf.ru/project/22-28-00119>

For citation

Zavidovskaya E. A. Guizhou Ethnic Groups in the Qing Dynasty Miao Albums: *Miao, Yizu, Gelao*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 47–60. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-47-60

Введение

Термин «альбомы об инородцах», или «альбомы о сотне / обо всех мяо» (百苗圖 *баймяоту*), в данном исследовании используется для обозначения рукописных книг с иллюстрациями, изображающими различные народы Гуйчжоу, создававшихся в основном в середине – конце цинского периода (середина XVIII – конец XIX в.). Существовали также альбомы о народах провинций Юньнань, Хайнань, Хунань и Тайвань, но их количество, дошедшее до настоящего времени, значительно уступает гуйчжоуским. Помимо картин, отражающих основные особенности той или иной этнической группы, эти источники интересны сопровождающими их рукописными комментариями. Последние представляют собой документ, знакомящий с восприятием этих некитайских этносов представителями конфуциански образованного чиновничества. Изначально альбомы создавались в Гуйчжоу для чиновников с целью помочь им в ознакомлении с отличительными чертами «подведомственных» народов, особенностями их внешности или обычаев.

В Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ хранятся два «альбома об инородцах» с шифрами Xyl F-25a, Xyl F-27, описывающих народы провинции Гуйчжоу. Альбом Xyl F-25a (без оригинальной обложки, названия, даты) включает 72 иллюстрации на листах размером 32,4 × 27,6 см. В верхнем правом углу картины наклеены небольшие листочки рисовой бумаги с краткими описаниями каждого народа, причем эти описания выполнены в жанре поэзии «цы бамбуковых ветвей» (竹枝詞 *чжучжицы*). Их авторство неизвестно, а жанр *чжучжицы* использовался для поэтической характеристики нравов народов юго-запада империи и, реже, для описания других экзотических народов. Таким образом, описания в альбоме Xyl F-25a весьма кратки. Второй альбом с шифром Xyl F-27 имеет название «Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу» (全黔苗圖 *Цюаньцянь мяоту*, без предисл., б. д.) и представляет собой гармонику из 56 листов. Первый и последний листы наклеены на оригинальную обтянутую узорной тканью деревянную обложку. Из сорока описаний и иллюстраций к ним сохранились только 28. Они выполнены в прозаической форме и гораздо более пространны и информативны, чем сведения из альбома Xyl F-25a.

Обзор источников сведений о народах Гуйчжоу

Источниками, откуда в более или менее полной форме прозаические описания заимствовались в «альбомы об инородцах», были следующие сочинения: 1) труд Тянь Жучэна (田汝成, 1503–1557) «Записи об услышанном в жарком пограничье» (炎徽紀聞 *Яньцзяо цзи-*

вэнь, 1558, 4 цз.¹), четвертый цзюань которого посвящен истокам, облику, обычаям 29 народностей Гуйчжоу; 2) «Общие описания Гуйчжоу» (貴州通志 *Гуйчжоу тунчжи*) 1673 и 1692 гг. издания, содержащие иллюстрации с изображением 31 народности Гуйчжоу; 3) «Общее описание Гуйчжоу» (貴州通志 *Гуйчжоу тунчжи*, 46 цз.) 1741 г. издания, главным составителем которого выступил маньчжурский сановник Ортай (鄂爾泰, 1677–1745), вошло в состав «Полного собрания книг по четырем разделам» (四庫全書 *Сыкуцзюаньшу*, 1772–1782). Исследование о народах Гуйчжоу Линь Юэхуа охватывает гораздо больший спектр источников о провинции [Lin Yueh-hwa, 1941, p. 268]. Важно отметить, что часть описанных в исследуемых альбомах этнических групп не упомянута в вышеперечисленных трудах, источник сведений о них, сформировавшийся во второй половине XVIII в., установить сложнее.

В альбоме Xyl F-25a представлено 72 отдельных описания, которые можно разделить на группы: 1) описания отдельных народов (*мулао*, *яожэнь*, *божэнь*, *маньжэнь* и др.); 2) описания различных групп *мяо* (более распространенное название – *хмонги*, всего 35 групп *мяо*); 3) описания различных групп *лунцзя* (5 групп); 4) описания различных групп *гэлао* (6 групп); 5) описания различных групп *чжунцзя* (современное название *буи*, 4 группы); 6) описания групп, связанных с ханьцами, или их потомков (*цайцзя-цзы*, *сунцзя-цзы*, *лиминь-цзы* и проч.), 7) описание двух групп *ицзу* (черные *лоло*, белые *лоло*) и «женщины-чиновника». В альбоме Xyl F-27 сохранилось лишь 28 описаний из 40, перечень которых совпадает с частью описаний народов из альбома Xyl F-25a.

Для получения развернутых сведений об истории и обычаях каждой из упомянутых в альбомах народностей имеет смысл проанализировать данные о них в доступных источниках. В большинстве альбомных описаний сведения об истории той или иной группы отсутствуют. Лишь небольшая часть описаний содержит краткие упоминания о прошлом данной народности, эти краткие сведения необходимо восстанавливать в развернутом виде по другим источникам. Задача данного исследования состоит в аккумуляции и аналитическом обзоре сведений по истории нескольких крупных этнических групп.

Мяо (хмонги)

Народ *мяо(ицзу)* 苗(族) характеризуется этнографами следующим образом: «Мяо, хмонг (самоназвание) – народ на юге Китая, севере Вьетнама, в Лаосе, Таиланде, Бирме. Относятся к южноазиатской переходной расе, близки к *яо*. Говорят на языке *мяо* группы *мяо-яо* австроазиатской семьи. <...> Различаются несколько групп *мяо* – белые (*хмонг дау*), красные (*хмонг пе*), черные (*хмонг ду*), синие, пестрые, имеющие свои диалекты» [Крюков, 1988а, с. 317].

В «Книге о Цянь [Гуйчжоу]» (黔書 *Цяньшу*, 1690, 2 цз.) цинского чиновника и поэта Тянь Вэня (田雯, 1635–1704) упомянуты 28 разных видов *мяо*. «Общее описание Гуйчжоу» 1741 г. включает 13 видов *мяо*, в официальном каталоге «Изображения данников правящей династии Цин» (皇清職貢圖 *Хуанцин чжигунту* – далее «Чжигунту», ред. Фу Хэн 傅恒, предисл. 1751) имеется 23 описания разных видов *мяо* (не только из Гуйчжоу). В исследуемом альбоме Xyl F-25a описаны 35 видов *мяо*. Сочинение «Воззрения о юге Гуйчжоу» (黔南識略 *Цяньнань шилюэ*, 1749, 18 цз.) служившего в Гуйчжоу Ниугулу Айбида (愛必達, 1711–1766) говорит о том, что «есть сто видов *мяо*». Изданная в 1847 г. книга Ло Жаодяня (羅繞典, 1793–1854) «Очерки чиновника, ведающего югом Цянь [Гуйчжоу]» (黔南職方紀略 *Цяньнань чжифан цзильюэ*) упоминает 52 вида *мяо*. Таким образом, количество выделяемых в отдельные виды *мяо* росло на протяжении XVII–XIX вв.

¹ URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=909592&remap=gb> (дата обращения 20.01.2023).

В «альбомах об инородцах» пусть и описано много разных видов *мяо*, но не приведено сведений об их ранней истории, чуть больше сведений сообщается об эпохах Мин и Цин. Выделяется описание № 33 *цзюгу-мяо* 九股苗 («*мяо* из Цзюгу», илл. 1) из альбома Хуи F-27. Оно начинается с древней истории и упоминания деяний полководца Чжугэ Ляна (諸葛亮, 181–234) во время его южного похода 225 г., ниже приведем отрывок из него:

與偏橋黑苗同類武侯南征戮之殆盡僅存九人遂名九股散...前明播州之乳為楊應龍羽翼雖調兵十數萬誅滅楊應龍而九股未剿伏莽劫掠時出為害由地曠而險猝難制伏雍正十年勾連蠢動合楚粵黔三省兵剿撫兼施搜繳兵甲建城安汎焉

[Цзюгу-мяо] одного племени с *хэй-мяо* («черными мяо») из Пяньцяо. У-хоу [Чжугэ Лян] во время похода на юг почти всех их истребил. Остались только девять человек. Оттого и прозвали их «цзюгу» («девятка бедер»).... Во время бочжоуского мятежа при прежней [династии] Мин [цзюгу-мяо] помогали Ян Инлуну². Несмотря на то что переброшенные войска численностью более ста тысяч [солдат] уничтожили Ян Инлуна, «цзюгу» не были полностью истреблены, прятались в чащах, постоянно чинили грабежи и всякое зло. Поскольку [их] земли обширны и труднодоступны, [их] было трудно обуздать. В 10-м году Юнчжэн [1732] сговорились и учинили смуту. Объединенные войска трех провинций Хунань, Гуандун и Гуйчжоу провели тотальную карательную операцию, нашли и изъяли всё оружие, построили крепость для поддержания спокойствия и несения охраны там.

Основной массив сведений о восстании Ян Инлуна содержится в «Правдивых записях императора Сянь Шэнь-цзуна [девиз правления Ваньли (萬曆), 1563–1620]» (神宗顯皇帝實錄 *Шэньцзун сяньхуанди шилу*). Упоминание *цзюгу-мяо* впервые встречается в историческом труде Ли Хуалуна (李化龍, 1554–1611) «Полная книга об [областях] Пин и Бо» (平播全書 *Пинбо цюаньшу*) эпохи Мин, где «Цзюгу» 九股 – это название местности. *Цзюгу-мяо* в эпоху Цин относились к группе «нецивилизованных» *мяо* (生苗 *шэнмяо*), не находившихся под властью *тусы* (土司)³. В эпоху Мин этноним *цзюгу-мяо* указывал на группы *мяо*, проживавших на южном берегу реки Циншуй-цзян, они нередко пересекали реку и нападали на армию Мин, потому у китайцев рано сложилось о них представление. В «Общем описании Гуйчжоу» 1673, 1692 гг. они названы «черными *мяо* из Цзюгу» (九股黑苗 *цзюгу хэймяо*), при этом очевидно, что приведенные выше сведения из альбома Хуи F-27 заимствованы из «Общего описания Гуйчжоу» 1741 г., где были значительно дополнены в сравнении с более ранними источниками (рис. 1).

В монографии В. Л. Ларина приводятся данные из «Собрания основных материалов по Гуйчжоу “Правдивых записей о правлении [династии] Цин”», подтверждающие связь этой группы *мяо* с местностью Цзюгу: «Наибольшее беспокойство цинским властям доставляли “нецивилизованные мяо” тинов⁴ Гучжоу, Тайгун, Цинцзян и Даныцзян, расположенных по берегам Циншуйцзяна и его верховьев – Цзюгухэ и Даныцзяна. Издревле *мяо* этих территорий, обобщенно именовавшиеся *мяо Цзюгу* (Цзюгу-мяо) или *мяо Циншуйцзяна*, “не подчиняются монаршей власти, по натуре безрассудны, не уважают закон. Затаившись в [своих] укреплениях, часто покидают [их], вредят народу, грабят путников, и если не ликвидировать этого мятежа, территории не будут спокойны”» [Ларин, 1994, с. 111] (цит. по: [Циншилу Гуйчжоу..., 1964, с. 321]). Таким образом, «альбомы об инородцах» нельзя считать информативным источником по истории *мяо*, в основном они содержат данные этнографического характера.

² Ян Инлун (楊應龍, 1551–1600) – местный старейшина (*тусы*) в Бочжоу (播州) провинции Гуйчжоу, в 1600 г. войска Мин вели против него военную кампанию.

³ Данный принцип управления некитайскими народами путем использования их правящей верхушки возник еще в конце II – начале I в. до н. э., в XIV в. был воплощен завоевавшими страну монголами в систему *тусы* [Ларин, 1994, с. 61].

⁴ *Тин* (廳) – административный район, вместо уезда, подчиненный области *фу* (府), в местностях, заселенных нацменьшинствами.

Рис. 1. Описание и иллюстрация, изображающая цзюгу-мяо.

Альбом Xyl F-27. НБ СПбГУ

Fig. 1. Description and the image of jiugu-miao.

Album Xyl F-27. Academic Library of Saint-Petersburg State University

Наименование *мяо* менялось на протяжении исторического периода, зафиксированного в китайских источниках. По данным сочинения «Планы сражающихся царств» (戰國策 Чжаньгоцэ, V–III вв. до н. э.) можно представить место расселения *мяо* – «где-то в бассейне среднего течения Янцзы на севере провинций Цзянси и Хунань, в области озер Дунтин-Поянху». В «Книге истории» (尚書 Шаньшу, не позже VII в. до н. э.) встречается термин «мяоминь» 苗民 [Итс, 1972, с. 139]. Географическое сопоставление позволяет считать «сань-мяо» 三苗 (или *мяоминь*) создателями неолитических культур Дунтин-Поянху и основным субстратом некитайского населения царства Чу, где «мань» (蠻) – это предки *туцзя* (土家) и *мяо-яо* (苗瑶). В самом названии коренного населения царства Чу «мань-и» (蠻夷) содержится указание на два компонента: «мань» – предки *мяо*, «и» – предки *туцзя* [Там же, с. 144, 172]. «Поздняя книга Хань» (後漢書 Хоуханьшу, цз. 116) содержит легенду о том, что предки *мяо* происходят из района Елан [Lin Yueh-hwa, 1941, p. 273]. В источниках эпох Тан – Сун народы района Уси упоминались как «мяожэнь» (苗人), это и были предки современных *мяо*. Лишь в династийной истории Юань (元史 Юаньши, 1370) появились письменные упоминания о разных группах варваров-*мяо* (苗蠻 *мяомань*), которые делятся на «*гуйчжоу мяомань*» (貴州苗蠻), «*пинфа мяомань*» (平伐苗蠻), «*цзыцзян мяомань*» (紫薑苗蠻), упомянуты также «*мяолао*» (苗獠), «*шэнмяо*» (生苗) и др. [Yang Zhiqiang, 2010, p. 2]. Термин «мань» как обозначение всей совокупности местных народов был заменен на «*мяо*» в эпоху Мин. Тогда же *мяо* начали делить на «нецивилизованных» (生 *шэн*), не желающих принимать китайские традиции и считавшихся «варварами», и «цивилизованных» (熟 *шу*), более склонных к ассимиляции, кроме того *шэнмяо* не находились во власти *тусы*, а *шумяо* были включены в число подчинявшихся *тусы* [Lee, Tapp, 2010, p. xxi].

Ицзу (устар. лоло, голо, носу-и)

Народность *ицзу* (彝族) характеризуется этнографами следующим образом: «*Ицзу* (само-назв. *ий*) – народ на Юго-Западе Китая: провинции Сычуань (Авт. район Ляншань народности *ицзу*), Юньнань (Авт. округ Хунхэ и Авт. уезд Цзянчэн народностей *хани* и *ицзу*, Авт. Округ Эшань и Авт. уезды Милэ, Нинлан и Лунань народности *ицзу*), Гуйчжоу (Авт. уезд Вэйнин народностей *ицзу*, *хуэй*, *мяо*), Хунань и Гуанси-Чжуанский автономный район. Относятся к восточноазиатской расе большой монголоидной расы, говорят на языке *ицзу* лоло-бирманской подгруппы центральной группы сино-тибетской семьи. Существует пиктографическая письменность. Этническая общность *ицзу* сформировалась после падения государства Наньчжао (VII–XIII вв.), когда часть была оттеснена в горы Ляншань, дав начало *ицзу*. Ляншаньские *ицзу* сохраняли независимость от Китая до середины XX в.» [Крюков, 1988б, с. 189].

В исследуемых «альбомах об инородцах», как правило, присутствуют два отдельных описания для «черных лоло» (黑猓 *хэй ло / голо, носу-и*) – высшей социальной группы и «белых лоло» (白猓 *бай ло / голо*) – низшей социальной группы. Стихотворное описание (№ 16) альбоме Хуи F-25a содержит такие строки о черных *голо* (*лоло*), в которых упомянут исторический персонаж Цзи Хо:

黑猓在大定府第一。
昔年濟火長南夷。
蔓衍猓徭徧水西。
地屬鬼方人信鬼。
蠻文引結絕無稽。

Черные *голо* в Дадин-фу. Часть один.
В былые годы Цзи Хо возглавлял южных инородцев *нань-и*.
Расселились *голо* повсюду в Сишуй.
Земля относилась к Гуй-фан⁵, люди верят в духов.
Письменность маней из узелков не имеет оснований.

Предыдущее исследование автора уже было посвящено источникам сведений о черных и белых *лоло* в исследуемых альбомах [Завидовская, 2022]. В нем мы показали, что наиболее ранним подробным материалом о двух группах *ицзу* было сочинение Тянь Жуйчэна «Записи об услышанном в жарком пограничье» (炎徼紀聞 *Яньцзяо цзивэнь*⁶), откуда почти без изменений данные поступили в «Общее описание Гуйчжоу» 1673 г. Приведем оттуда выдержку:

羅羅本廬鹿，而訛為今稱。有黑白二種。居平遠、大定、黔西、威寧者，為黑羅羅，亦曰烏蠻。黑者為大姓。羅俗尚鬼，故又曰羅鬼。蜀漢時有濟火者。從丞相亮破孟護有功，後封羅甸王，即安氏遠祖。自羅甸東西，若自杞、夜郎、牂牁則以國名；若特唐、白衣、九道則以道名，皆羅羅之種也。

Лоло изначально [обозначались как] «лулу», в результате ошибки получили нынешнее наименование. Есть два племени – черные и белые. Проживающие в Пинъюане, Дадине, Цяньси и Вэйнине – это черные лоло, называемые также «умань» («темные варвары»). Клань черных – великие. В обычаях Ло [принято] почитание демонов, поэтому называются еще «логуй» («демоны-ло»). В эпоху Шу-Хань⁷ жил Цзи Хо⁸,

⁵ Гуй-фан (鬼方), «край духов» – старое название Гуйчжоу.

⁶ Исследование Дж. Хермана показывает, что история о том, что в период Шу-Хань Хо Цзи оказал помощь У-хоу (Чжугэ Ляну) в поимке Мэн Ху, за что был пожалован титулом вана Лодянь, а потомки Хо Цзи, проживавшие в Шуйси, носят титул «да гуйчжу» 大鬼主, фигурирует в «Правдивых записях Тай-цзу (Хуньбу)» (太祖洪武實錄, 71 цз.), а также в раннем минском описании Гуйчжоу «Новое описание Гуйчжоу с картами» (貴州圖經新志 *Гуйчжоу туцзин синьчжи*, 17 цз., периода Хунчжи, 1488–1505) [Herman, 2007, p. 270].

⁷ Шу-Хань (蜀漢, 221–263), или Шу (蜀) – одно из государств периода Троецарствия (220–280).

⁸ Цзи Хо (濟火, 175–238), другие имена Цзици Хо, Хо Цзи, вождь *ицзу*, житель области Цанкэ эпохи Хань. Дальний предок тусы рода Ань.

с министром [Чжугэ] Ляном разбил Мэн Ху⁹, отличился, потом получил титул вана Лодянь – это дальний предок рода Ань. На восток и на запад от Лодяня такие земли, как Цзыци¹⁰, Елан¹¹ и Цзангэ¹² были царствами; Тэтан, Байи и Цзюдао – были округами-*дао*¹³. Все они суть племена лоло.

Линь Юэхуа приводит данные о происхождении термина «*лоло*» из сочинения Ло Жаодяня «Очерки чиновника, ведающего югом Цянь [Гуйчжоу]» (1847): «Когда У-хоу [Чжугэ Лян] умирил государства юга, он приказал главам больших родов вести своих подчиненных. Ло Цзихо (羅濟火) большого рода Цзяньнин (建甯) имел своих подчиненных в регионе между Цзангэ и Елан, они были названы именем Лодянь (羅甸)... В конце Суй [581–618] – начале Тан [618–907] способные из числа *мань* были подняты до статуса «*гуйчжу*» (鬼主)¹⁴. Люди Лодянь были тогда названы «*гуйчжу* семьи Ло», что сокращенно звучит как «*ло гуй*» (羅鬼). Этот термин потом был ошибочно изменен на «*лулу*» (盧鹿), а затем опять на «*лоло*» (羅羅)» [Lin Yueh-hwa, 1941, p. 272–274].

В сочинении Тянь Вэня «Книга о Цянь [Гуйчжоу]» (1690) также есть разъяснение происхождения этнонима «*лоло*»: «Цзи Хо был черным *лулу* (黑盧鹿), был дальним предком семьи Ань (安) из Шуйси (水西 – ныне уезд Цяньси 黔西). У него были глубоко посаженные глаза, звериное лицо, белые зубы. Синей тканью он оборачивал волосы на голове в форме рога¹⁵... *Мань* (蠻) его поддерживали» [Ibid., p. 273].

Почему в «альбомах об инородцах» фигурируют отрывочные сведения об *ицзу* времен глубокой древности? Это связано с тем, что они являлись основателями нескольких государственных образований, включая Муэгэ (慕俄格). Деяния правивших там родов были зафиксированы в исторических хрониках с эпохи Хань до эпохи Цин. Исследование Дж. Хермана, посвященное роли государства *ицзу* в истории освоения провинций Гуйчжоу и Юньнань, сообщает, что в 225 г. вождь *ицзу* То-ачжэ (妥阿哲, др. имена – Цзи Хо, Хо Цзи) захватил Логэнь (в районе совр. г. Бицзе), в том же году Чжугэ Лян встретил его там и заручился его поддержкой кампании царства Шу-Хань против восставшей на юге армии Мэн Ху. То-ачжэ обеспечил армию Чжугэ-ляна провизией, людьми и лошадьми, за что Чжугэ Лян удостоил То-ачжэ наследственного титула правителя-вана Лодянь (羅甸王). Потомки То-ачжэ расшили область своего влияния, установив контроль над автохтонным народом *пу* (濮), проживавшим в горах района Шуйси, внук То-ачжэ покинул Логэнь ради города Мугэбай-чжагэнь на западе Гуйчжоу, где было объявлено об основании царства Муэгэ [Herman, 2007, p. 26–27].

⁹ Речь идет о Мэн Хо (孟獲), который также являлся вождем *ицзу* и родился в уезде Цюцзин. После смерти правителя царства Шу Лю Бэя (劉備, 162–223) Мэн Хо восстал против царства Шу-Хань. По легендарным данным китайских источников, Чжунгэ Лян захватывал и освобождал Мэн Хо семь раз, в результате тот присягнул на верность царству Шу.

¹⁰ Цзыци (自杞) – государственное образование, существовавшее на востоке Юньнани и западе Гуйчжоу в период Южной Сун (1127–1260), основное население составляли «темные варвары» (*умань*), т. е. *ицзу*.

¹¹ Елан (夜郎) – государство, существовавшее на западе Гуйчжоу в эпоху Хань, в тот период находилось в 20 *ли* на восток от уезда Тунцзы (桐梓) на севере Гуйчжоу. Одно из самых крупных царств юго-западных варваров (*синань-и*), центр Елан располагался в районе современного Цзуньи (尊義) в Гуйчжоу [Итс, 1972, с. 213].

¹² Цзангэ (牂牁) – царство, упоминаемое уже в хрониках об эпохе Чжоу. В эпоху Хань при императоре У-ди на территории бывшего царства Целань (且蘭) была учреждена управа Цзангэ-цзюнь (牂牁郡), в эпоху Тан семь крупных семей Цзангэ управляли частью Гуйчжоу наряду с царствами Муэгэ, Юйши, Бадэдэнь, далее ставшими территорией с юга округа Цзуньи-фу до округов Сынань (司南), Шицян (石阡). Территория совр. Автономной области юго-востока Гуйчжоу (黔东南自治州).

¹³ Дао (道) – административная единица типа округа в юго-западных регионах.

¹⁴ Гуйчжу (鬼主) – название лица, возглавлявшего ритуалы поклонения духам. В «Книге Тан» сказано: «Варвары-и (夷) почитают демонов-*гуй*. Так называют главу жертвоприношения. Когда духов призывают и провожают, необходимо, чтобы их сопровождали солдаты. Когда глава возглавлял только сто семей, то назывался «*малым гуйчжу*» [Lin Yueh-hwa, 1941, p. 274] (цит. по «Книге Тан»).

¹⁵ Прическа в форме рога у высшего сословия *ицзу* – *носу* называлась «вместилище небесного духа» [Итс, 1972, с. 139].

Рис. 2. Иллюстрация, изображающая женщину-чиновника.

Альбом Xyl F-25a. НБ СПбГУ

Fig. 2. Illustration depicting a female official.

Album Xyl F-25a. Academic Library of Saint-Petersburg State University

Говоря о наличии государственности у *ицзу*, Р. Ф. Итс сообщает, что «в китайских письменных памятниках южносунской эпохи *мяо* были под прямым воздействием государства *ицзу*» [Итс, 1972, с. 266]. Во время войн Тан и Наньчжао *ицзу* расширили свои территории, охватив всю современную Гуйчжоу. В VIII в. государства *ицзу* отправляли посольства с дарами ко двору Наньчжао. В свою очередь, Наньчжао организовало 37 племенных представительства на территориях *ицзу* [Нерман, 2007, р. 29]. В танских источниках клан Аванжэнь, расширявший свои владения в областях Пусянь и Пуань, назван царством Юйши (于矢), таким образом, территория Гуйчжоу в VIII в. была под властью двух царств *носу-и* – Муэгэ и Юйши [Ibid., р. 30–31]. С целью усиления буферной зоны с экспансионистски настроенным Наньчжао в 846 г. танское правительство наделило главу правящего клана *ицзу* титулом вана государства Лодянь (羅甸國王 *Лодянь гован*). Первое описание *носу-и* оставил танский посланник Фань Чо (樊綽) в труде «Книга о варварах-мань» (蠻書 *Маньшу*). С основанием Северной Сун знатные роды с территории Муэгэ, заявлявшие о своих ханьских корнях, включая род Ян (楊) из Бочжоу (播州), получили почетные титулы в обмен на признание своего вассалитета. Монгольское завоевание Дали 1253 г. пошатнуло изолированное положение царства Муэгэ, оно было покорено монголами в 1283 г., но контроль монголов над территорией не был длительным [Ibid., р. 39].

Не меньший интерес для исследования устройства общества черных лоло (*нос-и*) представляют описания «женщины-чиновника» (女官 *нюйгуань*). «Женщина-чиновник из демонов ло[ло]» (羅鬼女官 *логуй нюйгуань*) представляет собой отражение системы наследования в обществе черных лоло (*нос-и*). Если находившийся у власти *тусы* или *туму* рано умирал, а его наследник был слишком мал, то главная жена *тусы* вела дела. Такого рода система управления существовала в таких *тусы*, как Шуйси (水西), Уса (烏撒), Пуань (普安), Юннин (永寧). Старшая жена (耐德 *найдэ*) могла быть только из семьи *тусы*, т. е. из той же социальной прослойки [Баймяоту..., 2004, с. 9]. В альбоме Xyl F-25a приведено такое описание «женщины-чиновника» (рис. 2):

女官在大定府代理土務第二。

銀梅點額髻盤螺。

細綳長裙委地拖。

馬上頰衣輝磊落。

蠻兒爭看女官過。

Женщина-чиновник в Дадин-фу исполняет обязанности ответственного за земляные работы. Часть два.

Серебряные цветы на лбу, волосы собраны в улитку.

Длинная юбка в тонкую складку, ползет по земле.

С лошади багряная одежда ниспадает слоями.

Сыновья варваров борются, чтобы увидеть, как проходит женщина-чиновник.

Ранние сведения о женщинах-чиновниках и системе передачи власти у *ицзу* встречаем в юаньском сочинении Ли Цзина (李京) «Краткое описание Юньнань» (雲南志略 *Юньнань чжильюэ*), сочинении минского автора Се Чжаочжэ (謝肇淛) «Кратко о Юньнань» (滇略 *Дяньлюэ*) [Чжань Юэхай, 2015, с. 25].

«Общее описание Гуйчжоу» 1692 г. содержит ксилографическую иллюстрацию с названием «Официальный выход женщины-чиновника [из демонов]-ло» (羅鬼女官出行之圖 *Лонюйгуань чусинчжи ту*). Изображена процессия из пяти женщин, две служанки несут шлейф длинной юбки женщины-чиновника, за ними следуют еще две служанки со сложенным зонтиком. Текст описания следующий: «У лоло управляет делами женщина-чиновник, всеми местными управами-фу и по-прежнему как военный правитель. В стихотворении Тянь Вэнь “Женщина-чиновник из Дунчуань”¹⁶ (東川女官 *Дунчуань нюйгуань*) сказано: “Я взираю на женщину-чиновника как взираю на картину. Янь Либэнь¹⁷ нарисовал картины о поднесении дани, я взираю на женщину-чиновника как на диковинный сон, диковинный странный облик и походка, я взираю как женщина-чиновник входит в разрушенный буддистский храм, при северном ветре в сумраке кричат злые горные духи, древние духи при тусклом светильнике открывают патру, старейший Будда превратился в стремительного льва, черепахи-оборотни и лисы вымазаны пудрой и краской для бровей, демоны-асуры в латах и шлемах дуют в губной органчик и свирель, у женских особей темной тканью обмотана лохматая голова, у мужских особей глаза цвета лазури, в кулаке [держат] усы. Манерой держаться женщина-чиновник как мужчина, выполощенная в огне холстина оборачивает ее тело, на девяти раттановых тростях красные кораллы, в ушах золотые кольца со свисающими жемчужинами, на талии висит пара [мечей] чжаньлу¹⁸, вышитая юбка волочится по земле, короткая куртка в лотосах. Женщина-чиновник из Шуйси”». Итак, мы видим, что в официальной хронике провинции отдельное описание с иллюстрацией посвящено одному из аспектов управления подвластными *ицзу* народами – институту регентства у *тусы*. Добавим, что стихотворение

¹⁶ Префектура Дунчуань-фу была основана при династии Мин на территории Юньнани, сейчас это провинция Сычуань, но Тянь Вэнь описал женщину-чиновника из рода Ань из Шуйси, Гуйчжоу.

¹⁷ Янь Либэнь (閻立本, ок. 600 – 673 г.) китайский художник.

¹⁸ Чжаньлу (湛盧) – чудесный меч, выкованный древним оружейником Оу Е (歐冶).

цинского сановника и поэта Тянь Вэня из «Сборника Зала тяги к старине» (古歡堂集 *Гухуань танцзи*, цз. 7) положило начало традиции стихотворений о «нью-гуань».

Гэлао

Гэлао (仡佬) проживают в основном в автономном уезде Лунлинь Гуанси-Чжуанского автономного района [Народы Восточной Азии, 1965, с. 32]. По данным И. В. Самариной, предками народа гэлао, по мнению большинства исследователей, являются автохтонные племена юга Китая. Языки гэлао принадлежат к тай-кадайской, или крадайской, языковой семье и входят в состав кадайской ветви (ветви кра) [Самарина и др., 2011, с. 9].

В альбоме Xyl F-25a содержится описание шести групп гэлао: 1) «гэлао свиного навоза» (豬屎仡佬 *чжуши-гэлао*); 2) «беззубые гэлао» (打牙仡佬 *дая-гэлао*) (рис. 3); 3) «водные гэлао» (水仡佬 *шуй-гэлао*); 4) «гэлао с круглыми крышками под котлы» (鍋圈仡佬 *гоцзюань-гэлао*); 5) «местные гэлао» (土仡佬 *ту-гэлао*); 6) «гэлао в халате-накидке» (披袍仡佬 *пинао-гэлао*). В труде Ло Жаодяня (1847) к гэлао отнесены также «кующие железо гэлао» (打鐵仡佬 *таде гэлао*), «красные гэлао» (紅仡佬 *хун гэлао*), *лаодан*, *гэдоу* (仡兜) [Lin Yueh-hwa, 1941, p. 279].

Рис. 3. Иллюстрация «беззубые гэлао» с описанием.

Альбом Xyl F-25a. НБ СПбГУ

Fig. 3. Illustration of the “toothless gelao” with a description.

Album Xyl F-25a. Academic Library of Saint-Petersburg State University

Все описания содержат только этнографические сведения, не сообщая ничего об истории народа. В качестве примера приведем стихотворное описание «беззубых гэлао» из альбома Хуи F-25a:

打牙狔狔在黔西州。
桶群無摺織青羊。
最愛夫家不忍傷。
新婦一齊齟齬笑。
打牙風俗大荒唐。

Дая-гэлао (беззубые гэлао) в Цяньси-чжоу.

«Юбки-ведра» без складок ткнут из шерсти горала.

Больше всего любят семью мужа – не смеют вредить ей.

Когда молодые жены покажут улыбки с больными зубами.

[Поймете, что] обычай вырывать зубы совершенно абсурден.

Исследование И. В. Самариной опирается на данные современных китайских ученых и сообщает, что «предками гэлао были пу (濮) и лао (獠). Пу не представляли собой единого этноса. Это был многоэтнический союз племен, бытовавший на территории современной провинции Юньнань к западу от реки Юаньцзян. Впоследствии они расселились на территории современных провинций Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу и в Северном Вьетнаме. Первые сведения о пу, или «ста / всех пу» (百濮 байпу), встречаются в китайских исторических хрониках начиная с ханьской эпохи при упоминании неханьских народов Гуйчжоу, Сычуани, Хунани и Гуанси. В «Истории поздней Хань» есть упоминание о том, что «прочие “лао” (獠) получили название “главных лао” (主獠)», подробнее лао описаны в «Истории Вэй» (魏書 Вэйшу) [Lin Yüeh-hwa, 1941, p. 275].

В эпоху Западная Хань на территории современных пров. Гуйчжоу и Юньнань было создано государство Елан. Оно упоминается в гл. 116 «Исторических записок» Сыма Цяня. В 130 г. до н. э. государство Елан входит в состав Ханьской империи, на его месте учреждается военный округ. В «Истории Поздней Хань» при описании жителей государства Елан встречается этноним «варвары-лао» (夷獠 и-лао). Вторая часть этого этнонима – лао, записанная тем же иероглифом (獠), используется и во вьетнамском историческом памятнике «Полное собрание исторических записок Дайвьета» при описании «сильных» и «своенравных» варваров, населявших земли Вубинь (武平), Кыудык (九德) и Тансьонг (新昌). Как указывается в комментарии к этому памятнику, этноним лао употреблялся в узком и широком смысле. Употребляя его в узком смысле, китайские авторы имели в виду тайские народы, жившие в пределах современных пров. Гуйчжоу, Гуандун и Гуанси-Чжуанского автономного района. Начиная с эпохи Восточная Хань (25–220) в исторических хрониках вместо пу начинают упоминаться лао, проживавшие на территории современных пров. Хунань, Гуйчжоу и Гуанси-Чжуанского автономного района... Древние лао считаются предками не только гэлао, но и тулао, мулао и, возможно, ли, а также других тайских народов, включая чжуан, буи. В этнографической науке Китая лао считаются потомками лоюэ, т. е. той части народов юэ (越), которую вьетнамские исследователи связывают с предками вьетнамцев.

Название «гэлао» (仡佬) впервые появляется в эпоху Суй. В исторических записях танского и сунского периодов встречаются упоминания о народе «гэлао» в различном иероглифическом написании (葛老, 革老). До эпохи Сун в источниках использован только этноним «лао» (獠), при Сун использовали термины «лао» и «цилао». Этноним гэлао в современном китайском написании впервые встречается в книге «Собрание шуток о южных манях» (溪蠻叢笑 Циманьцунсяо, ок. 1195) Чжу Фу (朱輔). Начиная с эпохи Мин (1368–1644) во многих исторических хрониках отмечается, что в древности гэлао назывались «лао» (獠) [Самарина и др., 2011, с. 22]. Л. Хостетлер, опираясь на работы Ломбард-Салмон [Lombard-Salmon, 1972, p. 147], утверждает, что этноним «гэлао» начал употребляться в эпоху Сун,

к эпохе Мин возникло деление *гэлао* на группы [Hostetler, 2001, p. 109]. В эпохи Юань, Мин, Цин в хрониках упоминаются *тулао* (土佬), потомки переселившихся в Юньнань *лао*. При Мин велись войны с неханьским населением Гуйчжоу, включая *гэлао* и *тулао* [Самарина и др., 2011, с. 17–19].

Обобщая всё богатство этнографических сведений о народах Гуйчжоу, приведенных в альбомах Xyl F-25a, Xyl F-27, можно выделить следующие превалирующие аспекты: 1) особенности семейно-брачных отношений, куда относятся обычаи, связанные со знакомством молодых людей, свадебным ритуалом, функционированием семьи до и после рождения детей; 2) похоронная обрядность, включая ритуалы, связанные с захоронением умершего, способы захоронения, ритуалы после похорон; 3) культы различных божеств, шаманизм и ритуалы излечения (магическая медицина). Китайские источники, как правило, не дают интерпретаций данных явлений. Последняя стала возможной уже на современном этапе исследования этих обществ через призму этнографии и антропологии.

Заключение

Представленный в статье анализ текстов описаний ряда неханьских народов провинции Гуйчжоу из «альбомов об инородцах» эпохи Цин, хранящихся в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ, позволяет представить место данного жанра книжной продукции в системе источников о юго-западных окраинах Китая. Было показано, что описания разных групп *мяо* (*хмонгов*), *ицзу*, *гэлао* содержат только сведения этнографического характера об особенностях костюма, прически и наиболее характерных обычаях. Мы показали, по каким источникам можно восстановить более полные данные об истории этих народностей. При этом описание черных *лоло* (*носу-и*) содержит краткие упоминания событий древней истории, что связано с главенствующей ролью *ицзу* в сложившейся системе управления провинцией через посредство местных старейшин *тусы*. *Ицзу* сформировали на территории Гуйчжоу свои государства, с которыми приходилось стоять отношения Китайской империи, отсюда большее внимание, уделенное обычаям и системе передачи власти у *ицзу* в альбомах («женщина-чиновник»). Тем не менее, очевидно, что «альбомы об инородцах» ценны больше своей художественной составляющей, содержащаяся в них описательная информация представляет собой краткие выдержки из более подробных источников, выявленных автором статьи.

Список литературы

- Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука, 1972. 305 с.
- Завидовская Е. А. Анализ источников описаний народностей провинции Гуйчжоу из цинских «альбомов об инородцах» // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 154–181.
- Крюков М. В. Мяо // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М.: Сов. энцикл., 1988a. С. 317–318.
- Крюков М. В. Ицзу // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М.: Сов. энцикл., 1988b. С. 189.
- Ларин В. Л. Юго-западный Китай во второй половине XVII–70-х годах XIX в.: проблемы региональной истории. М.: Наука, 1994. 335 с.
- Народы Восточной Азии. М.: Наука, 1965. 1027 с.
- Самарина И. В., Мазо О. М., Нгуен Ван Лой. Языки гэлао: материалы к сопоставительному словарю кадайских языков. М.: Academia, 2011. 943 с.
- Herman J. E. Amid the Clouds and Mist: China's Colonization of Guizhou, 1200–1700. Cambridge: Harvard Uni. Press, 2007. 344 p.
- Hostetler L. Qing Colonial Enterprise: Ethnography and Cartography in Early Modern China. Chicago, Uni. of Chicago Press, 2001. 257 p.

- Lee G. Y., Tapp N.** Culture and Customs of the Hmong. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2010. 235 p.
- Lombard-Salmon C.** Un exemple d' acculturation chinoise: La province du Guizhou au XVIIIe siecle. Paris, Ecole Frans; aised'Extreme-Orient, 1972. 462 p.
- Lin Yueh-hwa.** The Miao-Man Peoples of Kweichow // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1941. Vol. 5, no. 3/4. P. 261–345.
- Yang Zhiqiang.** From Miao to Miaozu: Alterity in the Formation of Modern Ethnic Groups // *Hmong Studies Journal*. 2010. No. 10. P. 1–28.
- Баймяоту чаобэнь хуэйбянь / Ян Тиншо, Пань Шэнчжи бяньчжэ [百苗圖抄本彙編 (上、下) / 楊庭碩、潘盛之編著]. Свод рисунков с выписками по «всем мяо» (вариант: инородцам) / Под ред. Ян Тиншо, Пань Шэнчжи. Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 2004. Т. 1; 2. 617 с. (на кит. яз.)
- Циншилү Гуйчжоу цзыляо цзияо [清實錄貴州資料紀要]. Собрание основных материалов по Гуйчжоу из «Правдивых записей о правлении Цин». Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1964. 1269 с. (на кит. яз.)
- Чжань Юэхай.** Тянь вэнь «Дунчуань ньюгуань гэ» юй лянфу «ньюгуаньту» [佔躍海。田雯《東川女官歌》與兩幅“女官圖” // 民族文學研究]. «Песнь о женщине-чиновнике из Дунчуань» Тянь Вэня и две картины с женщиной-чиновником // Миньцзу вэньсюэ яньцзю. 2015. № 4. С. 24–31. (на кит. яз.)

References

- Baimiaotu chaoben huibian [百苗圖抄本彙編 (上、下) / 楊庭碩、潘盛之編著]. Edited Collection of Hand-Written Miao Albums. Eds. Yang Tingshuo, Pan Shengzhi Guiyang, Guizhou renmin chubanshe, 2004, 617 p. (in Chin.)
- Herman J. E.** Amid the Clouds and Mist: China's Colonization of Guizhou, 1200–1700. Cambridge, Harvard Uni. Press, 2007, 344 p.
- Hostetler L.** Qing Colonial Enterprise: Ethnography and Cartography in Early Modern China. Chicago, Uni. of Chicago Press, 2001, 257 p.
- Kryukov M. V.** Miao. In: *Narody Mira [Peoples of the World]*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1988, pp. 317–318. (in Russ.)
- Kryukov M. V.** Yizu. In: *Narody Mira [Peoples of the World]*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1988, p. 189. (in Russ.)
- Larin V. L.** Yugo-zapadnyi Kitai vo vtoroi polovine XVII – 70-kh godakh XIX v.: problemy regional'noi istorii [Southwestern China in the second half of the 17th – the 70s of the 19th century]. Moscow, Nauka, 1994, 335 p. (in Russ.)
- Lee G. Y., Tapp N.** Culture and Customs of the Hmong. Santa Barbara, ABC-CLIO, 2010, 235 p.
- Lin Yueh-hwa.** The Miao-Man Peoples of Kweichow. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1941, vol. 5, no. 3/4, pp. 261–345.
- Lombard-Salmon C.** Un exemple d' acculturation chinoise: La province du Guizhou au XVIIIe siecle. Paris, Ecole Frans; aised'Extreme-Orient, 1972, 462 p.
- Narody Vostochnoi Azii [Peoples of East Asia]*. Moscow, Nauka, 1965, 1027 p. (in Russ.)
- Qingshilu Guizhou ziliao jiyao [清實錄貴州資料紀要]. Collection of Important Materials on Guizhou from Genuine Records of Qing. Guiyang, Guizhou renmin chubanshe, 1964, 1269 p. (in Chin.)
- Samarina I. V., Mazo O. M., Nguen Wan Loi.** Yazyki gelao: materialy k sopostavitel'nomu slovaryu kadaiskikh yazykov [Languages of Gelao: materials for the comparative dictionary of Kadai languages]. Moscow, Nauka, 2011, 943 p. (in Russ.)
- Yits R. F.** Etnicheskaya istoriya yuga Vostochnoi Azii [Ethnic History of the South of East Asia]. Leningrad, Nauka, 1972, 305 p. (in Russ.)

- Yang Zhiqiang.** From Miao to Miao zu: Alterity in the Formation of Modern Ethnic Groups. *Hmong Studies Journal*, 2010, no. 10, pp. 1–28.
- Zavidovskaya E. A.** Analiz istochnikov opisanii narodnostei provintsii Guichzhou iz tsinskikh “al'-bomov ob inorodtsakh” [Analysis of the Sources for the Descriptions of the Guizhou Ethnic Groups from the Miao Albums]. In: *Chelovek i kultura Vostoka*. Moscow, ICMI RAS, 2022, pp. 154–181. (in Russ.)
- Zhan Yuehai.** Tian wen “dongchuan nüguan ge” yu liangfu nüguantu [佔躍海。田雯《東川女官歌》與兩幅“女官圖”//民族文學研究]. “Song of Dongchuan female official” and two paintings with female official. *Minzu wenxue yanjiu*, 2015, no. 4, pp. 24–31. (in Chin.)

Информация об авторе

Екатерина Александровна Завидовская, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57194582421
RSCI Author ID 323484
SPIN 1577-4226

Information about the Author

Ekaterina A. Zavidovskaya, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57194582421
RSCI Author ID 323484
SPIN 1577-4226

*Статья поступила в редакцию 26.12.2022;
одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 09.02.2023
The article was submitted on 26.12.2022;
approved after review on 06.02.2023; accepted for publication on 09.02.2023*

Научная статья

УДК 94

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-61-72

Описание «инородцев» в цинском альбоме «Цюаньцянь мяоту»

Анна Михайловна Харитоновна

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

a.kharitonova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4234-5579>

Аннотация

Исследуется альбом «Полное собрание изображений мяо провинции Гуйчжоу» (全黔苗圖 *Цюаньцянь мяоту*, шифр Xyl. F-27), хранящийся в фонде Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ. Ключевыми задачами статьи являются установление места альбома в китайской традиции описания инородцев, описание структуры источника, а также выделение этнографических и фольклорных сведений в альбоме об инородцах. Актуальность исследования заключается в своевременности сопоставительного анализа данного альбома с подобными экземплярами, хранящимися в научных центрах по всему миру и изученными за последние несколько десятилетий. Альбом содержит этнографическую информацию: сведения об ареале расселения народа; традиционные виды деятельности; предметы быта, сельского хозяйства; одежда. В статье рассматриваются похоронные обряды различных этнических групп, а также пересечения с фольклором: упомянуты ткачество, барабаны, птицы, тигры. Схожесть ряда явлений в цинских альбомах и фольклоре народов Юго-Восточной Азии может, с определенными оговорками, свидетельствовать о наличии связей между административными документами («альбомы об инородцах») и народным творчеством. Статья снабжена таблицей и иллюстративным материалом.

Ключевые слова

китайские рукописи СПбГУ, «Альбомы об инородцах», Гуйчжоу, Цюаньцянь мяоту, мяо, фольклор, этнография

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00119, <https://rscf.ru/project/22-28-00119>

Для цитирования

Харитоновна А. М. Описание «инородцев» в цинском альбоме «Цюаньцянь мяоту» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 61–72. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-61-72

Description of “Barbarians” in the Qing Dynasty Album “Pictures of Miao from the Entire Guizhou” (“Quanqian Miaotu”)

Anna M. Kharitonova

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

a.kharitonova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4234-5579>

Abstract

The article examines the album “Pictures of Miao from the Entire Guizhou” (全黔苗圖 *Quanqian miaotu*, Xyl. F-27), stored in the St. Petersburg State University Academic Library. The key objectives of the article are to determine the

© Харитоновна А. М., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 61–72
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 61–72

place of the album in the Chinese tradition of describing foreigners; description of the source structure; as well as highlighting ethnographic and folklore information in the album about foreigners. The relevance of the study is seen in the timeliness of a comparative analysis of this album with similar copies stored in research centers around the world and studied over the past few decades. The author sets himself the task of studying this album and identifying its key features. The methodology uses historical comparative studies, which allows to come to general conclusions based on the material of several similar albums. The Album contains valuable ethnographic information about ethnic groups of Guizhou. Descriptions together with hand-written illustrations contain information about the location of particular ethnic groups, their traditional activities, household items, agriculture, clothing. Details concerning the religious activities and rituals reveal the specifics of different ethnicities. This paper discusses various funeral rites making it possible to look at the albums as a source for further research on these groups. Speaking of folklore, it reflects the realities of daily life; for example weaving, drums, birds, tigers are mentioned in the descriptions. Nevertheless, the similarity in linguistic and cultural forms in the Qing Albums and the folklore of the peoples of Southeast Asia can indicate the possibility of relationship and cross-borrowing between administrative documents (such as Albums) and folk narratives. The article is supplied with a table and illustrative material.

Keywords

Chinese manuscripts from St. Petersburg State University, Miao albums, Guizhou, Quanqian miaotu, Miao, folklore, ethnography

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Scientific Fund, project no. 22-28-00119, <https://rscf.ru/project/22-28-00119>

For citation

Kharitonova A. M. Description of the “Barbarians” in the Qing Dynasty Album “Pictures of Miao from the Entire Guizhou” (“Quanqian Miaotu”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 61–72. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-61-72

Введение

Статья посвящена описанию и анализу нового источника «Цюаньцянь мяоту» по исторической этнографии народов Юго-Западного Китая. Ключевыми задачами для достижения поставленной цели являются установление места альбома в сложившейся китайской традиции описания инородцев, описание структуры источника, а также выделение этнографических и фольклорных сведений в альбоме об инородцах. Новизна исследования обусловлена введением в научный оборот ценного источника: иллюстрированного альбома «Цюаньцянь мяоту», экземпляр которого хранится в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета (далее – НБ СПбГУ). Актуальность исследования заключается в своевременности сопоставительного анализа данного альбома с подобными экземплярами, хранящимися в научных центрах по всему миру и изученными за последние несколько десятилетий.

Изучением альбомов и сведений об инородцах начали заниматься еще в XIX в. [Харитонова, 2022]. В настоящее время важными исследованиями в области изучения историко-этнографической ситуации остаются классические труды Р. Ф. Итса [1972] и В. П. Ларина [1994]. Современными исследованиями в этой области являются работы Д. Дила и Л. Хостетлер [Deal, Hostetler, 2006]; много научных трудов и источников по этой теме публикуется на китайском языке [У Яди, 2021; 2022].

На протяжении многовековой истории Китая, начиная с древности и до середины XIX в., внешняя политика империи основывалась на представлении, что весь мир (Поднебесная) разделен на две части, одна из которых – цивилизованный Китай, а другая – варварская периферия, с четырех сторон света окружавшая «Срединное государство» (Китай). На востоке проживали варвары *дун-и* (東夷), на западе – *си-жун* (西戎), на юге – *наньмань* (南蠻) и на севере – *бэй-ди* (北狄). Предопределенное Небом абсолютное превосходство Китая над варварами во всех сферах не подлежало сомнению. Император (Сын Неба), обладающий благой силой *дэ* (德) и являющийся устроителем Поднебесной, должен был регулировать в том числе отношения между «Срединным государством» (Китаем) и «варварами» (народами, населявшими остальные территории). Такая система международных отношений сопровождалась необходимым явлением «данничества», которое подразумевало прибытие посольств из вар-

варских земель с целью поднесения «дани», что являлось подтверждением авторитета китайского императора как властителя всей Поднебесной. Таким образом, концепция «Китай – варвары» длительное время была ключевым элементом традиционной китайской модели мира.

Такой процесс построения международных отношений вызывал необходимость регулярного описания и изучения народов, которые проживали на периферии Китая. С этой целью составлялись произведения энциклопедического характера, содержавшие сведения о других народах.

Поскольку статья посвящена изучению гуйчжоуского альбома, то упоминаемые в ней источники также раскрывают историческую и этнографическую ситуацию только Юго-Западного Китая. Первые изображения народов Юго-Западного Китая появляются еще в раннем Средневековье. «История династии Сун» (宋史 *Сунши*, 1343) дает соответствующие отсылки к эпохе Восточной Цзинь (東晉, 317–420). Однако настоящий расцвет традиции изображения и описания варваров приходится на две последние династии: Мин (明, 1368–1644) и Цин (清, 1644–1911). Здесь ярким примером служат «Историко-географические описания» (通志 *Тунчжи*)¹ и «Альбомы с изображением данников», в названии которых использовано словосочетание *Чжигун ту* (職貢圖 *Изображения данников*)².

Место альбома «Цюаньцзянь мяоту» в китайской традиции описания иностранцев

К типу изучаемого альбома применяют общий термин «альбом об иностранцах», что в данном контексте значит рукописный альбом с иллюстрациями, изображающими различные народы, населяющими китайскую периферию, т. е. южных варваров. Тексты, сопровождающие альбомы и содержащие этнографические сведения, были выполнены специально для чиновников с целью ознакомления с ключевыми отличительными чертами представленных народов. В китайской научной традиции используются термины «картины с сотней мяо» (百苗圖 *бай мяоту*) и «картины с мяо и мань» (苗蠻圖 *мяоманьту*); англоязычные исследователи обычно говорят о «Miao albums» (Альбомы мяо). В настоящее время известно более сотни альбомов о неханьских народах Юго-Западного и Южного Китая, которые хранятся в музейных, библиотечных и прочих коллекциях по всему миру. Они различаются между собой количеством описаний (от 40 до 80), характером иллюстраций (наличие / отсутствие пейзажно-фона и пр.).

В Восточном отделе НБ СПбГУ хранится альбом «Полное собрание изображений мяо провинции Гуйчжоу» (全黔苗圖 *Цюаньцзянь мяоту*, шифр Xyl. F-27). Он представляет собой гармонику из 56 листов. Разворот состоит из двух страниц: справа дается пронумерованный текст описания (нумерация начинается со свитка № 13: 第十三軸, описание шести племен *шуй, ян, лин, дун, яо, чжуан* (狹狃狃狃狃狃狃)), и заканчивается свитком № 40: 第四十軸, описание народа *гоцюань-гэлао* (鍋圈狃狃)), слева – рисунок, на котором, как правило, бытовая

¹ При династии Мин были изданы следующие официальные описания Гуйчжоу (*тунчжи*), включавшие сведения о проживавших там народах: 1) «Новое описание Гуйчжоу с картами» (貴州圖經新志 *Гуйчжоу туцзин синьчжи*, 17 цз.) периода Хунчжи (弘治, 1488–1505); 2) *Гуйчжоу тунчжи* 貴州通志 1555 г. периода Цзяцин (嘉靖, 1522–1566, 12 цз.); 3) *Гуйчжоу тунчжи* 貴州通志 1587, 1597 гг. периода Ваньли (萬曆, 1672–1620, 24 цз.); 4) *Гуйчжоу тунчжи* 貴州通志 периода Чунчжэнь (崇禎, 1627–1644, количество цюаней неизвестно). В эпоху династии Цин наиболее важными описаниями для нас оказались «Историко-географические описания Гуйчжоу» (貴州通志 *Гуйчжоу тунчжи*) 1673 и 1741 гг.

² Здесь масштабным проектом считается издание по указу императора Цяньлуна от 1751 г. «Изображения данников правящей династии Цин» (皇清職貢圖 *Хуанцин чжигунту*) под руководством Фу Хэна (傅恒, 1720–1770), а также цинского сановника и каллиграфа Дун Гао (董誥, 1740–1818). Известно, что работа над альбомом велась до 1793 г. В издании описано 42 народности Гуйчжоу.

сценка. На рисунке без фона изображены люди, животные, предметы быта, сельского хозяйства, религиозного культа, оружие, музыкальные инструменты. Всего в альбоме содержится 28 изображений и описаний.

В НБ СПбГУ хранится еще одно издание, описывающее народы провинции Гуйчжоу (Хул. F-25a): анонимный альбом с подписью «Рисунки, представляющие жителей провинции Юньнань» (название ошибочное), состоит из 72 иллюстраций с краткими описаниями. Кроме того, в фондах есть еще два альбома о народах провинции Юньнань, один из которых в настоящее время опубликован [Нравы народов Китая, 2020]. В Московском фонде рукописных книг К. А. Скачкова в РГБ имеется три альбома о народах Гуйчжоу. 1) «Картины из жизни всех инородцев Гуйчжоу с объяснениями (貴州全苗圖說 *Гуйчжоу цюаньмяо тушо*). Сочинение Ху Хуань-юя» (胡煥翳) [Мелнакснис, 1974, с. 57–58]; 2) «Альбом рисунков, изображающих быт не китайских народностей провинции Гуйчжоу, с краткими описаниями» [Там же, с. 58–59]; 3) «Полное собрание картин о том, как народности мяо приобщаются к культуре» (群苗向化全圖 *Цюньмяо сяньхуа цюаньту*) [Там же, с. 59–60].

«Цюаньцзянь мяоту» из НБ СПбГУ находится в одном ряду с другими известными в настоящее время альбомами, которые содержат до 40–42 изображений народов Гуйчжоу с подобными описаниями. Это значит, что народы, а также описания могут частично или полностью совпадать, при этом иллюстрации могут быть разными. Следует привести в качестве примера несколько альбомов, хранящихся в мировых библиотеках. Например, имеющийся в библиотеке Конгресса США «Альбом с картинами мяоских варваров: не разделенный на цзюани» (苗蠻圖冊頁: 不分卷 *Мяомань туцзе: буфэньцзюань*) с предисловием Фан Тина (飭亭) 1786 г. содержит 41 картину³. Другим примером являются «Картины жизни мяо-яо» (苗瑶族生活圖 *Мяояо цзу шэнхо ту*) без датировки, содержащие 40 описаний с иллюстрациями, что находятся в библиотеке Принстонского университета⁴. Альбом «Картины сорока видов народностей мяо» (苗民圖四十種 *Мяоминь тусы шиэр чжун*) с предисловием Чэнь Цзуньана (陳宗昂, 1694–?) датирован 1768 г., выполнен по поручению чиновника из Гуйчжоу Сюэ Луншао (薛隆紹) и включает в себя 39 описаний с иллюстрациями [У Яди, 2021]. В собрании восьми альбомов *мяо* из коллекции Гарвардского университета, изданном в 2018 г. в Гуйлине, опубликован анонимный альбом «Иллюстрированное описание *мяо* и *мань*» (苗蠻圖說 *Мяомань тушо*) [Мяомань тушо, 2018]. Он не содержит датировки, описывает 38 народов, подкреплен иллюстрациями. Работа над установкой подлинности, а также датировки некоторых альбомов проводится до сих пор.

Структура альбома «Цюаньцзянь мяоту» и его содержание

В альбоме Хул. F-27 отсутствуют первые 12 описаний, он начинается с описания № 13. Это указывает на то, что он дошел до настоящего времени в неполном виде. Для удобства восприятия информации ниже представлена таблица с указанием оригинального названия народов на китайском языке, их переводом на русский язык и объемом описательной части в иероглифах.

Проанализировав все описания, можно выделить следующую структуру и очередность упоминания: первым и обязательным для указания является наименование народа и место его расселения. Этноним может быть один или несколько, иногда сопровождается отсылкой к происхождению. Например: «Яо-мяо расположены в Пиньюэ и Хуанпине. Другое [их] название – Яо-цзя. Среди них многие носят фамилию Цзи и, по преданию, считаются потомка-

³ Альбом с картинами мяоских варваров: не разделенный на цзюани // Библиотека конгресса США. URL: <https://www.loc.gov/resource/lcnclscd.2014514069.1A001/?sp=1&st=gallery> (дата обращения 01.12.2022).

⁴ Картины жизни мяо-яо // Библиотека Принстонского университета. URL: <https://dpul.princeton.edu/eastasian/catalog/wm117q35h> (дата обращения 01.12.2022).

ми чжоуских [правителей]»⁵ (天苗在平越、黃平。一名天家。多姬姓、相傳以為周後⁶) (яо-мяо, св. 18).

Содержание альбома «Цюаньцзянь мяоту»

№ свитка	Оригинальное наименование	Перевод	Объем описания в иероглифах
13	狢狢狢狢狢狢	шуй, ян, лин, дун, яо, чжуан	81
14	楊保	янбао	49
15	狢狢	гэдоу	79
16	八番	бафань	95
17	白猓獠	бай-голо	97
18	天苗 (天家)	яо-мяо (яо-цзя)	114
19	蠻人	маньжэнь	72
20	黑苗	хэй-мяо	190
21	宋家	сун-цзя	126
22	短裙苗	дуаньцюнь-мяо	37
23	僂人	божэнь	78
24	紅苗	хун-мяо	121
25	洞人	дунжэнь	123
26	獯苗	нун-мяо	81
27	白苗	бай-мяо	117
28	克孟牯羊苗	кэмэнгуан-мяо	92
29	披袍狢狢	пипао-гэлао	79
30	東苗	дун-мяо	138
31	六額子	люэ-цзы	96
32	紫薑苗	цзыцзян-мяо	104
33	九股苗	цзюгу-мяо	258
34	狢狢 (楊荒)	янгуан	104
35	青苗	цин-мяо	100
36	剪頭狢狢	цзяньтоу-гэлао	73
37	打牙狢狢	дая-гэлао	62
38	木猪	мулао	132
39	生苗	шэн-мяо	155
40	锅圈狢狢	гоцюань-гэлао	80

Практически во всех описаниях дается информация об одежде или телесных практиках (стрижка волос, прическа, бритье, вырывание зубов и др.). Диапазон описания одежды от лаконичной фразы «Их одежда такая же, как у ханьцев» (*бафань*, св. 16) до развернутого описания, например: «Женщины подвязывают волосы темным шнуром. На плече носят темные сумы с шитыми украшениями-*хайба*. Одежда в длину составляет чуть более *чи*. Поверх

⁵ Правители Чжоу тоже носили фамилию Цзи с тем же знаком.

⁶ Оригинальный текст в альбоме традиционно не имеет никакой разметки, обозначающей границы предложения. Поэтому в статье для удобства чтения встречающийся оригинальный китайский текст представлен с возможной пунктуационной разметкой.

надевают накидку, квадратную и просторную, с прорезью посередине – в нее продевают голову. Спереди короткая, сзади – длинная. Без рукавов справа и слева. Юбки шьют из разноцветной козьей шерсти» (女人以青線紮髮披, 青布袋, 綴海巴於上, 衣長僅尺餘, 上披以袍, 方而闊, 洞其中, 從頭籠下, 前短後長, 左右無袖, 裙以五色羊毛織成) (*пипао-гэлао*, св. 29).

С той или иной степенью подробности дается описание основных видов занятия. Чаще всего встречаются рыболовство, охота, земледелие, ткачество. Традиционные виды занятий представлены на иллюстрациях, например, прядение (рис. 1, 1) или молотье риса (рис. 1, 2). Из реже встречающихся занятий – торговля чаем, грабеж и убийство. В этот раздел можно включить культуру и рацион питания народов.

Рис. 1. Цин-мяо и бафань:

1 – по: «Полное собрание изображений мяо провинции Гуйчжоу» (全黔苗圖 *Цюаньцянь мяоту*, св. 35, шифр Xyl. F-27, НБ СПбГУ); 2 – по: «Полное собрание изображений мяо провинции Гуйчжоу» (全黔苗圖 *Цюаньцянь мяоту*, св. 16, шифр Xyl. F-27, НБ СПбГУ)

Fig.2. Qing miao and bafan:

1 – as per: “Pictures of Miao from the Entire Guizhou” (全黔苗圖 *Quanqian miaotu*, pl. 35, Xyl. F-27, Academic Library SPbSU); 2 – as per: “Pictures of Miao from the Entire Guizhou” (全黔苗圖 *Quanqian miaotu*, pl. 16, Xyl. F-27, Academic Library SPbSU)

Из основных обрядов перехода встречаются рождение, свадьба, похороны. Самым частотным обрядом перехода на страницах альбома являются похороны. Кроме того, автору описаний часто важно было указать на характер того или иного народа. Так, чаще встречаются хитрые и злобные народы (*янбао*, св. 14; *мажэнь*, св. 19; *нун-мяо*, св. 26; *бай-мяо*, св. 27; *цзыцзян-мяо*, св. 32; *дая-гэлао*, св. 37), реже мягкие и податливые (*яо-мяо*, св. 18; *пипао-гэлао*, св. 29).

Остальные сюжеты имеют меньшую частотность и отличаются друг от друга: историческая справка о народе, отношения с китайской администрацией, налогообложение, степень образованности.

Как видно из таблицы, объем описаний варьируется от 37 до 258 иероглифов. Самым кратким является описание «мяо в коротких юбках» (*дуаньцюнь-мяо*, св. 22), в нем даются сведения о географическом расселении народа, описание одежды и ключевого вида деятель-

ности. «Дуаньцзюнь-мяо происходят из Гэчжана в Сычжоу, Бачжай в Дуюне и других мест. Мужчины похожи на хэй-мяо («черных мяо»). Женщины носят на бедрах цветную ткань, которая закрывает их только до голени. Они хорошо ловят рыбу» (短裙苗出思州之葛彰, 都勻之八寨等處。男形類黑苗, 婦女用花布一幅橫掩及胫。其性善捕魚) (дуаньцзюнь-мяо, св. 22).

На иллюстрации, сопровождающей текст, нарисовано три человека. Один ловит рыбу, стоя по колено в воде и опустив руки в корзину конусовидной формы для ловли рыбы. Две женщины стоят на берегу и держат в руках сачки. Одеты в короткие юбки, верхняя одежда также короткая, украшена синей и цветной каймой, животы оголены. Волосы собраны в узел на макушке, закреплены синей лентой (рис. 2, 1).

Рис. 2. Дуаньцзюнь-мяо:

1 – по: «Полное собрание изображений мяо провинции Гуйчжоу» (全黔苗圖 Цюаньцзянь мяоту, св. 22, шифр Хул. F-27, НБ СПбГУ); 2 – по: «Иллюстрированное описание мяо и мань (苗蠻圖說)» [Мяомань тушо, 2018, с. 317]

Fig. 2. Duanqun miao:

1 – as per: “Pictures of Miao from the Entire Guizhou” (全黔苗圖 *Quanqian miaotu*, pl. 22, Xyl. F-27, Academic Library SPbSU); 2 – as per: “Illustrated description of Miao and Man (苗蠻圖說)” [Miao man tushuo, 2018, p. 317]

Данное описание не является уникальным, с небольшими изменениями оно включено в анонимный альбом «Иллюстрированное описание мяо и мань» (苗蠻圖說 *Мяомань тушо*) [Мяомань тушо, 2018, с. 317–318] из собрания Гарвардского университета. На иллюстрации изображены 4 человека: двое мужчин и две женщины. У всех волосы собраны в узел на макушке, закреплены светлой лентой, в руках у всех мотыги. Одна из женщин держит мотыгу на плече с надетой на нее корзиной, в руке у нее, предположительно, сверток серо-голубого цвета. У мужчин куртки темного цвета стянуты синим поясом, темные штаны до колен. У одного из мужчин на голове серая повязка. Женщины одеты в темные куртки, украшенные желтой тесьмой с красно-зеленым орнаментом. На синем поясе темные до бедра юбки со сборками. У женщин розовые отложные воротники до плеч расшиты орнаментом зеленого и красного цвета, серьги в виде колец (рис. 2, 2).

Френсис Миллер в своем сопоставительном исследовании указывает на наличие описания *мяо* в коротких юбках в альбоме «Цюаньцзянь мяоту» из собрания музея археологии и антропологии Пенсильванского университета [Miller, 2013, p. 90]. Таким образом, представленные

сведения не являются уникальными. Интересно, что при наличии идентичных текстов (описки или разнописи не принимаются в расчет), как правило, иллюстрации различаются.

Повторяющиеся описания могут не только кочевать из одной рукописи в другую, но и встречаться в одном альбоме. Записи о народах красные *мяо* (*хун-мяо*, св. 24) и нецивилизованные *мяо* (*шэн-мяо*, св. 39) служат тому подтверждением. Они различаются в начале, где даются сведения о расселении народа и конечными фразами, для красных *мяо* описание заканчивается словами: «После того, как их усмирили, все стали послушны» (*хун-мяо*, св. 24); а для нецивилизованных *мяо*: «Если совершается убийство, в качестве компенсации выплачивают серебро. Взятый в заложники должен собрать выкуп. Когда выкуп маленький, подвергают жестокому пыткам. В минское время часто доставляли хлопоты и подвергались карательным походам» (*шэн-мяо*, св. 39). Центральная часть описания, перечисляющая фамилии, одежду, похоронный обряд, обычаи, у обоих народов идентичны.

Это объясняется тем, что они восходят к «Историко-географическим описаниям Гуйчжоу» 1673, 1692 и 1741 гг., в которых сведения были под общим заголовком «*Шэн-мяо, хун-мяо*». Разделение на два отдельных текста произошло в более позднее время. Известно, что умиротворение мяоских территорий шло достаточно ожесточенно на протяжении XVII–XVIII вв., этим объясняются приписанные в конце описаний фразы об их усмирении.

Этнографические и фольклорные сведения в альбоме

Альбом «Цюаньцзянь мяоту» дает отсылки к различным этнографическим реалиям и фольклорным мотивам, принадлежащим к культуре народов, проживающих в Юго-Западном Китае и Юго-Восточной Азии. Поскольку такой анализ в полномасштабном виде представляет тему отдельного исследования, то в данной статье для иллюстрации возможности постановки подобной проблемы взяты лишь несколько аспектов фольклора и этнографии.

Из обрядов перехода в альбоме чаще всего упоминаются похороны (16 раз). Многообразие похоронной обрядности представлено в описаниях следующих аспектов:

1) способ захоронения: заворачивают в шкуры крупного рогатого скота и сжигают (*бай-голо*, св. 17); когда умирают, собирают хворост и сжигают (*цзяньтоу-гэлао*, св. 36); тело привязывают лианами к дереву (*яо-мяо*, св. 18); на 21 день хоронят в могиле в форме гривы лошади (*сун-цзя*, св. 21); хоронят в одежде в гробах (*хун-мяо*, св. 24; *шэн-мяо*, св. 39); хоронят в гробах (*люэ-цзы*, св. 31);

2) сопровождение ритуала: забивают быков (*мажэнь*, св. 19); едят рис и овощи с водой (возможно, имеется в виду овощной бульон) (*сун-цзя*, св. 21); ударяют в барабаны (*хун-мяо*, св. 24; *шэн-мяо*, св. 39); песни, танцы (*хун-мяо*, св. 24; *мажэнь*, св. 19; *кэмэнгуан-мяо*, св. 28); через год приглашают родственников к могиле, омывают останки до белизны, оборачивают и вновь перезахоранивают, повторяют ритуал семь раз (*люэ-цзы*, св. 31); на похороны и свадьбы шлют друг другу собак (*янхуан*, св. 34); старший сын остается дома на 49 дней, не умывается не переступает за порог дома; затем приглашают шаманов, чтобы совершить обряд «отпускание духов». (*мулао*, св. 38); из одежды умершего делают изображающую его фигуру (*шэн-мяо*, св. 39);

3) схожесть ритуала: брачные и погребальные ритуалы похожи на ханьские (*янбао*, св. 14; *янхуан*, св. 34); одежда, пища, свадебные и похоронные обычаи подобны *мяо* из Бачжя и Даньцзяна (*цзюгу-мяо*, св. 33).

Высокая частотность упоминания похоронного обряда создает впечатление, что материалы альбома, возможно, готовились также для уведомления отдела церемоний (禮部 *либу*), который ведал в том числе траурными церемониями.

Если обратиться к современной этнографии, можно увидеть, что некоторые описанные погребальные традиции живы до сих пор. Это при необходимости может содействовать подтверждению или уточнению настоящего этнонима, описываемого в альбоме. Обряды перезахоронения; ритуальные блюда; приглашение шамана для совершения обряда – релевантные

примеры-подтверждения этому можно почерпнуть из классических трудов: «Народные верования населения Индокитая» Г. Г. Стратановича, раздел «Культ предков» [1978, с. 102–116]; раздел «Перезахоронение» в книге «Нравы и обычаи Вьетнама» Фан Ке Биня [Phan Ké Binh, 2005, tr. 37–39]; или из опубликованных полевых исследований, например, описывающих похоронный обряд народа *гэлао* [Самарина и др., 2011, с. 921] или народа *тхо* [Краевская, 2019].

Богатую почву для изучения представляет собой сюжет дарения собак на свадьбу и похороны (婚喪以犬相遺) (*янхуан*, св. 34). Подобный сюжет встречается в описании других народов. В альбоме «Рисунки, представляющие жителей провинции Юньнань» (шифр Хул. F-25а, НБ СПбГУ) в описании народа *мяо* из Пинфа (*пинфа-мяо*, оп. № 50) есть похожая фраза: «Во время погребальных и свадебных ритуалов используют собак» (喪祭婚姻都用犬).

У некоторых народов Юго-Восточной Азии существует представление о собаке как о предке или хозяине воды. Многие китайские ученые полагают, что миф о сотворении мира из тела Паньгу имеет не китайское происхождение, а связан с мифом о предках *мяо* и *яо*, населяющих Южный Китай, происхождение которых восходит к собаке, называемой Паньху [Кнорозова, 2020, с. 48]. В одном из мифов *кхьянгов* (тибето-бирманский народ) встречается сюжет о юноше, который женится на собаке, а затем решает жениться на сестре. Для этого обязательным условием было принести жертву собаке. С тех пор приносят собаку в жертву домашнему духу, если дочери братьев выходят замуж за сыновей сестер [Там же, с. 359; Чеснов, 1976, с. 166]. Об убийстве собаки с целью поклонения духам предков есть упоминание в «Историко-географическом описании Гуйчжоу» (貴州通志) 1673 г. в описании «*Сяо-пинфа-сы мяо*» (小平伐司苗): «Для поклонения духам (предкам) убивают собаку, после смерти хоронят в деревянном жёлобе». В более позднем «Историко-географическом описании Гуйчжоу» 1741 г. сведения об этом действии немного расширены: «Собаку убивают на свадьбу и при приеме гостей, а также во время жертвоприношения духам». Помимо обращения к китайским источникам, тема репрезентации образа собаки в фольклоре раскрывается в работах отечественных исследователей [Чеснов, 1976, с. 160–175; Алимов, 1994; Станюкович, 2021].

В описаниях альбома встречается барабан – важный атрибут жизни народов Юго-Восточной Азии. Он обслуживал культовую жизнь народа. Сопоставительным примером здесь является известная археологическая культура Донгшон с ритуальными бронзовыми барабанами, которые «использовались как музыкальные инструменты во время празднеств и церемоний, а также молений о ниспослании дождя и урожая» [Сокровища Красной реки, 2019, с. 68]. В описаниях исследуемого альбома также встречаются упоминания о барабанах: бой барабана сопровождает праздники и собрания (*бафань*, св. 16), похоронные обряды (*хун-мяо*, св. 24; *шэн-мяо*, св. 39).

В ходе работы выяснилась некоторая связь этнографического наблюдения с местным фольклором. В описании народов *бафань* (*бафань*, св. 16) и черные *мяо* (*хэй-мяо*, св. 20) есть фразы: 1) «[Женщины] пашут, когда выходит солнце, и ткут, когда наступает вечер» (日出而耕、暮入而織); 2) «Женщины... если день, выходят на работу, если ночь, то прядут шелковую ткань» (女子更勞、日則出作、夜則紡績). Эти предложения по содержанию и структуре дают отсылку к материалам сказок соседних народов. В фольклоре *хмонгов*, проживающих на территории современного Вьетнама, зафиксирована сказка «Умная жена» [Thùy Chi, 2017, tr. 47–56], в описании которой используется подобное клише: «Днем она ухаживала за свиньями и курами, а вечером ткала...» [Сказки и предания Вьетнама, 2021, с. 117] (Ở nhà nàng chịu khó nuôi lợn, nuôi gà. Hôm nào cũng làm lanh dệt vải tới khuya) [Thùy Chi, 2017, tr. 47]. В целом вьетнамские сказки часто используют мотив ткачества или ткацкого стана [Сказки и предания Вьетнама, 2021, с. 283].

В описании народа *кэмэнгуан-мяо* (*кэмэнгуан-мяо*, св. 28) говорится, что, когда слышен крик кукушки, люди начинают голосить такие слова: «Птицы каждый год, как прежде, появ-

ляются, а родственников не вернуть». В фольклоре народов Вьетнама также встречаются формулировки, связанные со смертью родственников и птицами – вестниками смерти родных: «Прилетела птица... и защебетала: “Твой сын мертв! Иди хорони!”» [Сказки и предания Вьетнама, 2021, с. 134].

Еще один фольклорный сюжет, который обращает на себя внимание, – это боязнь тигра. В описании *шэн-мяо* или *хун-мяо* сказано, что «каждый год в третий день пятого месяца супруги спят порознь, не разговаривают, не выходят из домов, чтобы не встретиться с призраками и тигром, чтобы не нанести себе вреда» (*хун-мяо*, св. 24; *шэн-мяо*, св. 39). Такое пересечение с тигром как грозным хищником / тотемным животным нередко можно встретить в фольклоре народов Юго-Восточной Азии, проживающих на Индокитайском полуострове [Сказки и предания Вьетнама, 2021, с. 245–246].

Заключение

Альбом «Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу» (全黔苗圖 *Цюаньцянь мяоту*) (шифр Хул. F-27), хранящийся в фонде Восточного отдела НБ СПбГУ, представляет собой источник по историческим, этнографическим и фольклорным сведениям о народах Юго-Западного Китая. Он занимает прочное место в ряду других аналогичных альбомов, создаваемых в Цинскую эпоху, вобравших в себя опыт составления административных документов предыдущих поколений, содержавших этнографические сведения. Альбом несет ценную этнографическую информацию: описания последовательно содержат сведения об ареале расселения того или иного этноса, традиционных видах его деятельности, предметах быта и сельского хозяйства, религиозного культа, об оружии, музыкальных инструментах и одежде. Описание религиозно-магической составляющей позволяет выявить специфику того или иного народа. Материалы альбома могут быть использованы для более глубоких исследований. Примером наличия такого этнографического богатства служит информация о различных похоронных обрядах, описанных в статье. Элементы повседневной жизни также представлены на страницах альбома (ткачество, барабаны, птицы, тигры). Схожесть ряда явлений в цинских альбомах и фольклоре народов Юго-Восточной Азии может, с определенными оговорками, свидетельствовать о наличии связей между административными документами («альбомы об инородцах») и народным творчеством.

Список литературы

- Алимов И. А. Древнекитайские памятники о собаке // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1994. Вып. 5–6. С. 257–261.
- Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука, 1972. 308 с.
- Кнорозова Е. Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев. СПб.: БАН, 2020. 506 с.
- Краевская Н. М. Похоронные обряды народа тхо Вьетнама: опыт сопоставительного анализа // Вьетнамские исследования. Серия 2. 2019. № 4. С. 57–71.
- Ларин В. П. Юго-западный Китай во второй половине XVII – 70-х годах XIX в.: проблемы региональной истории. М.: Наука, 1994. 335 с.
- Мелнакснис А. И. Описание китайских рукописных книг и карт из собрания Скачкова К. А. М.: Наука, 1974. 278 с.
- Нравы народов Китая. Иллюстрированное описание народов юга и запада провинции Юньнань. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 124 с.
- Самарина И. В., Мазо О. М., Нгуен Ван Лой. Языки гэлао: материалы к сопоставительному словарю кадайских языков. М.: Academia, 2011. 943 с.
- Сказки и предания Вьетнама / Сост. Ю. Д. Минина. М.: ИД ВШЭ, 2021. 295 с.
- Сокровища Красной реки. Археологические коллекции из музеев Вьетнама: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб., 2019. 232 с.

- Станюкович М. В.** Собака в культуре филиппинцев и других австронезийцев: этнография, лингвистика, мифология, ритуал // *Этнография*. 2021. № 3 (13). С. 27–52.
- Стратанович Г. Г.** Народные верования населения Индокитая. М.: Наука, 1978. 256 с.
- Чеснов Я. В.** Историческая этнография стран Индокитая. М.: Наука, 1976. 298 с.
- Харитонова А. М.** Китаевед А. О. Ивановский и его изучение материалов о народах, населяющих юго-западный Китай // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2022. № 5. С. 205–216. DOI 10.31857/S086919080019290-6
- Deal D., Hostetler L.** *The art of Ethnography: A Chinese “Miao Album”*. Seattle: Uni. of Washington Press, 2006. 208 p.
- Miller F.** 《全黔苗图》Quanqian Miaotu. A Miao Album for All of Guizhou Province: An investigation, explication, and translation. PhD Thesis. University of Pennsylvania School of Arts and Sciences. Philadelphia, PA, 2013. 91 p.
- Phan Kế Bính.** *Việt Nam phong tục*. Hà Nội: NXB Văn học, 2005. 343 tr. (на вьетн. яз.)
- Thùy Chi.** *Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc*. Hà Nội: NXB Thanh Niên, 2017. 320 tr. (на вьетн. яз.)
- Мяомань тушо // «Бай мяо ту ба чжун». Лэ И чжэнли. Ся. Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ [苗蠻圖說 // 《百苗圖八種》, 樂怡整理。下。桂林:廣西師範大學出版社]. Иллюстрированное описание мяо и мань // Восемь видов изображения сотни мяо / Под ред. Ле И. Гуйлинь: Изд-во пед. ун-та Гуанси, 2018. Ч. 2. С. 253–332. (на кит. яз.)
- У Яди.** Болинь цан «Мяоминь ту сыши чжун каоши [吴雅迪。柏林藏《苗民图四十种》考释] Исследование и комментирование Берлинского альбома «Картины сорока видов народностей мяо» // Вэньхуа ичань [文化遗产]. Культурное наследие. 2021. № 6. С. 130–139. (на кит. яз.)
- У Яди.** Дэго хэ Цекэ цан Гуйчжоу мяоту [吴雅迪。德国和捷克藏贵州“苗图”]. «Картины с мяо» из собраний Германии и Чехии. Сиань: Шэньси шифань дасюэ чубаньшэ, 2022. 589 с. (на кит. яз.)

References

- Alimov I. A.** Drevnekitaiskie pamyatniki o sobake [Ancient Chinese sources about the dog]. *Kunst-kamera. Ethnographic Notebooks*, 1994, iss. 5–6, pp. 257–261. (in Russ.)
- Chesnov Ya. V.** Istoricheskaya etnografiya stran Indokitaya [Historical ethnography of the countries of Indochina]. Moscow, Nauka, 1976, 298 p. (in Russ.)
- Deal D., Hostetler L.** *The art of Ethnography: A Chinese “Miao Album”*. Seattle, Uni. of Washington Press, 2006, 208 p.
- Its R. F.** Etnicheskaya istoriya yuga Vostochnoi Azii [Ethnic history of Southern East Asia]. Leningrad, Nauka, 1972, 308 p. (in Russ.)
- Kharitonova A. M.** Kitaaved A. O. Ivanovsky i ego izuchenie materialov o narodakh, naselyayushchikh yugo-zapadnyi Kitai [The Sinologist A. O. Ivanovsky and his Study of Materials on the Peoples in Southwestern China]. *Vostok [Oriens]*, 2022, no. 5, pp. 205–216. (in Russ.) DOI 10.31857/S086919080019290-6
- Knorozova E. Yu.** Dukhovnaya kul'tura V'etnama. Traditsionnye religiozno-mifologicheskie vozreniya v'etnamtsev [The spiritual culture of Vietnam. Traditional religious and mythological views of the Vietnamese]. St. Petersburg, BAN, 2020, 506 p. (in Russ.)
- Kraevskaya N. M.** Pokhoronnye obryady naroda tkho V'etnama: opyt sopostavitel'nogo analiza [Funeral rites of the Tho people of Vietnam: an experience of comparative analysis]. *Vietnam Studies. Series 2*, 2019, no. 4, pp. 57–71. (in Russ.)
- Larin V. P.** Yugo-zapadnyi Kitai vo vtoroi polovine XVII – 70-kh godakh XIX v.: problemy regional'noi istorii [Southwestern China in the second half of the 17th – 70s of the 19th century: problems of regional history]. Moscow, Nauka, 1994, 335 p. (in Russ.)

- Melnalksnis A. I.** Opisanie kitaiskikh rukopisnykh knig i kart iz sobraniya Skachkova K. A. [Description of Chinese handwritten books and maps from the collection of Skachkov K. A.]. Moscow, Nauka, 1974, 278 p. (in Russ.)
- Miao man tushuo. In: "Bai miao tu ba zhong". Le Yi zhengli. Xia. Guilin: Guangxi shifan daxue chuban she [苗蠻圖說//《百苗圖八種》。樂怡整理。下。桂林:廣西師範大學出版社]. Illustrated description of Miao and Man. In: Eight views of the image of hundreds of Miao. Ed. by Le Y. Guilin, Guangxi Normal Uni. Press, 2018, pt. 2, pp. 253–332. (in Chin.)
- Miller F.** 《全黔苗图》Quanqian Miaotu. A Miao Album for All of Guizhou Province: An investigation, explication, and translation. PhD Thesis. University of Pennsylvania School of Arts and Sciences. Philadelphia, PA, 2013, 91 p.
- Nravy narodov Kitaya. Illyustrirovannoe opisanie narodov yuga i zapada provintsii Jun'nan' [The customs of the peoples of China. An illustrated description of the peoples of the South and West of Yunnan]. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2020, 124 p. (in Russ.)
- Phan Kế Bình.** Việt Nam phong tục. Hà Nội, NXB Văn học, 2005, 343 tr. (in Vietn.)
- Samarina I. V., Mazo O. M., Nguyen Van Loi.** Yazyki gielao: Materialy k sopostavitel'nomu slovaryu kadaiskikh yazykov [Languages of Gelao: materials for the comparative dictionary of Kadai languages]. Moscow, Academia, 2011, 943 p. (in Russ.)
- Skazki i predaniya V'etnama [Tales and legends of Vietnam]. Comp. by Yu. D. Minina. Moscow, HSE Press, 2021, 295 p. (in Russ.)
- Sokrovishcha Krasnoi reki. Arkheologicheskie kollektsii iz muzeev V'etnama [Treasures of the Red River. Archaeological Collections from the Museums of Vietnam]. Catalogue of Exhibitions. St. Petersburg, State Hermitage Museum, 2019, 232 p. (in Russ.)
- Stanyukovich M.** Sobaka v kul'ture filippintsev i drugikh avstroneziitsev: etnografiya, lingvistika, mifologiya, ritual [Dog in the Culture of the Filipinos and Other Austronesians: Ethnography, Linguistics, Mythology, and Ritual]. *Ethnography*, 2021, no. 3 (13), pp. 27–52. (in Russ.) DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-27-52
- Stratanovich G. G.** Narodnye verovaniya naseleniya Indokitaya [Folk beliefs of the population of Indochina]. Moscow, Nauka, 1978, 256 p. (in Russ.)
- Thùy Chi.** Truyện cổ tích Việt Nam chọn lọc. Hà Nội, NXB Thanh Niên, 2017, 320 tr. (in Vietn.)
- Wu Yadi.** Bolin cang "Miao min tu sishi zhong" kaoshi [吴雅迪。柏林藏《苗民图四十种》考释]. Research and Commentary on the Berlin Album "Paintings of Forty Types of Miao Peoples". *Cultural heritage*, 2021, no. 6, pp. 130–139. (in Chin.)
- Wu Yadi.** Deguo he Jieke cang Guizhou "miao tu" [吴雅迪。德国和捷克藏贵州“苗图”]. "Miao Tu" of Guizhou Province in Germany and Czech Republic Collections. Xi'an, Shaanxi Normal Uni. Press, 2022, 589 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Анна Михайловна Харитоновна, ассистент
RSCI Author ID 844081
SPIN 8887-1354

Information about the Author

Anna M. Kharitonova, Assistant Professor
RSCI Author ID 844081
SPIN 8887-1354

Статья поступила в редакцию 27.12.2022;
одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 09.02.2023
The article was submitted on 27.12.2022;
approved after review on 06.02.2023; accepted for publication on 09.02.2023

Научная статья

УДК 94(510) + 7.03(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-73-87

Ароматические печати и штампы в культуре Китая и Кореи: типология и контекст

Елена Эдмундовна Войтишек¹

Яо Сун²

Анна Сергеевна Шмакова³

^{1,3} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

² Агентство «Бочэнь»
Далянь, Китай

¹ e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

² yaosong0311@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5357-0264>

³ shmakovaa@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4397-410X>

Аннотация

Статья посвящена анализу художественных печатей и штампов как специфического инструментария, использующегося с раннего Средневековья по настоящее время в ароматической культуре Китая и Кореи. Различные по форме и изобразительным средствам типы изделий проанализированы в историко-культурном контексте с привлечением разнообразных материалов и источников, почерпнутых из этнографических наблюдений и антропологических изысканий авторов. Если в китайской культуре происхождение и эволюцию этого инструментария можно проследить по раннебуддийским эзотерическим практикам VII–VIII вв. (а их прообразы в виде даосских ритуальных печатей-талисманов 符 *фу* или 印 *инь* – даже с IV–V вв.), то использование соответствующих предметов в корейской культуре прослеживается, предположительно, только в эпоху Корё (918–1392), а затем надолго прерывается. В связи с этим историко-типологический анализ этого инструментария в контексте развития обеих национальных традиций возможен преимущественно на современном материале. На основе сравнительного исследования выделены наиболее представительные типы орнаментов, выявлены функции и сферы применения данного инструментария.

Ключевые слова

ароматическая культура, печати, штампы, благовония, Китай, Корея, межкультурные контакты

Благодарности

Авторы выражают большую признательность своим коллегам из Национального музея Пуё в Республике Корея за неоценимую поддержку и помощь при работе с историческими артефактами – директору Юн Хёнвону (尹炯元), кураторам музея Син Нахён (辛娜賢), Чон Саньын (全祥恩) и другим сотрудникам. Авторы также выражают большую благодарность владельцам частной компании «Нынбин хяндан» 能仁香堂 («Прибежище аромата Будды Шакьямуни») в Пусане – генеральному менеджеру госпоже Ким Хиро (金熙露) и ее семье – за внимательное отношение и многолетние полезные рекомендации в изучении ароматической культуры Кореи. Отдельную благодарность хочется выразить директору музея при буддийском храме Тхондоса наставнику Сончхону (松泉) за знакомство с культурными реликвиями и ценные консультации по проведению буддийского церемониала с использованием благовоний.

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Яо Сун, Шмакова А. С. Ароматические печати и штампы в культуре Китая и Кореи: типология и контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 73–87. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-73-87

© Войтишек Е. Э., Яо Сун, Шмакова А. С., 2023

Incense Seals and Stamps in Chinese and Korean Culture: Typology and Context

Elena E. Voytishek¹, Yao Song², Anna S. Shmakova³

^{1,3} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

² Bochen Agency
Dalian, China

¹ e.voytishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

² yaosong0311@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5357-0264>

³ shmakovaa@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4397-410X>

Abstract

This article analyzes artistic seals and stamps as a special tool in incense culture of China and Korea, used from the early Middle Ages to the present day. These tools of varying look and shape are analyzed in a historical and cultural context, using high quality materials and sources drawn from ethnographic sources and anthropological research of the authors. The use and evolution of such tools in China can be traced back as far as the early Esoteric Buddhist practices of the 7th – 8th centuries (and their prototypes in the form of Taoist ritual talisman-seals 符 *fu* or 印 *yin* can be dated as far back as the 4th – 5th centuries). In Korean culture however, the use of these tools can be traced back, presumably, only to the Goryeo era (918–1392), after which a long gap in terms of findings follows. The historical and typological analysis of the development of cultural traditions using these tools, in this particular case, could only be completed using predominantly current material. As a result of comparative study, this article identifies the most representative types of patterns, and determines the functions and applicability of such tools.

Keywords

incense culture, seals, stamps, fragrance, China, Korea, cross-cultural contacts

Acknowledgements

The authors are grateful to their colleagues from the Buyeo National Museum (Republic of Korea) for the many years of support and assistance in working with rare historical artifacts – to Director Mr. Yun Hyeungwon (尹炯元), curators of this museum Ms. Shin Nahyeon (辛娜賢), Ms. Jeon Sangeun (全祥恩) and other employees. The authors also thank the owners of the “Neungin hyangdang” private company (能仁香堂 lit. “Shakyamuni Buddha Fragrance Refuge”) in Busan – to the general manager Ms. Kim Heero (金熙露) and her family for their attentive attitude and helpful recommendations during the research of Korean incense culture. A very special, separate note of appreciation goes out to mentor Songcheon (松泉), Tongdosa Museum director for the opportunity to get acquainted with cultural relics and valuable advice on conducting a Buddhist ceremony, using of incense.

For citation

Voytishek E. E., Yao Song, Shmakova A. S. Incense Seals and Stamps in Chinese and Korean Culture: Typology and Context. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 73–87. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-73-87

Введение

В странах Восточной Азии (особенно в Китае и Южной Корее) в настоящее время набирает всё большую популярность такой изысканный вид времяпрепровождения и элегантного досуга, как воскурение благовоний с помощью ароматических печатей (香印 *сяньинь*, 香篆 *сянчжуань*).

Способ возжигания душистого горючего порошка подразумевает несколько этапов: подготовку хорошо утрамбованного пепла в плоской курильнице в форме чаши с широким горлом; выкладывание определенного узора с помощью специальных лопаточек и металлического штампа с прорезями, которые заполняются мелко истолченным душистым порошком, приготовленным по специальной рецептуре. Штампы (印香模 *иньсянмо*, 篆香模 *чжуаньсянмо*) обычно представляют собой иероглифические знаки либо узоры с особой семантикой. После снятия штампа на пепле остается тот или иной узор, который осторожно поджигают

с одного края и наслаждаются изысканным ароматом. Такой вид узоров, как и сам способ воскурения благовоний, называют ароматической печатью. Более того, традиционно этим понятием обозначали и специфический тип курильниц, предназначенный для данного способа возжигания ароматов¹.

Период расцвета таких печатей пришелся в Китае на эпохи Тан (618–907) и Сун (960–1280), с их помощью измеряли суточное время и определяли длительность «ночных страж»², их широко использовали в ритуальных даосских и буддийских практиках, дворцовых церемониях, они служили предметом восхищения и почитания у многих поколений чиновников, ученого сословия и «людей культуры» 文人 *вэньжэнь*. Важным художественным принципом таких печатей было соблюдение непрерывности линии узора, отчего его очертания напоминали искусный рисунок или каллиграфически выполненный иероглиф. При этом эстетическое наслаждение усиливалось благодаря цветовому контрасту между пеплом и изгибами узора, медленно тлевшего на нем. Однако в инженерно-технических устройствах (при измерении времени) важнейшими критериями при изготовлении узора становились еще такие, как высота и ширина «ароматической дорожки», ее целостность, высокое качество исходного сырья, обеспечивающее его равномерное горение, а также соблюдение определенного уровня герметичности (важным было отсутствие ветра).

Пережив пик своей популярности, ароматические печати на несколько веков были практически преданы забвению. Лишь к середине XVII в. в каталогах и справочниках по культуре благовоний начинают появляться упоминания об их использовании, разрабатывается типология сосудов и инструментов для их воскурения, описываются рецепты для создания различных ароматических смесей [Войтишек и др., 2022, с. 75–76]. Длительная религиозная, художественная и бытовая традиция Востока располагает широкими возможностями использования ароматических печатей и в настоящее время. Изучение типологии печатей и резных штампов позволит уточнить функции и специфику применения этого способа воскурения благовоний в материковой синоиероглифической культуре (прежде всего в Китае и Южной Корее) с учетом современных реалий³ (рис. 1).

Этимология знака «печать» 印 *инь*

Прежде чем переходить к анализу типологии металлических штампов, использующихся в настоящее время в Китае, необходимо обратиться к этимологии знака 印 *инь* и выяснить границы понятия «печать» в китайском языке.

¹ Более подробно о происхождении и функциях таких изделий см. [Войтишек и др., 2022].

² «Ночная стража» 更 *гэн* – единица измерения ночного времени (с 7 часов вечера до 5 часов утра), равная двум астрономическим часам (120 минутам). Продолжительность и начало всех пяти страж могли слегка варьироваться в зависимости от сезона.

³ В Японии печати и штампы пока не пользуются популярностью, хотя компания «Fushan Kodo» (富山香堂), штаб-квартира которой находится на Тайване, исправно поставляет эти изделия на Японский архипелаг. Этот тайваньский бренд импортирует за рубеж также агаровую древесину премиум-класса, курильницы и разнообразный инструментарий, разрабатывает специальные формулы и рецепты для высококачественных благовоний. Компания, основанная на Тайване в 1992 г., имеет свои представительства в материковом Китае, ее технологии, опыт и дизайн получили широкое признание в Корее и Японии. См. сайт компании. URL: <https://www.53fs.com/> (дата обращения 11.01.2023). Информацию о компании «Fushan Kodo» (富山香堂) см. также на ресурсе baike.baidu.com (дата обращения 11.08.2022). Примечательно, что первые два иероглифа в названии компании даются в китайском чтении, но вызывают явные ассоциации с «горой Фудзи» (富士山 *Фудзи-сан*), символом национальной культуры Японии. Второй компонент *кодо* дан практически в японском чтении, что всё целиком позволяет интерпретировать название бренда как «ароматная обитель с горы Фудзи» (удачная аллюзия и на японское искусство 香道 *ко:до:* – «путь аромата»). Эти ассоциации дают повод отдельным тайваньским комментаторам для политических спекуляций о первостепенном влиянии Японии на становление культуры благовоний на Тайване.

1

2

Рис. 1. Способ воскурения ароматический печатей:

1 – заполнение прорезей штампа душистым горючим порошком; 2 – снятие штампа и поджигание ароматической печати. Дается по: Китайский веб-портал Соху. URL: https://www.sohu.com/a/359945216_120407679 (дата обращения 23.05.2022). Коллаж Э. Таджики

Fig. 1. The Way of burning aromatic seals:

1 – filling slots of the stamp with fragrant combustible powder; 2 – removal of the stamp and ignition of the aromatic seal. Chinese Web Portal Sohu. URL: https://www.sohu.com/a/359945216_120407679 (accessed 05.23.2022). Collage by E. Tajik

По информации из современной электронной энциклопедии «Ханьдянь» (漢典), объединившей все известные авторитетные словари и справочники по истории китайского языка, древний вариант этого знака 𢇛 в иньских гадательных надписях (甲骨文 *цзягувэнь*, XIV–XI вв. до н. э.) подразумевал значение, связанное с принуждением, словно чья-то рука сверху давит на голову человека, заставляя его встать на колени и согнуться в поклоне. Ряд древних словарей, справочников и трактатов эпохи Хань (說文解字 *Шовэнь цзецзы*, 小尔雅 *Сяоэръя*, 独断 *Дудуань*, 仓颉篇 *Цанцзепянь* и др.) зафиксировал значение этого знака в качестве официальной императорской (нефритовой) государственной печати⁴. В связи с этим к значению добавились представления, связанные с уважительным, трепетным отношением к каждому печатному знаку⁵. После изобретения печатей-штампов этот знак стал использоваться именно для их обозначения, указывая на сильное действие, связанное с давлением. Неслучайно в современном языке закрепилось переносное значение этого знака – «горевать», «находиться в подавленном состоянии» [Хуашо ханьцзы, 2010, с. 437].

Древние китайские словари отмечают важные особенности верительного знака «печать», подтверждающие «властные функции на основе закрепленного в писании». Действительно, основной спектр значений знака «печать» связан с подтверждением истинности каких-либо действий, документов, полномочий определенных людей, а также с нанесением таких подтверждающих символов на разнообразные материалы – камень, металл (отсюда – гравировка, вырезание), бумагу (ср. термин «книгопечатание» 印刷 *иньшуйа*), вплоть до отпечатывания в сознании (ср. понятия «впечатление», «эффект» – 印象 *иньсян*)⁶. В странах Восточной Азии до сих пор вместо подписи зачастую используется личная печать: изготовление и использование таких печатей давно уже стало не только приметой делового этикета, но и предметом исследования в области искусства, традиционного ремесла и коллекционирования.

Одно из древних значений знака «печать» связано с понятиями особой метки, следа, отпечатка (к примеру, в эпоху Сун такими знаками помечали полученные или отправленные документы, свидетельства о получении какой-либо должности или назначения, а также специальный оттиск печати в виде татуировки на лице преступника)⁷.

В контексте данного исследования и с учетом гипотезы происхождения ароматических печатей 香印 *сяньинь* из древних ритуальных религиозно-гадательных практик можно предположить следующее: если технологически такие печати оказываются ближе всего к идее печатной формы (印板 *иньбань*), представляющей собой основу, вырезанную из металла или

⁴ См.: Электронная энциклопедия китайского языка «Ханьдянь». URL: <https://www.zdic.net/hans/印> (дата обращения 07.01.2023).

⁵ Этого понимания, в частности в произведении «Записи бесед в Мэнси» (夢溪筆談 *Мэнси битань*), придерживался видный государственный деятель и ученый эпохи Северная Сун, энциклопедист Шэнь Ко (沈括, 1031–1095). См.: Электронная энциклопедия китайского языка «Ханьдянь».

⁶ Пожалуй, самое неожиданное значение знака 印 *инь* связано с древними представлениями о женском начале 姓 *син* как об основополагающем, базовом понятии, связанном с рождением и источником новой жизни. Свидетельством такого понимания является использование иероглифа 印 *инь* в качестве фамильного знака в древности и раннем Средневековье. К примеру, он упоминается в словаре рифм (廣韻 *Гуаньюнь*), составленном в 1008 г., входит в знаменитый фамильный перечень «Фамилии ста семей» (百家姓 *Байцзясин*), также написанный в эпоху Северная Сун (960–1127). См. [Чжунхуа чуаньши..., 1999, с. 7, 38]. В настоящее время этот фамильный знак продолжает использоваться, но является достаточно редким (например, его носит популярный актер Инь Сяотянь 印小天, род. 1978).

⁷ В качестве подтверждения этой мысли в словаре приводятся примеры из классического китайского романа XIV в. «Речные заводы» (水滸傳 *Шуйхуцзюань*), посвященного народным волнениям эпохи Сун. Возможно, имелись в виду исторические свидетельства хроник сунского времени, послужившие источником позднейших художественных обобщений в тексте романа. См.: Электронная энциклопедия китайского языка «Ханьдянь». Примечательно также, что знаком 印 *инь* в китайских буддийских текстах передавали санскритское понятие «печать» как особое символическое расположение кистей рук в буддизме и индуизме, известное как «мудры» (手印 *шоуинь*, букв. «знаки-символы рук», «жесты руками»).

дерева, то идеологически это понятие больше связано с буддийскими эзотерическими ритуалами, когда с помощью печати 印 *инь* «запечатывали» заклинания «истинного слова», а значения знаков мантры постигали через аромат печати (см. [Войтишек и др., 2022]).

Виды китайских ароматических штампов

В настоящее время крупные китайские компании и мелкие мануфактуры предлагают любителям благовоний большой выбор изделий⁸. В основном они сделаны из латуни – сплава металлов бледно-желтого цвета на основе меди с добавлением цинка и других присадок. Этот материал отличается прочностью, устойчивостью к механическим повреждениям и коррозии, но вместе с тем он пластичен и легок в обработке. Все эти свойства сполна используются современными мастерами.

Как правило, по форме штампы представляют собой круглые печати (от 4,5 до 16 см в диаметре) с высокими бортиками и сквозным вырезанным узором в центре. Штампы снабжены привинчивающимися съемными ручками, но бывают и такие, где вместо ручек по бокам сделаны выемки-ушки, за которые тоже удобно брать изделие. Есть ряд элегантных моделей, где в низкую и широкую керамическую колбу вставляется резная втулка с бортиками, которая затем легко вынимается после заполнения ароматическим порошком. Очень большое разнообразие штампов (круглых, квадратных, прямоугольных) можно наблюдать в моделях курильниц, крышка которых сделана в виде печати с прорезями. В этом случае крышку можно использовать двояко – поместить в сосуд благовоние, поджечь его и наблюдать, как дым элегантными струйками вытекает наружу сквозь эти прорези, или использовать крышку в качестве штампа.

Что касается видов изделий по типам изображений, то можно выделить следующие самые популярные типы ароматических штампов.

Первую группу составляют изображения иероглифов с благопожелательным значением: «счастье» (福 *фу*), «служебная карьера» (禄 *лу*), «долголетие» (壽 / 寿 *шоу*), «радость» (喜 *си*), «богатство» (财 *цай*), «удача» (吉 *цзи*), «почитание» (敬 *цзин*), «пышность» (芊 *цян*), «дракон» (龍 / 龙 *лун*), «аромат» (香 *сян*), «сердце» (心 *синь*), «двойная радость» (囍 *си*) и др. Такие штампы любят дарить по случаю различных примечательных событий в жизни, чтобы воскурять благовония во время поздравительных церемоний.

Вторую группу составляют схематические изображения животных двенадцатеричного зодиакального цикла (от мыши до свиньи), а также знаки пяти первоэлементов – «металл» (金 *цин*), «дерево» (木 *му*), «вода» (水 *шуй*), «огонь» (火 *хо*) и «земля» (土 *ту*), триграммы (八卦 *багуа*)⁹, термин «пять стихий» (五行 *у-син*)¹⁰. Они часто используются в даосских гадательных ритуалах, в различных церемониях, сопровождаемых возжиганием благовоний.

⁸ Поскольку ароматические печати и штампы получили широкое распространение во времена династий Тан (618–907) и Северная Сун (960–1127), то наибольшее число предприятий, изготавливавших подобные изделия, было сосредоточено в столичных городах – Сиань и Кайфын (Кайфэн). Эти города до сих пор остаются центрами распространения инструментария, связанного с воскурением благовоний, прежде всего в ритуальных и религиозных целях (там сохранилось много старинных даосских монастырей и буддийских храмов). В настоящее время печати и штампы производят в разных местах, их формы и размеры крайне разнообразны. Сейчас входят в моду даже большие подносы с бортиками, где любители благовоний выкладывают несколько десятков узоров с разными видами душистого порошка, комбинируя их по своему желанию – с учетом совместимости ароматов, цветовой гаммы сырья, символики надписей и индивидуальных предпочтений. Такие игровые наборы называются «небесными цветочными плитами с ароматическими печатями» (玩香篆的天花板 *вань сяньчжуань дэ тянь хуа бань*) и отличаются яркой художественностью.

⁹ В даосской космологии восемь символов, выражающих восемь взаимообусловленных явлений и понятий, представляющих посредством разорванных и непрерывных линий стихии *инь* и *ян*, на переплетении которых зиждется мироздание.

¹⁰ Понятие *у-син* («пять стихий», «пять фаз / рядов / действий») связано с основополагающей категорией китайской философии, это универсальная классификационная схема мироздания.

Третью группу образуют рисунки с благожелательным смыслом, к ним относятся изображения «облаков счастья» (祥雲(云) *сяньюнь*)¹¹, «цветов сливы *мэйхуа*» (梅花 *мэйхуа*) как символа любви и пробуждающейся весной природы, узоры в виде концентрических кругов (同心圓 *тунсиньюань*) и др.

В четвертую группу входят изображения таких широко известных буддийских символов, как «цветы лотоса» и их различные модификации (蓮(蓮)花 *ляньхуа*, 荷花 *хэхуа*), жезл (如意 *жу-и*) как символ власти и авторитета, иероглиф «Будда» (佛 *Фо*), свастика, знак «ваджра» как символ веры, силы и твердости духа (十字金剛 букв. «алмаз в виде креста»), семена лотоса (蓮(蓮)心 *ляньсинь*)¹² и проч. Их предпочитают использовать в буддийских храмах – и в повседневных службах, и по особым случаям.

Отдельную группу изображений образуют штампы с надписями из нескольких иероглифов – с известными изречениями, афоризмами и клише, например: «тысячи узлов» (千千結 (結) *цяньцянь цзе*)¹³, «довольствоваться тем, что имеешь» (唯吾知足 *вэй у чжи цзу*)¹⁴, «красота массивных бронз и камней» (重鎗金石之美 *чжунбан цзиньши чжи мэй*)¹⁵ и др. Некоторые узоры представляют собой аллюзии на историко-культурные явления, литературные произведения и знаменитые архитектурные ансамбли¹⁶.

В последнее время в Китае и на Тайване изготавливают чрезвычайно изысканные подарочные наборы, включающие несколько штампов с печатями, штамп для утрамбовывания пепла, мешочек с белым чистым пеплом, лопаточки и кисточку. Весь этот богатый инструментарий предназначен для проведения специальных церемоний в буддийских храмах и у домашних алтарей, а также для «элегантного наслаждения жизнью»¹⁷.

К инструментарию, тесно примыкающему к штампам и печатям, можно отнести изделия, набирающие особую популярность среди любителей благовоний. Речь идет о небольших, около 3 см высотой, башенках-конусах из желтой латуни (黃銅塔香模 *хуантун тасяньмо*), которые набивают ароматическим порошком, а затем осторожно переворачивают и снимают колпачок. Пирамидку выкладывают на утрамбованный пепел или оставляют на специальной подставке. Их поджигают так же, как обычные твердые пирамидки и конусы из душистого

¹¹ «Облака счастья» – очень популярный мотив в традиционном декоративно-прикладном искусстве и современном дизайне Китая, он связан с удачей и благоприятными переменами, которые сулит судьба.

¹² Лotosовые семена или лotosовые тычинки (букв. «сердце лotosа») в центре цветка выступают как символ просветления. Более полное выражение – «прозрение и мудрость в руках Будды» (佛手蓮心 *фо шоу лянсинь*).

¹³ Известное изречение, смысл которого сводится к наличию множества мнений и суждений, существующих у разных людей. Используется также, когда у человека много разных забот и дел.

¹⁴ Популярный в культуре Восточной Азии ребус из четырех иероглифов 唯吾知足 *вэй у чжи цзу*, выгравированных по кругу на ритуальных и памятных монетах эпохи Хань (III в. до н. э. – III в.). Общей частью этих иероглифов в центре является ключ «рот» (口 *коу*). Прочитанные сверху направо и вниз по кругу, эти знаки означают смирение со своей долей, довольство своим положением («довольные люди всегда счастливы»). Другое прочтение знаков дает инверсию высказывания – «я счастлив оттого, что мне всего достаточно».

¹⁵ Имеются в виду величественные ритуальные сосуды и каменные стелы. Надпись копирует узор на изделии знаменитого резчика печатей цинской эпохи Ли Гаоцзы (林皋字, 1657–?).

¹⁶ Так, дизайн штампа повторяет форму изогнутого искусственного ручья в парке Юаньминъюань 圓明園 и храме Таньчжэсы 潭柘寺 в Пекине, где в древности проводили церемонии стихосложения и ритуального винопития. Такие ритуалы назывались 曲水流觴 *цюйшуй люшан* («чарка, скользящая по изогнутой воде»).

¹⁷ Большое значение изготовители изящной продукции уделяют названию таких наборов, которое часто подчеркивает глубину традиции. Например, название набора из трех предметов (李杜全銅復古三件套 *Ли Ду цюань тун фугу сань цзянь тао*) отсылает к знаменитым поэтам эпохи Тан – Ли Бо и Ду Фу, известным своей приверженностью к изящным развлечениям с благовониями, возжигавшим печати «ночных страж» и упоминавших их в своих произведениях.

сырья. Такой способ воскурения благовоний издавна практикуют и во время храмовых буддийских ритуалов ¹⁸.

В повседневных храмовых церемониях предпочитают использовать не столько печати (их подготовка требует много времени), сколько ароматические палочки, душистую древесную стружку и в особенности круглые спирали, которые часто располагают прямо на пепле в глубокой курильнице. По наблюдению Фу Цзинляна, крупного специалиста по истории культуры ароматов в Китае, благовония в виде спирали (盘香 *паньсян*), используемые часто в том числе и против moskitov, происходят как раз из круглой формы ароматической печати [Фу Цзинлян, 2008, с. 163]. Это тоже свидетельствует о длительной эволюции печатей как явления культуры и их месте в жизни современного азиатского общества (рис. 2).

Рис. 2. Популярные китайские штампы для ароматических печатей:

1 – курильница с крышкой-штампом в виде иероглифа «двойная радость» (囍 *си*); 2 – штамп с изображением кролика, одного из 12-ти зодиакальных животных традиционного календаря, символа 2023 г.; 3 – штамп с изображением ребуса из четырех иероглифов 唯吾知足 *вэй у чжи цзу* со значением «быть довольным тем, что имеешь» (в центре ключ «рот» (口 *коу*), общая часть всех иероглифов). Из коллекции Е. Э. Войтишек. Коллаж выполнен И. А. Аксеновым

Fig. 2. Popular Chinese scent seal stamps:

1 – an incense burner with the stamped lid in the form of the Chinese character “double joy” (囍 *xi*); 2 – stamp with the image of a rabbit, one of the 12 zodiac animals of the traditional calendar, the symbol of the year 2023; 3 – stamp with the image of the rebus of four characters 唯吾知足 *wei wu zhi zu* with the meaning “to be satisfied with what you have” (in the center is the key “mouth” (口 *kou*), a common part of all characters). From the collection of E. E. Voytishek. Collage by I. Axenov

Корейские штампы в контексте развития культуры ароматов

Прежде всего следует сказать, что последовательная реконструкция этапов развития ароматической культуры и ольфакторных практик на Корейском полуострове чрезвычайно затруднительна вследствие утери большого количества реликвий и письменных памятников в результате многочисленных войн и конфликтов в истории Кореи. В связи с этим большую важность приобретают исторические свидетельства, сохранившиеся летописях, в музейных собраниях, в записях монахов и коллекциях буддийских храмов. Особое значение имеют также живые наблюдения за развитием этой традиции в современном южнокорейском обществе.

В настоящее время в Республике Корея, как и в других регионах Восточной Азии, можно отметить резкий всплеск интереса к сфере ароматов и благовоний как одной из важнейших частей традиционной культуры. Об этом говорит значительный рост научно-популярных и специальных публикаций по истории культуры ароматов на Корейском полуострове, резкое увеличение числа выставок и экспозиций, посвященных различным аспектам ольфакторных практик, изучению функций и роли запахов, значения использования благовоний в повседневной жизни, в праздничной и религиозно-ритуальной сферах.

¹⁸ Для более ускоренного изготовления подобных ароматических печатей используют твердые прессы на 5–7 фигурок различной формы из прочного пластика или дерева. Изготовление таких печатей становится всё более популярным развлечением среди знатоков благовоний.

Крупнейшие музеи, научно-исследовательские и выставочные центры Республики Корея¹⁹ организуют семинары и лекции, проводят поисковые и изыскательские работы, устраивают постоянные экспозиции и специальные выставки по истории ароматической культуры. Музейный маркетинг тоже заметно стал ориентироваться на возросшие запросы покупателей в этой сфере – магазины и лавки в музеях в большом количестве предлагают разные виды ароматических палочек, подставки под благовония, бронзовые и керамические курильницы, различный инструментарий. Для детей также предлагается большой выбор интерактивных обучающих игровых программ по мотивам особо значимых артефактов и находок периодов Трех государств (I в. до н. э. – VII в.), Объединенного Силла (668–935), Корё (918–1392) и раннего Чосона (XV–XVI вв.), где особое место занимают знаменитые вазы, чаши и сосуды для возжигания благовоний.

Активная пропаганда ведется и в отношении особо значимых культурных символов, где пальма первенства принадлежит, без сомнения, «большой бронзовой позолоченной курильнице Пэкче» VII в. (百濟金銅大香爐, кор. *Пэкче кымдон тэхянно*), знаменитой находке 1993 г. в округе Пуё, признанной национальным сокровищем под номером 287²⁰. Ее огромная копия стоит на одной из четырех главных площадей города Пуё, ей посвящена большая экспозиция в Национальном музее Пуё²¹, а также экспозиции и инсталляции в историко-археологическом парке Нынсанни, месте обнаружения знаменитой находки. Изображения курильницы Пэкче украшают городские фонтаны, ограды в парках, используются в интерьерах гостиниц и ресторанов, в оформлении бизнес-залов и офисов. Южнокорейская корпорация-гигант «Lotte», привлекая в том числе передовые технологии компании «Samsung», активно пропагандирует образы и идеи, связанные с курильницей Пэкче, и смело использует их в оформлении интерьеров отелей, музеев и архитектурных ансамблей²².

Частный бизнес Республики Корея за последние годы тоже заметно активизировался в этом отношении – в крупных городах наблюдается заметная тенденция в использовании ароматов в публичном пространстве, в офисах, домах, ресторанах и универсамах. При этом большую роль играет пропаганда наслаждения изысканным образом жизни, подразумевающего воскурение благовоний и ароматных свечей в специальных сосудах, подбор душистого сырья, коллекционирование курильниц и специфического инструментария, включая печати и штампы.

¹⁹ В их числе столичные Национальный музей Кореи (國立中央博物館 *Куннип чунъан панмультван*) и Музей современного прикладного искусства (國立中央博物館 *Куннип хёндэ мисультван*), DDP-плаза, Национальный музей Пуё (國立扶餘博物館 *Куннип пуё панмультван*) в округе Пуё, Национальный исследовательский институт морского культурного наследия (國立海洋文化財研究所 *Куннип хэян мунхваджэ ёнгусо*) и Национальный морской музей (木浦海洋博物館 *Куннип хэян панмультван*) в Мокпо, Национальный музей Кванджу (國立光州博物館 *Куннип кванджусу панмультван*), Национальный морской музей Пусана (國立海洋博物館 *Куннип хэян панмультван*), Государственный музей Кёнджу (國立慶州博物館 *Куннип кёнджусу панмультван*) и др.

²⁰ Подробнее см. [Войтишек, 2019].

²¹ В ближайших планах руководства музея проведение осенью 2023 г. специальной выставки и международного симпозиума, посвященного 30-летию обнаружения курильницы в руинах храма погребального курганного комплекса Нынсанни, а также масштабное строительство отдельного павильона, посвященного курильнице Пэкче, который должен быть возведен до 2025 г. (по материалам личных бесед Е. Э. Войтишек с директором Национального музея Пуё господином Юн Хёнвоном в ноябре 2022 г.). См. также сайт музея. URL: <http://buyeo.museum.go.kr> (дата обращения 12.01.2023).

²² К примеру, на территории специального историко-культурного тема-парка Baekje Cultural Land (百濟文化園地 *Пэкче мунхва танджи*) в Пуё сооружен отдельный павильон (香爐閣, кор. *хянногак*), посвященный технологии изготовления курильницы Пэкче, где наглядно представлены основные этапы ее производства – отливка, формовка, чеканка, гравировка. В музее истории и культуры Пэкче, построенном на территории парка благодаря инвестициям корпорации «Lotte», точно так же обильно представлена тематика, связанная с курильницей Пэкче, – ее изображения можно увидеть и на парадной лестнице, и на стенах, и в материалах экспозиций музея. В музее есть специальные помещения, демонстрирующие в иммерсивном формате богатое культурное наследие древнего государства Пэкче (i-Baekje Experience Hall), где посетителям предлагаются новые цифровые возможности для знакомства с историей курильницы Пэкче.

Ряд корейских магазинов и частных лавок предлагают продукцию, изготовленную в Китае, Японии и на Тайване, весьма известную среди знатоков и ценителей искусства благовоний. Наряду со всевозможными видами керамических, селадоновых и бронзовых курильниц большой популярностью в последнее время стали пользоваться сосуды для возжигания ароматических печатей и сами металлические штампы, с помощью которых можно выкладывать на пепле разнообразные узоры. Абсолютное большинство таких изделий изготовлено в разных районах Китая, откуда их везут в крупные мегаполисы Южной Кореи. Их типология не выходит за рамки известных видов – это прежде всего цветочный орнамент, благопожелательные иероглифы, буддийские символы, узоры в форме «облаков счастья» и т. д.

Буддийские центры и различные храмы Южной Кореи также активно пропагандируют ароматическое сырье и инструментарий, поскольку их использование вместе с другой утварью входит в ежедневные практики буддийских монахов. В храме Тхондоса (通度寺)²³, одном из крупнейших буддийских храмов в окрестностях Пусана, с недавнего времени возродили традиционный способ воскурения благовоний с помощью ароматических печатей и металлических штампов, который широко практиковался с эпохи Корё (918–1392), времени наивысшего расцвета буддизма в Корее. Храм Тхондоса готовит специальных служителей для участия в многочасовых церемониях, во время которых обученные монахи проводят перед буддийским алтарем ритуал воскурения благовоний, а присутствующим гостям и прихожанам предлагают насладиться ароматом агарового дерева и сандала премиум-класса. Более того, храм Тхондоса в июле 2022 г. выступил инициатором организации научно-практического семинара и крупной выставки по истории культуры ароматов, где высшие наставники монастыря рассказывали о ценностях корейской культуры в контексте развития буддийских традиций и призывали в этом отношении изучать опыт Китая и Японии²⁴ [Хянтогу тхыкпёльджон, 2022, с. 7–9].

Судя по изученным материалам, во время ритуалов воскурения благовоний в храме Тхондоса предпочитают чаши и курильницы с широким горлом, а для изготовления ароматических узоров на пепле используют штампы с растительным узором и буддийскими символами.

В Пусане находится также известная частная арт-галерея «Нынъин хяндан» (能仁香堂)²⁵, являющаяся одним из ведущих центров изучения и популяризации ароматической культуры в современной Южной Корее. Компания прежде всего поддерживает запросы покупателей, нуждающихся в буддийских духовных практиках, – этому способствует большой ассортимент предлагаемых здесь изделий и видов аромасырья, включая душистую древесину акви-

²³ Храм Тхондоса (Tondosa Temple) находится в горах Ёнджусан в г. Янсан в 30 км от Пусана в провинции Кёнсан-намдо, в 2018 г. наряду с другими шестью горными храмами южных провинций Республики Корея он был внесен в список культурного наследия ЮНЕСКО. Храм Тхондоса был основан в 646 г. выдающимся монахом Чаджаном (590–658), который, по легенде, привез из танского Китая мощи Будды Шакьямуни, возвел первые постройки для поклонения святым реликвиям (позже их поместили в каменную пагоду). На территории монастыря есть специальные зоны проживания монахов, помещения для проведения ритуалов и медитации в старинной аутентичной форме. Храм Тхондоса располагает огромным культурным наследием – на его территории хранятся 40 000 реликвий, а также 600 свитков и картин буддийского содержания, для которых выстроен большой музей культурных реликвий (聖寶博物館 Сонбо панмультган). В коллекции музея в том числе находится множество бронзовых курильниц, относящихся к эпохе Корё. Курильницы разных размеров, инкрустированные серебром, выполнены в виде своеобразных кубков-чаш на высокой ножке. Такие сосуды предназначались для подношений и воскурения благовоний в буддийских ритуалах, их до сих пор массово изготавливают из разноцветной керамики для храмовых нужд и домашних алтарей (по материалам поездки Е. Э. Войтишек в ноябре 2022 г.). См. также сайт храма. URL: <http://www.tongdosa.or.kr/> (дата обращения 13.01.2023).

²⁴ См. репортажи из храма Тхондоса об открытии выставки «Культура благовоний в Корее». URL: <https://www.ebuddha.co.kr/news/articleView.html?idxno=12375>; <https://www.youtube.com/watch?v=1UjTPj2PO2I> и материал о проведении научно-практического семинара «Культура благовоний Кореи и храм Тхондоса». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yb50m41eHvc> (дата обращения 05.01.2023).

²⁵ См. сайт компании <https://능인향당.com/>, где она позиционирует себя как Neungin incense house (дата обращения 05.01.2023).

лярии (沈香, кор. *чхимхян*) и сандала, разнообразные курильницы, подставки для благовоний, ароматические печати и металлические штампы, четки, амулеты и браслеты. Собственно, само название галереи («Прибежище аромата Будды Шакьямуни») отражает эту буддийскую направленность, связывая «путь благоуханного аромата» с духовным просветлением²⁶.

Однако компания не ограничивает свою деятельность только поддержкой буддийских практик, она всемерно поддерживает светский интерес к благовониям как элегантному виду досуга, а также средству поддержания физического и нравственного здоровья. Примечательно, что за последние годы, отмеченные беспрецедентным размахом пандемии коронавирусной инфекции в мире, компания активизировала деятельность, направленную на пропаганду профилактики и лечения вирусных заболеваний с помощью агаровой древесины, которая как драгоценный «таинственный эликсир» подходит всем независимо от возраста, религии или расы²⁷.

Что касается предлагаемых здесь ароматических печатей и специальных штампов для них, то, как и в столичных центрах традиционной культуры, преобладают изделия, изготовленные в современном Китае, с набором типичных орнаментов, включающих цветочные мотивы, буддийские символы, узоры в форме «облаков счастья» (祥雲(曇), кор. *сандам*).

При этом арт-галерея «Нынъин хяндан» сотрудничает и со своими уникальными мастерами, в творчестве которых ведущими оказываются мотивы и образы, связанные с традиционным корейским растительным кодом. Излюбленным орнаментом этих мастеров является изображение жимолости японской²⁸ (кор. 忍冬文 *индонмун*), пионов, лотосов, выходящая ви-

²⁶ Компания «Нынъин хяндан», основанная в 1986 г., специализируется на производстве и обработке ароматической древесины аквиларии *чхимхян*, используемой в буддийских ритуальных практиках, и имеет собственный запатентованный одноименный бренд. Неслучайно эта компания поставляет наборы высококачественных натуральных благовоний вышеупомянутому храму Тхондоса. В 1990-х гг. усилиями тогдашнего руководителя компании г-на Ли Дунгона / Lee Dong Gon (второе имя – Ли Валло / Lee Wan Ro) проводились исследования на базе Института аквиларии во Вьетнаме, результатом которых стало усовершенствование натуральных свойств традиционных ароматических веществ (например, за счет микроизмельчения фрагментов древесины аквиларии достигается увеличение времени горения благовоний, сделанных из нее; кроме того, большое значение приобретает качество древесины – частицы дыма поглощают токсичные вещества и мелкую пыль, тем самым дезодорируя воздух). См. сайт компании «Нынъин хяндан». URL: <https://xn--9h1b7f069c0ln.com/sub/introduce.html> (дата обращения 05.01.2023).

²⁷ В ходе общения покупателей с представителями компании через Facebook или Instagram нередки случаи прямых вопросов от посетителей по поводу рецептуры и состава тех или иных ароматических смесей, по лечебным свойствам древесины аквиларии и т. п. Сам факт таких диалогов в начале XXI в. подтверждает авторитетность старинного способа лечения многих недугов с помощью воскурения ароматических средств. Так, хорошо известны примеры описания случаев излечения благовониями, встречающиеся в корейских исторических хрониках. В летописи «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Самгук саги*, XII в.) в разделе о царстве Силла есть упоминание о 23-м правителе Попхын-ване (法興王), который на 15-м году своего правления (528 г.) к своей больной дочери пригласил монаха Мохочжа (墨胡子) из царства Когурё, который в итоге вылечил ее с помощью воскурения благовоний [Ким Бусик, 2001, с. 128–129]; см. этот фрагмент также на ханмуне [Там же, с. 63]. Примечательно, что это повествование имеет легендарный характер, поскольку Моходжа жил не во времена Попхын-вана, а гораздо раньше – во времена правления государя Нульджи-вана (417–458) [Там же, с. 114–118]. Под 528 г. эта история в памятнике зафиксирована исключительно потому, что она относится к предьстории официального признания буддизма Попхын-ваном. Значительный пласт информации об использовании ароматического сырья в эпоху Чосон содержится в «Летописи вана Седжона» (世宗實錄 *Седжон силлок*, XV в.). Известно, что ван Седжон страдал многими кожными недугами, и поэтому, когда прибывшие из Японии послы преподнесли ему драгоценную древесину *чхимхян*, правитель принял ее, несмотря на опасения. См. сайт компании «Нынъин хяндан». URL: <https://xn--9h1b7f069c0ln.com/sub/introduce.html> (дата обращения 05.01.2023). Довольно много разрозненных упоминаний о воскурении благовоний, их дарении и подношении можно встретить в таких авторитетных корейских памятниках раннего буддизма, как «Оставшиеся сведения о трех государствах» монаха Ирёна (三國遺事 *Самгук юса*, XIII в.), «Жизнеописание достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (海東高僧傳 *Хэ-дон косын чон*, XIII в.) монаха Какхуна и др. См. [Ирён, 2018; Какхун, 2007].

²⁸ Название орнамента восходит к соответствующему растению (лат. *Lonicera japonica*), наблюдение за которым дало толчок к появлению различных видов растительных узоров в азиатском искусстве. К примеру, в Азии узор жимолости японской часто встречается как деталь оформления дворцовых и храмовых архитектурных ансамблей, как декоративный элемент парадной одежды, королевских корон и поясных украшений знати. Совре-

ноградской лозы. В арсенале их художественных средств встречается и пальметта – известный мотив в мировом декоративно-прикладном искусстве²⁹, напоминающий веерообразные листья пальмы или раскрытую ладонь с широко разведенными пальцами.

Что касается деталей оформления таких штампов, то в отличие от китайских изделий, как правило, снабженных металлической или деревянной ручкой, привинчивающейся сверху, корейские штампы зачастую снабжены специальными выступами, за которые удобно взяться двумя пальцами и установить на утрамбованном пепле. Тем не менее технологические решения при проведении церемонии воскурения ароматических печатей в корейском варианте предполагают использование и штампов, аналогичных китайским (рис. 3).

Рис. 3. Штампы, используемые в Южной Корее:

верхний ряд – изделия корейских мастеров: слева – изображение курильницы; справа – растительный орнамент жимолости японской (кор. 忍冬文 *индонмун*); нижний ряд – изделия китайских мастеров: орнамент «облака счастья» (祥雲 *сяньюнь*), варианты узора «цветы лотоса» (蓮花 *ляньхуа*, 荷花 *хэхуа*). Из коллекции арт-галереи «Нынбин хяндан» (能仁香堂). Фото Е. Э. Войтишек

Fig. 3. Scented stamps used in South Korea:

top row – products of Korean craftsmen: on the left – an image of an incense burner; on the right – floral ornament of Japanese honeysuckle (Korean 忍冬文 *indongmun*); the bottom row – products of Chinese craftsmen: “clouds of happiness” ornament (祥雲 *xiangyun*), variants of the “lotus flowers” pattern (蓮花 *lianhua*, 荷花 *hehua*). From the collection of the Neungyin hyangdang Art Gallery (能仁香堂). Photos by E. E. Voytishek

Все эти виды традиционного орнамента, используемого китайскими и корейскими мастерами, не только оказываются прочно интегрированными в повседневную жизнь общества (через текстиль, посуду, утварь, мебель и др.), но и широко представлены в религиозных

менные дизайнеры также широко используют этот растительный узор, предлагая его как декоративный элемент в оформлении бытовой техники, фотоаппаратов, музыкальных инструментов, текстиля, упаковочных материалов и проч.

²⁹ Этот мотив широко представлен в древнем искусстве Египта, Греции, Индии, Месопотамии, арабского Востока, часто встречается в резьбе по камню, в скульптуре, архитектурных ансамблях и росписи.

буддийских обрядах – через изделия художественно-прикладного искусства, в том числе различные сосуды, курильницы, подставки под ароматические палочки и конусы, разнообразный инструментарий, используемый при воскурении благовоний. Символическая образность такого растительного орнамента в традиционном искусстве и народном сознании народов Восточной Азии отмечена устойчивым благожелательным смыслом, поскольку прочно увязывается с жизненной силой и бесконечным развитием.

Заключение

Анализ художественных печатей и штампов дает основания для выявления функций и особенностей этого специфического инструментария, использующегося с раннего Средневековья по настоящее время в ароматической культуре Китая и Кореи. Если в китайской культуре происхождение и эволюцию этого инструментария можно проследить по раннебуддийским эзотерическим практикам примерно с VII–VIII вв. (а их прообразы в виде даосских ритуальных печатей-талисманов 符 *фу* или 印 *инь* – даже с IV–V вв.), то использование соответствующих предметов в корейской культуре прослеживается не так ясно. Вполне возможно, что печати и штампы стали использоваться на Корейском полуострове с проникновением буддизма, приблизительно, с V–VI в., но убедительные аргументы в пользу этого предположения пока отсутствуют. Ученые-историки, специалисты из крупнейших музеев, представители частных арт-галерей, высшее духовенство старейших буддийских храмов Южной Кореи склонны считать, что печати и штампы на территории полуострова стали широко использоваться вместе с благовониями только с эпохи Корё (918–1392), а затем эта традиция надолго прервалась.

Поскольку реконструкция особенностей развития ароматической культуры и соответствующего инструментария на Корейском полуострове крайне сложна вследствие утери большого количества реликвий и письменных памятников, первостепенную важность приобретают исторические свидетельства, сохранившиеся в древних и средневековых корейских летописях, в музейных собраниях, в записях монахов и коллекциях артефактов буддийских храмов, в семейных записях частных предпринимателей. Особое значение имеют также живые наблюдения за развитием этой традиции в современном южнокорейском обществе, где восстановление ценностей традиционной культуры рассматривается как важное средство укрепления национальной идентичности.

С учетом этих представлений, а также факторов влияния соседних стран, где развитие ольфакторных практик имеет весьма длительную традицию, жители юга Корейского полуострова продолжают активно обращаться к своему культурному наследию – этими обстоятельствами обусловлен резкий скачок интереса к разным аспектам культуры ароматов. Использование в восточноазиатском регионе очень схожих по форме и изобразительным мотивам печатей и штампов при воскурении благовоний говорит о длительных историко-культурных и торговых контактах в азиатском регионе, о чрезвычайно устойчивых архетипических паттернах в художественной картине мира. Однако если в КНР и на Тайване этот инструментарий уже широко используется в повседневной жизни и во время религиозных ритуалов, то в Южной Корее о нем только еще начинают «вспоминать». С этой точки зрения в настоящий момент несколько преждевременно говорить о типологии и функциях корейских штампов и печатей, использующихся в быту, художественной и религиозной сферах, – традиция их использования на Корейском полуострове только начинает возрождаться.

Изучение типологии печатей и резных штампов позволяет уточнить функции и специфику применения этого способа воскурения благовоний в традиционной культуре с учетом современных реалий азиатских обществ. Привлечение разнообразных материалов и источников этнографического и антропологического характера дает возможность прогнозирования специфики межкультурных контактов и в будущем.

Список литературы

- Войтишек Е. Э.** Корейская курильница Пэкче и традиция использования курильниц бошань-лу в Восточной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 10: Востоковедение. С. 24–40. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-24-40
- Войтишек Е. Э., Яо Сун, Рябышев П. Д.** «Ароматические печати» в культуре Китая: происхождение, ритуальные и практические функции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 10: Востоковедение. С. 74–88. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-74-88
- Ирён.** Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент. и указ. Ю. В. Болтач. СПб.: ИД «Гиперион», 2018. 894 с.
- Какхун.** Жизнеописание достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косынчон) / Исслед., пер. с ханмуна, коммент. и указ. Ю. В. Болтач. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 182 с.
- Ким Бусик.** Самгук саги. Летописи Силла / Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М. Н. Пак. М.: Вост. лит., 2001. 383, [1], V, [1]; [VII], 1, 202 с.
- Фу Цзинлянь.** Чжунго сян вэньхуа [傅京亮。中国香文化]. Китайская культура благовоний. Цзинань: Цилу шушэ, 2011. 316 с. (на кит. яз.)
- Хуашо ханьцзы. Туцзе шовэнь цзецзы (Дун Хань Сюй Шэнь) [画说汉字 (图解说文解字)。(东汉许慎)]. Иллюстрированный словарь происхождения китайских иероглифов (составлен Сюй Шэнем при Восточной Хань). Сиань: Шэньси шифань дасюэ чубаньшэ, 2010. 509 с. (на кит. яз.)
- Хянтогу тхыкпёльджон. Чонгон хянса [향도구 특별전. 清供香事]. Отдельная выставка ритуальных принадлежностей [для воскурения] благовоний. Чистые подношения [для воскурения] благовоний. Пусан: Тхондоса панмульгван, 2022. 236 с. (на кор. яз.)
- Чжунхуа чуаньши минчжу цзинхуа цуншу [中华传世名著精华丛书. 百家姓, 三字经, 千字文, 弟子规]. Избранные произведения китайской классики. «Фамилии ста семей», «Троесловие», «Тысячесловие», «Правила для учеников». Тайюань: Шаньси гуцзи чубаньшэ, 1999. 199 с. (на кит. яз.)

References

- Fu Jingliang.** Zhongguo xiang wenhua [傅京亮。中国香文化]. Chinese incense culture. Jinan, Qilu shushe, 2011, 316 p. (in Chin.)
- Gakhun.** Lives of Eminent Korean Monks (Haedong goseung jeon). Translated from hanmun and comments by Yu. V. Boltach. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2007, 182 p. (in Russ.)
- Huashuo hanzi. Tujie shuowen jiezi (Dong Han Xu Shen) [画说汉字 (图解说文解字)。(东汉许慎)]. An Illustrated Dictionary of the Origin of Chinese Characters (compiled by Xu Shen under the Eastern Han). Xi'an, Shenxi shifan daxue chubanshe, 2010, 509 p. (in Chin.)
- Hyangdogu Teukbyeoljeong [향도구 특별전. 清供香事]. Incense tool special exhibition. Pure incense offering. Busan, Tongdosa bagmulgwan, 2022, 236 p. (in Kor.)
- Iryon.** The remaining information [about] the three states (Samguk yusa). Translated from hanmun, introduction and comments by Yu. V. Boltach. St. Petersburg, "Hyperion" Publ., 2018, 894 p. (in Russ.)
- Kim Busik.** Samguk sagi. Annals of Silla / Ed. text, trans., introd. article and comments by M. N. Park. Moscow, "Eastern Literature" RAS Publishing House, 2001. 383, [1], V, [1]; [VII], 1, 202 p. (in Russ.)

- Voytishek E. E.** Korean Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje and the Tradition of Han Boshanlu Censer's Usage in East Asia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 10: Oriental Studies, pp. 24–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-10-24-40
- Voytishek E. E., Yao Song, Ryabishev P. D.** “Incense Seals” in Chinese Culture: Origins, Ritual and Practical Functions. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 10: Oriental Studies, pp. 74–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-74-88
- Zhonghua chuanshi mingzhu jinghua congshu [中华传世名著精华丛书。百家姓，三字经，千字文，弟子规]. Selected works of Chinese classics. “Surnames of a Hundred Families”, “Three Words”, “Thousand Words”, “The Rules for Students”. Taiyuan, Shanxi guji chubanshe, 1999, 199 p. (in Chin.)

Информация об авторах

Елена Эдмундовна Войтишек, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 25931793000

WoS Researcher ID R-3936-2016

RSCI Author ID 140290

SPIN 7927-4952

Яо Сун, директор агентства «Бочэнь»

Scopus Author ID 57216856131

WoS Researcher ID HDM-4632-2022

RSCI Author ID 1087558

SPIN 7789-3830

Анна Сергеевна Шмакова, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57193949544

WoS Researcher ID Q-9937-2016

RSCI Author ID 809033

SPIN 1599-2176

Information about the Authors

Elena E. Voytishek, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 25931793000

WoS Researcher ID R-3936-2016

RSCI Author ID 140290

SPIN 7927-4952

Yao Song, Director of “Bochen” Agency

Scopus Author ID 57216856131

WoS Researcher ID HDM-4632-2022

RSCI Author ID 1087558

SPIN 7789-3830

Anna S. Shmakova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57193949544

WoS Researcher ID Q-9937-2016

RSCI Author ID 809033

SPIN 1599-2176

Статья поступила в редакцию 20.01.2023;

одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 08.02.2023

The article was submitted on 20.01.2023;

approved after review on 30.01.2023; accepted for publication on 08.02.2023

Научная статья

УДК 94(315) + 75.041 + 75.045

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-88-101

Три средневековые китайские картины об отъезде девушек на чужбину и их историческая основа

Андрей Васильевич Варенов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Аннотация

Статья посвящена трем китайским живописным произведениям, созданным в XIII в. На трех рассматриваемых свитках представлены разные персонажи, но сюжет у всех картин общий – принудительный отъезд девушки на чужбину. Полотно Чжан Юя «Вэньцзи возвращается в Хань» рассказывает о восточно-ханьской поэтессе Цай Янь (Цай Вэньцзи), выкупленной у сюнну в начале III в. н. э. Приписываемый Гун Сужань свиток «Мин-фэй покидает заставу» иллюстрирует полулегендарную историю о Ван Чжаоцзюнь, наложнице западно-ханьского императора Юань-ди, которая в последней трети I в. до н. э. была выдана замуж за вождя сюнну. Повод для создания картины «Кочевники» Ху Хуаня точно не известен. Автор считает, что все три произведения в художественной форме отражали одно и то же событие, произошедшее в 1214 г. Речь идет о насильственной выдаче замуж цзиньской принцессы Ци за вождя монголов Чингисхана. Картины Чжан Юя и Гун Сужань трактовали это событие аллегорически, а «Кочевники» Ху Хуаня – реалистически.

Ключевые слова

средневековая китайская живопись, жанр *жэньбу*, Чжан Юй, Гун Сужань, Ху Хуань, Цай Вэньцзи, Ван Чжаоцзюнь, цзиньско-монгольские отношения

Для цитирования

Варенов А. В. Три средневековые китайские картины об отъезде девушек на чужбину и их историческая основа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 88–101. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-88-101

Three Medieval Chinese Paintings about Girls Leaving for Foreign Lands and Their Historical Background

Andrey V. Varenov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Abstract

The article deals with three Chinese paintings, created in the 13th century. All three scrolls depict different personages living at different times, however the general plot remains the same: an enforced departure of a girl to a foreign land. Zhang Yu's painting "Wenji returns to Han" tells of an Eastern Han poetess Cai Yan (Cai Wenji), who was a Xiongnu

© Варенов А. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 88–101

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 88–101

captive for 12 years, redeemed at the beginning of the 3rd century AD by a famous Chinese warlord, poet and politician Cao Cao. Gong Suran's scroll "Ming-fei leaves the fort" illustrates a legendary story of Wang Zhaojun, one of the "four great beauties of ancient China" and a concubine of the Western Han Emperor Yuan-di, who married a Xiongnu chieftain in the last third of the 1st century BC to save her country from nomad invasion. The third painting looks the most realistic, however the reason for the creation of "Nomads" by Hu Huan is unknown. The author argues that all three paintings, in various artistic form, reflect the same historical event which happened in 1214. This was the enforced marriage of a Jin Empire princess Qi to the Mongolian chieftain Genghis Khan as a condition set by him to raise the siege of the Jin capital. Paintings by Zhang Yu and Gong Suran treat this event allegorically and Hu Huan's "Nomads" – realistically.

Keywords

Medieval Chinese painting, *renwu* genre, Zhang Yu, Gong Suran, Hu Huan, Cai Wenji, Wang Zhaojun, Jin-Mongolian relations

For citation

Varenov A. V. Three Medieval Chinese Paintings about Girls Leaving for Foreign Lands and Their Historical Background. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 88–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-88-101

Введение

Отечественные археологи и историки костюма при реконструкции одежды, обуви и головных уборов степных кочевых этносов в последние годы всё чаще обращаются к изобразительным источникам древнего и средневекового Китая. Весьма показательна в этом плане статья Н. В. Хрипунова. В ней шесть раз приводятся ссылки на изображения на картине «Кочевники», традиционно приписываемой Ху Хуаню [Хрипунов, 2012, с. 375, 376, 384, 385]. Как минимум дважды упоминается картина «Вэньцзи возвращается в Хань» Чжан Юя и аналогичный по композиции бумажный свиток предполагаемого авторства Гун Сужань [Там же, с. 375, 385, табл. 18]. Стоит отметить, что все три картины сходны по сюжету. Во всех трех случаях изображены процессии, по преимуществу конные, движущиеся навстречу холодному (вероятно, зимнему) ветру. Их главными персонажами выступают девушки или женщины.

Цель предпринятого в данной статье исследования – проверить надежность атрибуции трех упомянутых выше картин тем авторам, которым их традиционно приписывают (у того же Н. В. Хрипунова китайские полотна зачастую фигурируют как анонимные произведения), по возможности уточнить время и обстоятельства их создания. Для достижения намеченной цели исследования предполагается решить следующие конкретные задачи. Во-первых, привести доступные сведения о предполагаемых авторах трех картин. Во-вторых, рассказать об изображенных на картинах персонажах, по возможности отделив историческую правду о них от позднейших легенд и вымыслов. В-третьих, попытаться определить обстоятельства создания всех трех полотен, попробовав привязать их к конкретному историческому событию XIII в.

«Возвращение Вэньцзи» Чжан Юя

Чжан Юй (张瑀) – живописец начала XIII в., даты рождения и смерти и остальная биография которого неизвестны. Ему принадлежит картина «Вэньцзи возвращается в Хань» (文姬歸漢圖 *Вэньцзи гуй Хань ту*, 29 × 129 см, шелк, тушь, краски, Цилиньский провинциальный музей, г. Чанчунь). Цай Янь (蔡琰 ок. 172 – ок. 220), второе имя Вэньцзи 文姬 или Вэньчао 文昭, дочь Цай Юна (蔡邕/雍, 132–192), сановника, мыслителя, ученого в области гуманитарных и естественных наук, музыканта и теоретика музыки, каллиграфа и теоретика каллиграфии, литератора, одного из ведущих поэтов конца Поздней Хань. Она была очень талантлива, хорошо разбиралась в литературе, музыке и каллиграфии. Совсем молодой Цай Вэньцзи в первый раз вышла замуж за Вэй Чжундао (卫仲道), вскоре умершего, после чего

вернулась домой к отцу. В результате захвата и разграбления Лояна войсками генерала Дун Чжо (董卓) в 192 г.¹, Цай Янь попала в плен к южным сюнну и прожила у них двенадцать лет, родив двоих детей.

Полководец Цао Цао (曹操 155–220), объединивший Север страны, за большие деньги выкупил Цай Янь у сюнну, так как надеялся получить от нее сведения о библиотеке Цай Юна, которая бесследно исчезла во время событий 192 г. Он же выдал Цай Вэньци замуж за Дун Сы (董祀)². Цай Янь оставила после себя несколько великолепных поэтических произведений, в которых поведала о своей трагической судьбе. Согласно этим произведениям, ей пришлось оставить сыновей у сюнну. В наши дни о Цай Вэньци снимают телесериалы, а до этого ее часто изображали художники разных эпох³.

Нередко в такие полотна вкладывался символический смысл. Авторы статьи в открытой китайской электронной энциклопедии (аналоге «Википедии») «Байкэ байду» отмечают, что тема была весьма популярна в первые годы после гибели империи Северная Сун и в начале становления Южной Сун, когда при захвате в 1127 г. северо-сунской столицы (на месте современного г. Кайфэн) Хуэй-цзун⁴ (徽宗, даты правления 1100–1126; личное имя Чжао Цзи 赵佶, 1082–1135) и его сын Цинь-цзун (钦宗, Чжао Хуань 赵桓) были взяты в плен чжурчжэнями⁵. По их мнению, история о возвращении Цай Вэньци в Китай соответствовала настроениям жителей Южной Сун, молившихся о возвращении императоров⁶. Тогда получалось, что, обращаясь к теме «возвращения Вэньци» во второй половине XII – первой половине XIII в., художники Южной Сун выражали надежду, что занятый чжурчжэнями (а потом и монголами) север страны тоже рано или поздно «вернется в родную гавань» [Чжунго лидай..., 2004, с. 102].

Соответственно, сначала считалось, что свиток «Вэньци возвращается в Хань» создан в Южной Сун, поскольку маньчжурский император Цяньлун (乾隆, даты правления 1736–1795) собственноручно начертал на нем надпись «宋人文姬歸漢圖» (*Сунжэнь Вэньци гуй Хань ту*, т. е. «Сунская картина “Вэньци возвращается в Хань”»). Но после обнаружения уже в наши дни в левом верхнем углу полотна шести иероглифов “祇应司张瑀畫” (*Чжиинсы Чжан Юй хуа*, т. е. «Картина Чжан Юя из Чжиинсы») его атрибуция поменялась⁷. Всё, что мы знаем о Чжан Юе, заключено в этой надписи. *Чжиинсы* было придворным учреждением, отвечавшим за различные работы внутри дворца, созданным в первый год правления под девизом Тай-хэ (泰和) цзиньского Чжан-цзуна (章宗, правл. 1189–1208, личное имя Ваньянь Цзин 完顏璟, 1168–1208), т. е. в 1201 г. [БКРС, 1983, с. 156]. Поскольку учреждения с таким названием в структуре «внутреннего правительства» Сун не существовало, Чжан Юя следует считать придворным художником Цзинь [Чжунго жэньхуа..., 2004, с. 126; Чжунго лидай..., 2004, с. 178–179]. Если 1201 г. принять за нижнюю возможную границу создания свитка, то верхней, очевидно, будет 1234 г., когда погибла империя Цзинь [БКРС, 1983, с. 149].

На картине изображено 12 фигур, движущихся слева направо, в том числе 10 всадников. Впереди на кобыле едет человек с флагом на плече. Рядом с ним бежит жеребенок (рис. 1, 3). Следом двое пешеходов ведут под уздцы лошадь одетой в меховую шапку главной героини (рис. 1, 2). Считается, что это Цай Вэньци. За Цай Вэньци спешит ее свита из семи сопро-

¹ Подробнее о Дун Чжо и захвате им Лояна см. [Борисов, 2015; 2016].

² Официальное жизнеописание Цай Янь содержится в «Хоу Хань шу» (后汉书 «Книга о Поздней Хань», цз. 84, «Дун Сы ци» 董祀妻 «Жена Дун Сы»).

³ Цай Вэньци. URL: <https://baike.baidu.com/item/蔡文姬/6785> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

⁴ Хуэй-цзун являлся одним из крупнейших художников и знатоков живописи эпохи Северная Сун.

⁵ Во время нашествия чжурчжэней Хуэй-цзун отрекся от трона в пользу сына, правление которого продолжалось менее года.

⁶ Чэнь Цзюйчжун. «Вэньци гуй Хань ту» чжоу. URL: <https://baike.baidu.com/item/陳居中《文姬歸漢圖》軸/14766032> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

⁷ Чжан Юй. URL: <https://baike.baidu.com/item/张瑀/1827240> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

вожающих. Замыкает процессию охотник с колчаном со стрелами на поясе и с соколом или орлом, сидящим на специальной рукавице, надетой на его правую руку. Рядом с его конем бежит охотничья собака (рис. 1, 1). Хвост у лошади Цай Вэньци завязан узлом с двумя свисающими прядями. Хвосты коней всех остальных всадников свободно распущены [Чжунго жэньхуа..., 2004, с. 126–127; Чжунго лидай..., 2004, с. 178–179].

Рис. 1. Картина Чжан Юя «Вэньци возвращается в Хань»:

1 – фрагмент (левая часть); 2 – фрагмент (центральная часть); 3 – фрагмент (правая часть).

По: [Чжунго жэньхуа..., 2004, с. 126–127]

Fig. 1. Zhang Yu's "Wenji returns to Han" painting:

1 – fragment (left part); 2 – fragment (central part); 3 – fragment (right part).

As per: [Zhongguo renwuhua..., 2004, pp. 126–127]

На наш взгляд, свиток Чжан Юя отражал ситуацию противостояния чжурчжэней монголам в последние десятилетия существования империи Цзинь, когда часть ее территории была уже завоевана и чжурчжэни через искусство могли выражать свою надежду на будущий реванш. Тогда «хусцы», изображенные на полотне, – это монголы, а Цай Вэньци, одетая, скорее, по-чжурчжэньски, возвращается «на родину» в Цзинь. Не стоит забывать и то, что на-

звания для картин предмонгольского времени зачастую придумывали и фиксировали в записях уже в эпоху Мин, а то и в эпоху Цин, так что свиток Чжан Юя мог, по замыслу автора, изображать вовсе не «Возвращение Цай Вэньцзи», а иной сюжет. Убедиться в этом заставляет традиционно приписываемое Гун Сужань полотно «Мин-фэй покидает заставу», хранящееся в Городском художественном музее Осаки (Япония).

«Отъезд наложницы Мин» Гун Сужань

О Гун Сужань (宮素然) мы знаем крайне мало. Точные даты ее рождения и смерти неизвестны. Существует две или даже три версии места рождения художницы: от Динчжоу (定州) или Чжэндина (正定) в пров. Хэбэй до Чжэньюаня (鎮遠) в пров. Гуйчжоу. Считается, что она была даосской монахиней, жившей во времена правления первого южносунского императора Гао-цзуна (高宗, правл. 1127–1162, личное имя Чжао Гоу 趙構, 1107–1187)⁸. Гун Сужань считают автором портретов, ни один из которых до нас не дошел. Реально имеется только одна из приписываемых Гун Сужань картин, сохранившихся до нашего времени. Это свиток «Мин-фэй покидает заставу» (明妃出塞圖 *Мин-фэй чу сай ту*, 30,2 × 160,2 см, бумага, тушь, Городской художественный музей Осаки, Япония). В левом верхнем углу изобразительного поля есть надпись «鎮陽宮素然畫» (*Чжэньян Гун Сужань хуа*, т. е. «Картина Гун Сужань из Чжэньяна»). На полотне нет подписи или печати автора, зато осталось много печатей бывших владельцев в основном цинского времени. Путь попадания картины в Японию сложен и не всегда прозрачен⁹.

На картине из Осаки изображено 14 фигур, движущихся слева направо, в том числе 12 всадников. Впереди едут два человека (а не один, как у Чжан Юя). Задний из них с флагом на плече верхом на кобыле, вслед за которой (а не рядом, как у Чжан Юя) бежит жеребенок (рис. 2, 4). Во второй группе двое пеших ведут под уздцы лошадь главной героини. Считается, что это Ван Чжаоцзюнь (т. е. «наложница Мин»). Рядом с ней верхом едет служанка (которой нет на картине Чжан Юя), держащая в руках завернутую в ткань *пипу* (рис. 2, 3). За Ван Чжаоцзюнь плотной группой спешит ее свита из семи сопровождающих (рис. 2, 2). Замыкает процессию охотник с колчаном со стрелами на поясе и с соколом, сидящим на специальной рукавице, надетой на его правую руку. Перед его конем (а не рядом с ним, как у Чжан Юя) бежит охотничья собака (рис. 2, 1). Хвосты всех коней свободно распущены [Чжунго лидай..., 2004, с. 892–893, рис. 290].

История Ван Чжаоцзюнь

Ван Чжаоцзюнь (王昭君, ок. 54 г. до н. э. – 19 г. до н. э.), настоящее имя Ван Цян (王嬙/嬙 – существуют разные написания именного иероглифа), одна из четырех великих красавиц древнего Китая¹⁰, родилась в уезде Цзыгуй (秭歸) области Наньцзюнь (南郡) (ныне уезд Синшань 興山 городского района Ичан 宜昌 пров. Хубэй) в семье простолюдина Ван Сяна (王襄). Она была красива, умна, разбиралась в музыке, каллиграфии и живописи. Когда в 38 г. до н. э. западно-ханьский император Юань-ди (元帝, правл. 49–33 гг. до н. э., личное имя Лю Ши 劉奭, 75–33 гг. до н. э.) набирал красивых девушек для своего дворца, выбор пал и на шестнадцатилетнюю Ван Цян, но непосредственно в гарем она не попала¹¹.

⁸ Гун Сужань. URL: <https://baike.baidu.com/item/宮素然/1821170> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

⁹ Мин-фэй чу сай ту. URL: <https://baike.baidu.com/item/明妃出塞圖/10743975> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

¹⁰ Имеются в виду Си Ши, Ван Чжаоцзюнь, Дяочань и Ян Юйхуань. Чжунго гудай сы да мэйнью. URL: <https://baike.baidu.com/item/中國古代四大美女/701090> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

¹¹ Ван Чжаоцзюнь. URL: <https://baike.baidu.com/item/王昭君/5307> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

Рис. 2. Картина Гун Сужань «Мин-фэй покидает заставу»:

1 – фрагмент (левая часть); 2 – фрагмент (центральная левая часть); 3 – фрагмент (центральная правая часть); 4 – фрагмент (правая часть). По: [Чжунго лидай..., 2004, с. 893, рис. 290]

Fig. 2. Gong Suran's "Ming-fei leaves the fort" painting:

1 – fragment (left part); 2 – fragment (central left part); 3 – fragment (central right part); 4 – fragment (right part). As per: [Zhongguo lidai..., 2004, p. 893, fig. 290]

В 33 г. до н. э. вождь вассальных по отношению к Хань южных сюнну Хуханье-шанью (呼韓邪單于, правл. 58–31 гг. до н. э.) прибыл к ханьскому двору с просьбой стать зятем императора. Вместо своей дочери Юань-ди подарил Хуханье-шанью Ван Цян. Поскольку девушка не состояла в родстве с императором и вообще происходила из семьи простолюдинов, ей пожаловали имя (придворный титул) Чжаоцзюнь [Таскин, 1973, с. 39]. У сюнну после рождения сына Ван Чжаоцзюнь стали звать Нинху яньчжи¹² (寧胡閼氏). Она прожила с Хуханье три года, до самой смерти мужа, родив ему сына Иту Чжия-ши (伊屠智伋師)¹³, а после, по обычаю сюнну, вышла замуж за старшего сына покойного от другой жены, Фучжулэй-шанью (復株累單于), прожив с ним еще 11 лет и родив двух дочерей. Фучжулэй умер в 20 г. до н. э., годом позже скончалась и Ван Чжаоцзюнь [Там же, с. 43–45].

После смерти Хуханье Ван Чжаоцзюнь обратилась с письмом к ханьскому двору с просьбой вернуться на родину, но новый император Чэн-ди (成帝, правл. 33–7 гг. до н. э., личное имя Лю Ао 劉鷺, 51–7 гг. до н. э.) отказал ей, повелев оставаться у сюнну. После провозглашения в 265 г. н. э. Сыма Янем (司馬炎, 236–290, правл. 265–290) империи Цзинь (晉, 265–

¹² Так у В. С. Таскина (см. [Таскин, 1973, с. 43]).

¹³ Позже, в 18 г. н. э. убийство Иту Чжия-ши послужило поводом ко второму расколу сюнну на северных и южных (см. [Борисов, Варенов, 2016, с. 131]).

420), иероглиф «чжао» оказался табуированным, поскольку входил в имя посмертно удостоенного императорского титула отца нового правителя Сыма Чжао (司馬昭, 211–265). После этого о Ван Чжаоцзюнь стали писать как о Ван Минцзюнь (王明君) или просто о «наложнице Мин» (明妃 *Мин-фэй*), т. е. при жизни Ван Цян и вообще при Хань о ней как о Ван Минцзюнь или «наложнице Мин» никогда не говорили ¹⁴.

К цзиньскому же времени (晉代) относится и появление различных легенд о Ван Чжаоцзюнь, например истории о том, как она, попав во дворец, в отличие от всех остальных новых девушек, понадеявшись на свою красоту и честную конкуренцию, отказалась давать взятку придворному художнику Мао Яньшоу (毛延壽), который писал портреты красавиц для императорского каталога. Мстительный мздоимец изобразил Ван Цян дурнушкой (добавил в портрет родинки, которых на самом деле не было), а остальных девушек приукрасил. За пять лет Ван Чжаоцзюнь так ни разу и не удостоилась внимания императора Юань-ди, который в итоге, ориентируясь на фальшивый портрет, решил сплавить ее сюнну как «неликвид» и лишь на прощальной аудиенции понял, какого сокровища он лишается, и казнил корумпированного живописца.

Эта романтическая легенда не находит подтверждения в официальных династийных историях, таких как «Хань шу» и «Хоу Хань шу», хотя Ван Чжаоцзюнь в них упоминается. Следует учесть, что «Хоу Хань шу» Фань Е (范曄, 398–445) составлена позже, чем сборник мало достоверных анекдотов о придворной жизни Западной Хань, приписываемый восточно-цзиньскому автору Гэ Хуну (葛洪, 284–363) «西京雜記» (*Сицзин цзацзи*, т. е. «Пестрые заметки из Западной столицы»), в котором сказка о жадном художнике и лживом портрете впервые увидела свет ¹⁵. К сожалению, она превратилась в основное событие в жизни Ван Чжаоцзюнь не только в ее биографии из «Википедии» ¹⁶, но и в некоторых серьезных научных изданиях (см. [Сычев, 2014, с. 209]).

Дальнейшее развитие легенды представлено в «Бяньвэнь о Ван Чжаоцзюнь» (王昭君變文 *Ван Чжаоцзюнь бяньвэнь*) эпохи Тан ¹⁷. В этом произведении ошибочно сказано, что якобы Китай был слаб, а сюнну сильны и агрессивны, и, чтобы задобрить их и спасти родину, Ван Чжаоцзюнь решила пожертвовать собой. На самом деле при Юань-ди ханьский Китай находился на пике своего могущества, а сюнну были очень слабы ¹⁸. Большинство более поздних китайских стихотворений, драм и других литературных произведений об «отъезде Мин-фэй» опиралось на «Бяньвэнь о Ван Чжаоцзюнь» и подобные сочинения.

То же относится и к живописи, включая приписываемый Гун Сужань свиток, который считается первым живописным изображением «отъезда Мин-фэй». Обычным атрибутом Ван Чжаоцзюнь на таких картинах является *nipa*, что связано еще с одной легендой. Согласно ей, по дороге на север, к сюнну, Ван Цян во время привала заиграла на *nipe* печальную мелодию. Пролетавшие мимо дикие гуси так заслушались прекрасной музыкой, что забыли взмахивать

¹⁴ Ван Чжаоцзюнь. URL: <https://baike.baidu.com/item/王昭君/5307> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

¹⁵ Сицзин цзацзи. URL: <https://baike.baidu.com/item/西京雜記/2838733> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

¹⁶ Ван Чжаоцзюнь. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ван_Чжаоцзюнь (дата обращения 21.01.2023).

¹⁷ Рукопись «Бяньвэнь о Ван Чжаоцзюнь» была найдена в Дуньхуане. Ван Чжаоцзюнь бяньвэнь. URL: <https://baike.baidu.com/item/王昭君變文/54131469> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

¹⁸ Еще до вступления Юань-ди на престол, при его отце Сюань-ди (宣帝, правл. 74–49 гг. до н. э., личное имя Лю Биньши 劉病已, 91–49 гг. до н. э.) у сюнну разразилась гражданская война 58–53 гг. до н. э. по поводу престолонаследия. На 57 г. до н. э. одновременно действовало пять самопровозглашенных шаньюев, причем, когда погибали одни претенденты на престол, на смену им заступали другие. После ряда неудач в этой борьбе Хуханьшаньюй в 53 г. до н. э. прибыл на аудиенцию к императору Сюань-ди. Это была первая встреча правителей двух держав за 147 лет существования между ними дипломатических переговоров. Хуханьшаньюй поклялся в верности Хань и в обмен на это получил ее помощь. В 49 г. до н. э. он вторично ездил на прием к китайскому императору с изъявлением покорности. В 36 г. до н. э. при помощи китайцев был убит последний нелегитимный претендент на титул шаньюя Чжичжи. И только после этого, обретя безопасный тыл, Хуханьшаньюй решил в 33 г. до н. э. еще раз приехать в Чанъань уже к императору Юань-ди с просьбой породниться с Хань [Таскин, 1973, с. 32–39].

крыльями и упали на землю¹⁹. Но у легендарной героини свитка об «отъезде Мин-фэй», оказывается, был близкий к предполагаемому времени создания картины реальный прототип.

История цзиньской принцессы Ци

Речь идет о чжурчжэньской принцессе княжества Ци (岐国公主 *Циго гунчжу*, точные даты рождения и смерти неизвестны), четвертой дочери седьмого цзиньского императора Вэй-шао-вана (卫绍王, правл. 1208–1213, личные имена Ваньянь Юнцзи 完颜永济 и Ваньянь Синшэн 完颜兴胜²⁰, 1168–1213). Он вступил на престол в 1208 г., наследовав своему племяннику Чжан-цзуну (章宗, правл. 1189–1208, личное имя Ваньянь Цзин 完颜璟, 1168–1208). Считается, что Ваньянь Юнцзи был нерешительным, неспособным к управлению страной и не умел разбираться в людях, что его в итоге и погубило. Незадолго до этого, в 1206 г., монгольский вождь Темуджин был провозглашен Чингисханом. В 1211 г. он начал войну против Цзинь. На первых порах чжурчжэни успешно обороняли города, но терпели поражение в поле²¹.

В 1211 г. Ваньянь Юнцзи разжаловал военачальника Хушаху (胡沙虎), отвечавшего за оборону Западной столицы чжурчжэней (совр. Датун 大同), но бросившего город на произвол судьбы. Через год, в 1213 г., Ваньянь Юнцзи простил Хушаху и призвал его для обороны Средней столицы (Яньцзин, совр. Пекин), где находился императорский двор. Хушаху и там пренебрегал своими обязанностями. Когда в августе 1213 г. Ваньянь Юнцзи попытался урезонить Хушаху, тот поднял мятеж, захватил столицу и сверг императора с престола, вскоре отравив его. В сентябре 1213 г. Хушаху сделал новым императором Сюань-цзун (宣宗, правл. 1213–1224, личное имя Ваньянь Сюнь 完颜珣, 1163–1224) и потребовал разжаловать предшественника в простолюдины. Но через месяц Хушаху был убит, а в 1216 г. Сюань-цзун посмертно реабилитировал Ваньянь Юнцзи с титулом Вэй-шао-вана (каковым тот обладал до вступления на престол)²².

Осенью 1213 г., пока происходили описанные выше драматические события, монгольское войско подступило к Средней столице чжурчжэней. Сюань-цзун вступил с монголами в переговоры о мире, и в марте 1214 г. соглашение было подписано. Одним из условий снятия осады оказалось предоставление Чингисхану невесты из рода чжурчжэньских императоров. На тот момент среди дочерей действующего и бывших цзиньских императоров имелось семь незамужних девушек. Выбор пал на принцессу Ци, дочь убитого незадолго до того Ваньянь Юнцзи (Вэй-шао-вана), которая среди всех прочих претенденток оказалась «самой красивой, хотя и обычной внешности». Во дворце ее звали «маленькая старшая сестра» (小姐姐 *сяо цзецзе*). Принцесса согласилась поехать на север к монголам ради спасения родины²³.

В качестве сопровождающих ей выделили десять офицеров и сто солдат, а как подарки при заключении мира – пятьсот юношей и девушек, три тысячи комплектов вышитых одежд, три тысячи лошадей, много золота и серебра, драгоценные нефриты. Мать девушки, дама Циньшэн из рода Юань (钦圣夫人袁氏 *Циньшэн фужэнь Юань ши*), также сопровождала ее

¹⁹ Ван Чжаоцзюнь. URL: <https://baike.baidu.com/item/王昭君/5307> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

²⁰ Последнее имя даже не сохранилось в официальной династийной истории «Цзинь ши» [Воробьев, 1983, с. 110].

²¹ Ваньянь Юнцзи. URL: <https://baike.baidu.com/item/完颜永济/6891441> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

²² В цитируемом маньчжурском переводе «Цзиньши» («Аньчунь Гурунь») хронология сдвинута на год: свержение и убийство Ваньянь Юнцзи относится к 1212, а заключение мира и передача принцессы Ци монголам – к 1213 г. (см. [История золотой империи, 1998, с. 196–200]).

²³ Циго гунчжу. URL: <https://baike.baidu.com/item/岐国公主/5164307> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

в Монголию²⁴. Монголы называли новую ханшу «принцесса-императрица» (公主皇后 *гун-чжу хуан-хоу*). Чингисхан относился к ней очень хорошо, а поскольку принцесса была из знатной семьи, специально создал для нее четвертый ордо (дворец). Детей у принцессы Ци не было, но она прожила долгую жизнь. Когда Великим ханом стал Ариг-Буга (1219–1266, правл. 1259–1264), она была еще жива²⁵.

Надо сказать, что новообретенное родство с Чингисханом цзиньскому Сюань-цзуну не очень помогло. После отступления монголов от Средней столицы он решил перенести свой двор в Южную столицу (Бяньцзин 汴京, совр. Кайфэн). Чингисхан посчитал это нарушением соглашения и, используя сдавшиеся ему чжурчжэньские отряды, вновь окружил и в 1215 г. взял Яньцзин [Воробьев, 1975, с. 124].

Картина «Кочевники» Ху Хуаня

До недавнего времени картина «Кочевники» (番骑圖 *Фаньци ту*) (26,2 × 143,5 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Пекин) практически единодушно приписывалась Ху Хуаню 胡环 (Ху Хуаю 胡鑣) – этническому киданю (契丹 *цидань*) жившему в национальном государстве Ляо (遼, 916–1125) в первые десятилетия его существования, т. е., согласно традиционной китайской хронологии, в эпоху Пяти династий (907–960) [Чжунго жэньхуа..., 2004 с. 56; Чжунго лидай..., 2004, с. 520]. Однако около 15 лет тому назад известный историк искусства профессор Сюй Банда (徐邦达, 1911–2012) обратил внимание, что на картине изображены женщины в характерных для монгольского времени головных уборах – *бокках* и, следовательно, она не могла быть создана ранее частичного (первая половина XIII в.) или полного (эпоха Юань, 1279–1368) завоевания Китая монголами²⁶. Проведенное нами независимое исследование, не учитывающее присутствие на персонажах *бокк* и их датировку, также показало, что картина «Кочевники» не может принадлежать кисти художника Ху Хуаня (Ху Хуая), жившего в конце IX – начале X в. Она создана гораздо позже и должна датироваться серединой – второй половиной XIII в. [Варенов, Пан, 2022, с. 38–39].

Впервые о Ху Хуане сказано в знаменитом трактате по истории китайской живописи «Записки о живописи: что видел и слышал» (圖畫見聞誌 *Тухуа цзянь вэнь чжи*) Го Жо-сюя (郭若虚, XI в.). Относя его к мастерам фигуративной живописи (*жэньхуа* 人物畫) конца эпохи Тан (618–907), Го Жо-сюй пишет следующее:

Ху Хуай, родом из Фаньяна. Писал чужеземных лошадей. Хотя его искусство излишне богато деталями, но кисть ясна и сильна. Что до изображений хижин под небом, различной утвари, стрельбы на охоте, одушевленных и неодушевленных предметов, то во всем он (проникал) в самую суть необычного. При изображении грив и хвостов верблюдов и лошадей, одежд людей и шкур животных он привязывал к кисти волчью шерсть и брызгал тушью, чтобы передать их тонкость и силу (цит. по: [Го Жо-сюй, 1978, с. 43]).

На картине «Фаньци ту» нет подписи или печати автора²⁷. Показано девять фигур, движущихся справа налево, т. е. от начала свитка в его глубину. Впереди процессии верхом едут двое мужчин, отворачивающих лица от встречного ветра. Хвосты их коней распущены и свободно развеваются. За ними пешком идут две женщины, кутающиеся в длинные, свободно волочащиеся по земле одеяния, из-под которых едва выглядывают концы их остроносой обуви. На женщинах высокие головные уборы с красным верхом, их лица почти до самых глаз закрыты белыми матерчатыми повязками. Младшая из женщин ведет нагруженную поклажей верблюдицу, за ней следует верблюжонок (рис. 3, 1).

²⁴ Циньшэн – титул наложницы пятого ранга в империи Цзинь. Циньшэн фужэнь. URL: <https://baike.baidu.com/item/钦圣夫人/15650133> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

²⁵ Циго гунчжу. URL: <https://baike.baidu.com/item/岐国公主/5164307> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

²⁶ Сюй Банда. URL: <https://baike.baidu.com/item/徐邦达/1070459> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

²⁷ Фаньциту. URL: <https://baike.baidu.com/item/番骑图/22909789> (на кит. яз.) (дата обращения 21.01.2023).

Рис. 3. Картина Ху Хуаня «Кочевники»:
1 – фрагмент (левая часть); 2 – фрагмент (правая часть).
По: [Чжунго мэйшу..., 1984, с. 109, рис. 56]

Fig. 3. Hu Huan's "Nomads" painting:
1 – fragment (left part); 2 – fragment (right part).
As per: [Zhongguo meishu..., 1984, p. 109, fig. 56]

Мы считаем эту женщину младшей по возрасту и, видимо, по статусу. У нее, в отличие от спутницы, яркий румянец во всю щеку, и красного цвета лишь наплечная накидка, являющаяся частью бокки, а не вся одежда. На одном уровне с верблюжонком движется спешившийся всадник, ведущий в поводу своего коня. Замыкает процессию мужчина в шапке с красным верхом, едущий на белой лошади, с уздечки которой свисает красная кисть как символ его знатности. Хвосты замыкающих коней также распущены (рис. 3, 2). Между верблюдами с поклажей и замыкающим всадником в верхней части изобразительного поля свитка помещено собственноручно написанное цинским императором Цяньлуном стихотворение с оценкой картины [Варенов, Пан, 2022, с. 24–25].

Заключение

По композиции свиток Гун Сужань чрезвычайно напоминает полотно Чжан Юя. Высота обоих произведений близка (30,2 и 29 см соответственно), но бумажный вариант длиннее на целый сунский *чи* (31 см) – 160,2 против 129 см. Видимо, поэтому в попытке сохранить целостность композиции, увеличив ее длину, автором добавлены две дополнительные фигуры, а четыре их группы расположены свободнее, пустого пространства между ними больше, чем у Чжан Юя. Если масштабировать свитки так, чтобы их длина оказалось одинаковой, это становится особенно заметно (рис. 4, 1, 2).

Картина «Кочевники» не является прямым подражанием или копией двух предшествующих. Даже фигуры на ней движутся в иную сторону, чем у Чжан Юя и Гун Сужань, – не слева направо, из глубины свитка, а наоборот, справа налево, внутрь его. Вместе с тем все три картины объединяет общий сюжет – конная процессия (возможно, свадебная) с девушкой

в качестве главного персонажа, упорно движущаяся вперед навстречу холодному зимнему ветру. Сходство, особенно композиционное, становится гораздо заметнее, если картину «Кочевники» зеркально обратить, а ее длину за счет масштабирования сделать такой же, как у двух предыдущих (рис. 4, 3).

Рис. 4. Три картины об отъезде девушек на чужбину:

1 – Чжан Юй «Вэньцзи возвращается в Хань» (общий вид); 2 – Гун Сужань «Мин-фэй покидает заставу» (общий вид); 3 – Ху Хуань «Кочевники» (общий вид). Картины масштабированы и скомпонованы в таблицу А. В. Вареновым по: 1 – [Чжунго жэньхуа..., 2004, с. 126–127]; 2 – [Чжунго лидай..., 2004, с. 893, рис. 290]; 3 – [Чжунго мэйшу..., 1984, с. 109, рис. 56]

Fig. 4. Three paintings about girls leaving for foreign lands:

1 – Zhang Yu's "Wenji returns to Han" full view; 2 – Gong Suran's "Ming-fei leaves the fort" full view; 3 – Hu Huan's "Nomads" full view. Paintings were scaled and consolidated into a table by A. V. Varenov as per: 1 – [Zhongguo renwuhua..., 2004, pp. 126–127]; 2 – [Zhongguo lidai..., 2004, p. 893, fig. 290]; 3 – [Zhongguo meishu..., 1984, p. 109, fig. 56]

Центром композиции, например, на картине Чжан Юя, оказывается фигура героини, смело едущей вперед навстречу ветру, не закрывая и не отворачивая лица, в отличие от многих своих попутчиков. Поскольку бумажный свиток, приписываемый Гун Сужань, считают копией с полотна Чжан Юя, атрибуция сюжета последнего как «Возвращение Цай Вэньцзи» может быть ошибкой, совершенной уже в XVIII в. тем же Цяньлуном, который ошибся с местом создания этой картины.

Попытки сопоставить живописные произведения Чжан Юя и Гун Сужань не новы, в том числе и в отечественной науке. Например, Н. В. Хрипунов в одной из таблиц к своей статье параллельно разместил тождественные элементы двух полотен, считая их анонимными, под общим заголовком «Фрагменты картины "Возвращение леди Венчжи (так в оригинале. – А. В.) в Китай"». Свиток Чжан Юя он называл «картина времени династии Цзинь (1115–1234 гг.). Вероятно, XII в.», а Гун Сужань – «реплика той же картины династии Южная Сун или Юань, XIII в.» [Хрипунов, 2012, табл. 18].

Поскольку мы теперь точно знаем, что полотно Чжан Юя действительно цзиньское и датируется первой третью XIII в., точнее 1214–1234 гг., приписываемый Гун Сужань свиток

должен быть его поздне-цзиньской или юаньской копией примерно второй четверти XIII в. Разумеется, в таком случае об авторстве Гун Сужань, жившей в XII в., речь идти никак не может, разве что считать, что художница тоже жила в XIII в.

Трагическая судьба юной цзиньской царевны, сначала потерявшей отца, а потом почти сразу после этого отправленной на чужбину в качестве трофея-откупа, совсем как восточно-ханьская Цай Янь, могла вдохновить Чжан Юя вскоре после событий 1213–1214 гг. на написание картины о Цай Вэньци. В момент создания полотна надежда на общий реванш чжурчженей и возвращение принцессы Ци еще не угасла окончательно.

Его более поздняя бумажная копия, приписанная Гун Сужань, при сохранении даже в деталях общей композиции уже явно намекает (через образ служанки с *тиной*) на пожертвовавшую собой, по версии «Бяньвэнь о Ван Чжаоцзюнь», ради блага страны, наложницу Мин (Мин-фэй), которая назад в Китай никогда не вернулась. Но у этой истории, возможно, есть и еще более поздняя художественная интерпретация. Имеется в виду картина Ху Хуаня «Кочевники» («Фаньци ту»).

Ранее мы уже пришли к выводу, что «фигуры на картине “Кочевники” можно расценивать как изображение свадебной процессии (возможно, представлена только сторона невесты)» [Варенов, 2022, с. 45]. Известная нам история замужества принцессы Ци и данные о ее жизни у монголов позволяют предположить, что картина «Кочевники» (вполне возможно, что первоначально под иным названием) могла быть написана по ее заказу в середине XIII в. и изображать ее собственную свадебную процессию.

В пользу этого говорит и общее направление движения фигур. На картинах Чжан Юя и Гун Сужань, написанных «со стороны Цзинь», они движутся слева направо, как бы «выезжая» из свитка по мере его развертывания, а в монгольских «Кочевниках» – справа налево, «заезжая» внутрь него. Выходящая замуж девушка – это принцесса Ци, которая идет рядом со своей матерью дамой Циньшэн, сопровождающей ее в Монголию. Принцесса ведет в поводу верблюдицу, нагруженную приданым. Таким образом, вероятно, символически представлены «подарки» (одним из них была и сама новобрачная), которыми цзиньский Сюаньцзун заплатил за снятие осады со своей столицы.

Невеста еще не облачилась в полный женский наряд (красного цвета у нее лишь являющаяся частью бокки наплечная накидка, а не всё платье), поскольку реально свадьба состоялась уже на территории Монголии. Мать и дочь показаны в одеждах жен монгольской знати, видимо, с учетом их текущего на момент создания картины статуса. Замыкающий процессию мужчина в шапке с красным верхом, с узды коня которого свисает красная кисть (также являющаяся символом знатности), может быть либо монгольским послом, либо самим будущим мужем принцессы – Чингисханом.

Таким образом, все три рассмотренных картины могли в художественной форме отражать одно и то же событие, произошедшее в 1214 г. Свитки Чжан Юя и Гун Сужань являлись аллегориями. Через древние аналогии (хотя и оснащенные реалиями текущего дня в виде одежды изображаемых фигур, особенностей убранства их коней и т. п.) они символически намекали на современное живописцам событие. Картина «Кочевники», напротив, задумана как вполне реалистическая, хотя, возможно, задним числом слегка и приукрашивающая действительность в плане трактовки одежды главных персонажей.

Список литературы

БКРС – Большой китайско-русский словарь. М.: ГРВЛ, 1983. Т. 1. 552 с.

Борисов Д. Э. Биография Цао Цао: на перепутье. Смерть императора Лин-ди и переворот Дун Чжо (188–189 гг. н. э.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 10: Востоковедение. С. 54–61.

Борисов Д. Э. Биография Цао Цао: перемена участи. Восстание лоялистов и развал лагеря повстанцев (190–192 гг. н. э.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 137–146.

- Борисов Д. Э., Варенов А. В.** Политика Поздней Хань в отношении северных соседей и ее последствия для экономики империи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 129–136.
- Варенов А. В.** Средневековая китайская картина «Кочевники», бокки и изображения фигур в длиннополых одеждах на скалах Хакасии в Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 10: Востоковедение. С. 37–50. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-37-50
- Варенов А. В., Пан Т. А.** Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 21–41. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41
- Воробьев М. В.** Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М.: ГРВЛ, 1975. 448 с.
- Воробьев М. В.** Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: ГРВЛ, 1983. 368 с.
- Го Жо-сюй.** Записки о живописи: что видел и слышал / Пер. К. Ф. Самосюк. М.: ГРВЛ, 1978. 240 с.
- История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 288 с.
- Сычев В. Л.** Классическая живопись Китая в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции. М.: Гос. музей Востока, 2014. 248 с.: ил.
- Таскин В. С.** Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Выпуск второй / Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. М.: ГРВЛ. 1973. 168 с.
- Хрипунов Н. В.** Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация: Сб. ст. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып. 5. С. 363–393.
- Чжунго жэньхуа минцзо цзяньшан [中国人物画名作鉴赏. 张弘主编]. Собрание шедевров китайской фигуративной живописи. Под ред. Чжан Хуна. Пекин: Юаньфан чубаньшэ, 2004. 242 с. (на кит. яз.)
- Чжунго лидай минхуа цзяньшан [中国历代名画鉴赏. 蒋文光主编]. Собрание известных китайских картин прошлого. Под ред. Цзян Вэньгуана. Пекин: Цзиньдунь чубаньшэ, 2004. 2546 с. (на кит. яз.)
- Чжунго мэишу цюаньцзи. Хуйхуапянь 2. [中国美术全集. 绘画编 2. 隋唐五代绘画. 金维诺主编]. Полное собрание китайского искусства. Живопись. Том. 2. Суй, Тан, Пять династий. Под ред. Цзинь Вэйно. Пекин: Вэньчунь чубаньшэ, 1984. 30 + 50 с., 179 л. цв. илл. (на кит. яз.)

References

- Bolshoi kitaisko-russkiy slovar [The Big Chinese-Russian Dictionary]. Moscow, GRVL, 1983, vol. 1, 552 p. (in Russ.)
- Borisov D. E.** The Biography of Cao Cao: at the Crossroads: Emperor Lin's Death and Dong Zhuo's Takeover (188–189 AD). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 10: Oriental Studies, pp. 54–61. (in Russ.)
- Borisov D. E.** The Biography of Cao Cao: Change of Fate: the uprising of “loyal rebels” and disintegration of their camp (190–192 AD). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, pp. 137–146. (in Russ.)
- Borisov D. E., Varenov A. V.** Eastern Han Policy Regarding Northern Neighbours and its Consequences for the Economics of the Empire. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, pp. 129–136. (in Russ.)
- Guo Ruo-xu (郭若虚).** Zapiski o zhivopisi: chto videl i slyshal [Notes on Painting: What I Saw and Heard]. Moscow, GRVL, 1978, 240 p. (in Russ.)

- Istoriya Zolotoi imperii [The History of the Golden Empire]. Transl. by G. M. Rozov, comment. by A. G. Malyavkin. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1998, 288 p. (in Russ.)
- Khripunov N. V.** Odezhda znati Velikoi imperii mongolov v 1207–1266 godakh [Clothes of the Nobles of the Great Mongolian Empire in 1207–1266]. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Civilization of the Golden Horde]. Collection of Papers. Kazan, Sh. Mardzhani Institute of History AS RT, 2012, iss. 5, pp. 363–393. (in Russ.)
- Sychev V. L.** Chinese Classical Painting in the Collection of the State Museum of Oriental Art. Moscow, State Museum of Oriental Art, 2014, 248 pp.: pl. (in Russ.)
- Taskin V. S.** Materialy po istorii sunnu (po kitaiskim istochnikam). Vypusk vtoroi [Materials on the Xiongnu History (According to Chinese Sources). The Second Issue]. Foreword, Translation and Notes by V. S. Taskin. Moscow, GRVL, 1973, 168 p. (in Russ.)
- Varenov A. V.** Medieval Chinese Painting “Nomads”, Boqtag and Rock Carvings of Human Figures in Long Robes from Khakassia in South Siberia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 10: Oriental Studies, pp. 37–50. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-37-50
- Varenov A. V., Pan T. A.** Medieval Chinese Painting “Nomads” and the Problem of its Attribution. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 21–41. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41
- Vorobiev M. V.** Jurchen and the State of Chin (10th Century – 1234). Historical essays. Moscow, GRVL, 1975, 448 p. (in Russ.)
- Vorobiev M. V.** Kultura chzhurchzhenei i gosudarstva Tsin [Culture of Jurchen and the State of Chin (10th Century – 1234)]. Moscow, GRVL, 1983. 368 p. (in Russ.)
- Zhongguo lidai minghua jianshang [中国历代名画鉴赏. 蒋文光主编]. A Collection of Chinese Famous Paintings of the Past. Ed. by Jiang Wenguang. Beijing, Jindun Publ., 2004, 2546 p. (in Chin.)
- Zhongguo meishu quanji. Huihua bian 2 [中国美术全集. 绘画编 2. 隋唐五代绘画. 金维诺主编]. A Complete collection of Chinese Art. Painting. Vol. 2. Sui, Tang, Five Dynasties. Ed. by Jin Weinuo. Beijing, Wenwu Publ., 1984. 30 + 50 p., 179 colour pl. (in Chin.)
- Zhongguo renwuhua mingzuo jianshang [中国人物画名作鉴赏. 张弘主编]. A Collection of Chinese Figure Painting Masterpieces. Ed. by Zhang Hong. Beijing, Yuanfang publishers, 2004, 242 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Андрей Васильевич Варенов, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57189442974
RSCI Author ID 556744
SPIN 3690-2300

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57189442974
RSCI Author ID 556744
SPIN 3690-2300

Статья поступила в редакцию 30.01.2023;
одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 09.02.2023
The article was submitted on 30.01.2023;
approved after review on 05.02.2023; accepted for publication on 09.02.2023

Научная статья

УДК 398.4 + 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-102-114

Фольклорная основа трех позднетанских новелл о вторжении в чужой сон

Аглая Борисовна Старостина

Институт востоковедения Российской академии наук

Москва, Россия

abstarostina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2421-2484>

Аннотация

Статья посвящена предполагаемой фольклорной основе трёх китайских новелл эпохи Тан о вторжении мужа в сон жены: «Записок о трёх снах» Бо Синцзяня, «Студента Чжана» Ли Мэя и «Дугу Сяшу» Сюэ Юйсы. Психологизм, свойственный этим новеллам, маскирует их содержательную близость к фольклорным рассказам о путевой встрече со сверхъестественным или необычайным. Использование китайского и инокультурного сравнительного материала позволяет показать, что эти новеллы обязаны своим появлением вере в ночные пиршества духов и возможности участия в них человека. Все они строятся на сказочной модели спасения брачного партнера: прекращая сон жены, герой тем самым избавляет ее от наваждения. В ту же группу следует включить еще около десятка китайских нарративов VIII–X вв., в центре которых находится участие женщины в празднествах духов. Своим возникновением подобные сюжеты, не имеющие близких аналогов в предшествующей и последующей китайской традиции, наиболее вероятно, обязаны влиянию фольклора и верований иранских народов.

Ключевые слова

китайский фольклор, фольклор Центральной Азии, танская новелла, миграция сюжетов

Для цитирования

Старостина А. Б. Фольклорная основа трех позднетанских новелл о вторжении в чужой сон // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 102–114. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-102-114

Folklore Basis of Three Late Tang Period Stories about the Intrusion into Another's Dream

Aglaia B. Starostina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

abstarostina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2421-2484>

Abstract

The article aims to explore alleged folklore basis of three Chinese *chuanqi* tales about a husband's intrusion into his wife's dream written during the middle-late Tang period, namely, the first episode of “A Record of Three Dreams” by Bai Xingjian, “Student Zhang” by Li Mei, and “Dugu Xiashu” by Xue Yusi. The psychologism inherent in these stories masks their closeness to folklore and literature tales about supernatural or uncommon road encounters. The use of Chinese and foreign comparative material allows us to show that these stories originate in belief in the night feasts of spirits and in the possibility of humans participating in those feasts. Two of the three tales, “Student Zhang” and

© Старостина А. Б., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 102–114

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 102–114

“Dugu Xiashu”, also contain the international motif of a musician engaged to entertain spirits or devils during their night revels. All three *chuanqi* are based on a fairy-tale concept of rescuing a spouse: by interrupting his wife’s sleep, the hero thus saves her from spirit possession that could end badly for her. It is possible to conclude that the international tale type of the three tales about a husband’s intrusion into his wife’s dream come, in some respects, closest to is “The Danced-out Shoes”. About a dozen Chinese narratives of the 8th – 10th centuries in the centre of which is the participation of a woman in the night feasts of spirits including even Daoist immortals, which should be assigned to the same group. Such plots, which have no close analogues in previous and subsequent Chinese tradition, most likely owe their appearance to the influence of folklore and beliefs of the Iranian peoples.

Keywords

Chinese folklore, folklore of Central Asia, Tang era *chuanqi*, plot migration

For citation

Starostina A. B. Folklore Basis of Three Late Tang Period Stories About the Intrusion into Another’s Dream. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 102–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-102-114

Введение

Сюжетная проза эпохи Тан (VII – начало X в.) сосредоточена на столкновении обыденного с необычайным. Это отражено в названиях многочисленных танских рассказов и новелл: они трактуют «удивительное», «чудесное», понимаемое очень широко. К необычайному относятся не только сферы, где обитают мифологические персонажи, но и миры куртизанок, разбойников, странствующих храбрецов и редкие по яркости проявления чувств. Кроме того, проза этого времени тесно связана с фольклором, в первую очередь с мифологическим рассказом и сказкой. Наряду с произведениями, где роль авторской фантазии очень заметна, существуют и записи устных рассказов, подвергшихся минимальной литературной обработке. Даже красочные авторские новеллы, полные аллюзий или сатирически заостренные, нередко заимствуют канву и образы из демонологических или агиографических повествований. Поэтому исследование танской сюжетной прозы может быть полным только при учете фольклорной составляющей.

Фольклорному мифологическому рассказу и сказке наследуют в том числе десятки рассказов и новелл, где встреча с необычайным происходит в пути – пространстве не своем и не чужом, переходном. Придорожные объекты – рощи, станции, поля, пустыри, заброшенные и жилые строения – оказываются порталами в другой мир. На горной дороге торговцам попадают сидящие на деревьях одноногие демоны, которые вымогают деньги и косметику¹; в придорожной гостинице беглецы знакомятся с убийцей и авантюристом – своим будущим благодетелем²; студент замечает у обочины дочь Царя драконов³.

В трех новеллах VIII – начала IX в., написанных на один и тот же сюжет, герой, возвращаясь после отлучки, встречается за городом в придорожном храме или на пустоши странных людей, пирующих в ночи, и среди них – свою жену. Пораженный и задетый, он бросает в собравшихся кусок черепицы или кирпич, и всё исчезает. На следующий день, вернувшись домой, он узнает, что виденное им наяву совпадает со сном его жены. Эти новеллы – «Записки о трех снах» (三夢記 *Сань мэн цзи*) Бо Синцзяня 白行簡⁴, «Дугу Сяшу» (獨孤遐叔) Сюэ Юйсы 薛漁思 и «Студент Чжан» (張生 *Чжан шэн*) Ли Мэя 李玫. Две последние сохранились в составе ТПГЦ и включены в раздел «Сны», соответственно в 281 и 282 цзюани [Ли Фан,

¹ Рассказ «Полосатики» (斑子 «Бань-цзы») из «Обширных записок о странном» (廣異記 «Гуан и цзи»), по 428 цзюаню свода «Обширные записки годов Тайпин» (太平廣記 *Тайпин гуан цзи*, 977–978 гг.), далее ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 3480–3481].

² Новелла неизвестного автора «Чужеземец с курчавой бородой» (虬髯客 «Цю жань кэ»), по 193 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 1445–1448].

³ Новелла Ли Чаовэя (李朝威) «Лю И» (柳毅), по 419 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 3410–3417].

⁴ [Бо Синцзянь, 2007, с. 358–363].

2006, с. 2244–2245, 2250–2251]. На русском языке из них, насколько нам известно, была издана только одна – «Записки...» в переводе О. Л. Фишман⁵.

Использование разными авторами одного сюжета – частое явление в традиции китайской раннесредневековой прозы. Поскольку многие литераторы собирали устные истории, которые затем превращали в компактные тексты на классическом письменном языке, неудивительно, что среди них иногда встречались родственные. Это, в частности, демонстрирует С. М. Аллен на примере нескольких групп («кластеров») танских нарративов [Allen, 2014, p. 55–123]. Бывали и пародии или метафорические пересказы чужих историй; но в рассматриваемых трех новеллах таких признаков нет. Мы исходим из наиболее вероятного предположения о независимой записи и обработке разных вариантов сюжета в схожей среде.

Эти три новеллы обычно трактуют как истории о необычных снах. При этом И. В. Ма (Y. W. Ma, Ма Ююань 馬幼垣) обратил внимание на то, что в них нарушена приватность сновидения: персонажи и обстановка сна одного человека оказываются доступны другому, бодрствующему. А это непонятно с точки зрения предшествующей традиции и не находит параллели в богатой китайской литературе о снах [Ма, 1980, p. 173].

Но, если рассматривать эти новеллы как «путевые» нарративы, неясность снимается. Придорожный храм или пустырь – типичное место встречи с представителями иного мира. Жена, которую видит герой, – это, очевидно, странствующая во время сна душа (см. [Цзи Сяньлинь, 1996, с. 448; Хуан Дунъян, 2007, с. 12–13; Ли Пэнфэй, 2004, с. 305–307]). Значит, технически нарушения приватности сна не происходит. Муж наблюдает взаимодействие души своей жены с духами в потустороннем мире наяву, – только в воспоминаниях проснувшейся женщины события интерпретируются как сон.

В китайской раннесредневековой прозе ночные пиры духов – редкий мотив, его удастся обнаружить примерно в десятке включенных в ТПГЦ рассказов и новелл, и только начиная с VIII в. Фантастические темы и мотивы, которые повторяются в нескольких произведениях и не укладываются в принятую в данное время в данной культуре картину мира, указывают на переосмысление литераторами фольклорных представлений, пришедших извне.

Настоящая статья призвана показать, что привлечение сравнительного материала позволяет, во-первых, восстановить внутреннюю логику устных сообщений, переработанных в новеллы о попадании мужа в сон жены, и, во-вторых, сделать информированные предположения о верованиях, которые лежали в основе этих сообщений.

Содержание новелл о вмешательстве в чужой сон

В «Записках...» интересующий нас сюжет не единственный, новелла состоит из трех эпизодов, иллюстрирующих разновидности чудесных снов (сон, во время которого спящий направляется в некоторое место, а другой его там встречает; сон о действиях, которые в реальности совершает в это время другой; встреча двух людей в одинаковом для обоих сне). Для нас релевантен только первый из них. Ниже приведено короткое изложение первого микросюжета «Записок...», «Студента Чжана» и «Дугу Сяшу» (в хронологическом порядке).

«Записки о трех снах» (первый эпизод)

Герой – историческое лицо, государственный деятель по имени Лю Юцю (劉幽求, 655–715). Он служит помощником уездного начальника в Чаои. Возвращаясь из командировки ночью, в нескольких километрах от дома он обнаруживает буддийский храм. Услышав пение и смех, он ложится на землю и подсматривает за гуляками через щель в стене. Он видит десять с лишним человек, сидящих вперемешку мужчин и женщин⁶. Они пируют, и с ними

⁵ [Бо Синцзянь, 1960, с. 146–149].

⁶ В переводе О. Л. Фишман речь идет не о смешанной, а о женской компании, что существенно меняет акценты; но выражение 兒女雜坐 (*эр нюй цза цзо*) недвусмысленно указывает на то, что мужчины и женщины сидели вперемешку.

беседует и смеется его жена. Лю хочет вмешаться в ситуацию, но двери в храм заперты; он бросает в зал черепицу, и она попадает в сосуд для умывания рук. Всё исчезает. Лю перелезает через стену и со слугами осматривает залы, ничего не находя. Удивленный, он возвращается домой. Разбуженная жена с улыбкой рассказывает ему, что во сне отправилась с незнакомцами в загородный храм. Когда сели за еду, кто-то бросил в зал черепицу, посуда разлетелась, и она проснулась. Лю тоже сообщает о виденной им сцене.

«Студент Чжан»

Герой – бедный ученый по фамилии Чжан. Он живет в пригороде уездного города Чжунму. После пятилетней отлучки он возвращается домой с севера верхом на осле. Вечером он выходит из ворот Чжэнчжоу (до дома ему остается 20 или 30 километров). Вдруг на пустоши он видит свет от ламп: пять-шесть человек устроились пировать. Чжан спешивается и подходит ближе. На расстоянии примерно десяти шагов он замечает среди пирующих свою жену. Чжан прячется в тополях и видит, как люди в цветных одеждах, среди них два иноземца, один в черном, другой в фиолетовом, заставляют его жену петь для них и поят ее вином. Она плачет и сочиняет на ходу печальные строчки о разлуке с мужем. В последней из строф она говорит, что ей кажется, будто пустошь с тополями – это только сон, и получает стихотворный ответ, смысл которого сводится к тому, что жизнь человеческая в принципе подобна сну. Услышав, как иранец в фиолетовом велит его жене спеть что-нибудь про любовь, Чжан в гневе поднимает с земли черепицу и бросает, угодив в голову «варвара». Следующей черепицей он попадает жене в лоб. Всё исчезает. Думая, что жена умерла⁷, Чжан возвращается, рыдая, и к рассвету добирается до дома. Служанка говорит, что у его жены с ночи болит голова. Чжан приходит к жене в комнату и узнает, что ей снились незнакомые люди на пустоши. Они заставляли ее пить вино и петь; откуда-то вылетела черепица, один кусок попал ей в лоб, и она проснулась с головной болью. Чжан понимает, что видел сон своей жены.

«Дугу Сяшу»

Герой – студент по имени Дугу Сяшу, проваливший экзамены на чиновничью должность «из-за бедности». Он живет в столичном квартале Чунсяньли. Дугу возвращается домой после двухлетней отлучки, хотя обещал молодой жене, что его не будет всего год. Он надеется к ночи быть дома, но вечер застигает его примерно в трех километрах от города. У дороги стоит буддийский храм, и Дугу Сяшу решает заночевать там. Он не может уснуть в раздумьях о доме, когда к храму приближается группа людей. Входят люди с метлами, убирают мусор, а затем накрывают на стол. Пировать садятся десять с лишним человек, женщины и мужчины. Дугу наблюдает за ними, спрятавшись на балке. Начинается пир. Одна из женщин, похожая на жену Дугу, сидит в стороне. Он спускается, присматривается и действительно узнает жену. Ее заставляют петь, она поет грустную песню о том, что ее любимый далеко. Присутствующие женщины плачут. Один из пирующих замечает: «Любимый недалеко, а вы говорите так, будто бы он на краю света». Юноши хохочут. Дугу в бешенстве подбегает кирпич и бросает в собравшихся. Всё исчезает. Думая, что жена умерла, печальный Дугу спешит домой. Боясь услышать худшее, он посылает вперед себя слугу, но оказывается, что дома всё в порядке. Служанка говорит, что хозяйке приснился дурной сон. Когда Дугу входит в комнату, жена еще лежит в постели. Опомнившись, она рассказывает, как во сне вышла погулять с родственницами за городские ворота. У какого-то храма на них напали несколько десятков хулиганов, которые угрозами заставили их сесть с ними за ужин и пить вино. Она пересказывает разговоры, которые запомнила во сне: всё совпадает с тем, что видел и слышал Дугу. По словам жены, она проснулась, когда кто-то бросил в собравшихся кирпич.

Первый эпизод «Записок о трех снах» заметно отличается от «Студента Чжана» и «Дугу Сяшу». Во-первых, «Записки о трех снах» близки к эссе, три эпизода-фабулата изложены

⁷ Как и в следующей новелле, опасение героя основано на поверье, согласно которому отделяемая душа являлась близким после или в момент смерти.

скупо, в них остается только костяк, призванный иллюстрировать три разновидности удивительных снов (о композиции новеллы см. [Алимов, 2017, с. 136–137]). Во-вторых, жена Лю Юцю видит не такой сон, как жёны героев двух других новелл. Она отправляется в монастырь и пирует там в смешанной компании, но это не кошмар, а забавное происшествие, и она рассказывает о нем с улыбкой. Жёны Чжана и Дугу Сяшу не согласны с происходящим, их тяготит и общее неприличие обстоятельств, и то, что с ними обращаются как с певичками, приглашенными для украшения пиршества. Если жене Лю Юцю снится, что она веселится среди равных, то жёны Чжана и Дугу Сяшу похищены и находятся на положении служанок.

Налицо два варианта сюжета: в одном жена героя участвует в пиршестве без принуждения, во втором – напротив, к тому же она вынуждена развлекать присутствующих пением.

Различие в содержании снов психологически оправдано положением, в котором находятся героини. Жена Лю Юцю изначально менее уязвима, чем женщины в двух других новеллах. Семья богата, муж служит давно, уезжает, видимо, ненадолго. Бедность и неопределенность – в отличие от скуки – ей незнакомы. Но в «Студенте Чжане» и «Дугу Сяшу» сохраняется опасность, что муж не вернется или не пришлет денег вовремя, – и тогда жена действительно может стать наемной артисткой, против воли развлекающей незнакомых мужчин на пиру. Сны с таким содержанием могли привидеться и мужьям – Лю Юцю, скорее всего, более беспокоился о том, верна ли ему жена и не скучает ли, двое других – еще и о ее безопасности. Этот смысловой слой при всей своей понятности и привлекательности маскирует и рационализирует фольклорное ядро.

Чтобы выявить это ядро, рассмотрим параллели к этим двум ситуациям, которые находят-ся среди танских историй о ночных пиршествах сверхъестественных существ.

Пирующие женщины

В танской прозе удалось найти еще только два рассказа, в которых женщина пирует вместе с духами без явного принуждения. В сборник «Гуан и цзи» (вторая половина VIII в.) включен рассказ «Жена секретаря налогового ведомства» (戶部令史妻 戶部令史妻 戶部令史妻) ⁸ о женщине, одержимой оборотнем серого журавля. Муж узнает об этом случайно. Он жалуется соседу-иностранцу на то, что его конь худеет и выглядит уставшим: сосед сообщает ему, что конь устает, поскольку вынужден по ночам проделывать путь в сотни верст. Ночью чиновник прячется и видит, как жена, приодевшись, садится на коня, ее служанка – на метлу, и обе исчезают из вида. На следующую ночь по совету того же соседа он еще раз подсматривает за женой. Жена чувствует «запах живого человека» (生人氣 生人氣), поджигает метлу и, пользуясь ей как факелом, тщетно пытается найти чужака. Затем она снова садится на коня, а служанке, оставшейся без метлы, в качестве средства передвижения достается большой кувшин, где как раз и спрятался чиновник. Так он оказывается на празднике, куда еженощно летает его жена. В горном лесу разбит шатер, в нем за столом сидит несколько пар. Они пьют вино и обнимаются. Пир заканчивается, и служанка обнаруживает присутствие постороннего. Чиновника сталкивают с горы, он вынужден идти домой пешком. После этого иностранец снова советует ему подстеречь жену и объясняет, что теперь оборотня можно будет поймать. Чиновник удерживает жену, не давая ей улететь, и тогда на землю падает серый журавль. Журавля сжигают, наваждение прекращается.

Второй рассказ, из сборника «Собрание записок о странном» (集異記 集異記 集異記) ⁹ (первая половина IX в.), называется «Сюй Ань» (徐安 徐安). Во время отлучки героя к его жене-красавице является видный молодой человек, и они становятся любовниками. Вернувшись, муж замечает холодность жены. Вечером она наряжается и во вторую стражу исчезает из дома, а возвращается на рассвете. Муж подстерегает ее на следующий вечер и видит, что она,

⁸ По 460 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 3765–3766].

⁹ По 450 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 3679–3680].

сев в старую корзинку, улетает в окно. На третий вечер, заперев жену в другой комнате, он надевает женское платье и садится в корзинку. Во вторую стражу корзинка вылетает в окно. Она приносит героя в горы, к месту, где стоит шатер. В шатре накрыт стол, за ним сидят трое. Герой убивает всех спрятанным в рукаве мечом и садится в корзинку, но она не летит. Чтобы идти домой пешком, он дожидается рассвета и обнаруживает, что убитые – лисы.

В обоих случаях женщины, несмотря на видимый энтузиазм, в действительности околдованы; в обоих случаях они совершают свои путешествия физически, отделения души не происходит.

Телесные полеты по воздуху на ночные празднества – случай для танской прозы еще более исключительный, чем проникновение в чужой сон. Японские исследователи Савада Мидзухо (澤田瑞穂) и Токура Хидэми (戸倉英美) предположили для «Жены секретаря» инокультурное происхождение. О нем свидетельствуют и роль варвара в сюжете, и отсутствие подобных рассказов в предшествующей и последующей литературной и фольклорной традиции, и наличие их в позднейших европейских повествованиях о ведьмах. Токура Хидэми при этом отмечает, что заимствованный сюжет был объединен с характерной для китайской демонологии верой в птичьи и звериные наваждения (по: [Окада Мицухиро, 2019]¹⁰). Та же гипотеза независимо была выдвинута в [Старостина, 2021]. Эти наблюдения дополняет незамеченная ранее история о жене Сюй Аня: другой вариант того же сюжета, «китаизированный» в несколько большей степени: оборотень серого журавля не встречается более нигде, а лисы-оборотни в этот период занимают в китайской демонологии видное место.

В конце XIX в. была записана тайская сказка о женщине, одержимой духами, на близкий сюжет. Молодой муж, проснувшись ночью, обнаруживает безголовое тело жены. Утром голова (вместе с внутренностями) возвращается. На следующую ночь муж вынуждает жену объясниться. Она говорит, что унаследовала одержимость от матери и еженощно улетает в прекрасное место на пир. По приглашению жены муж хватает ее за голову и переносится с ней в сад, полный людей в праздничных одеждах. Он мечтает остаться там навсегда и обращается за советом к волшебнику, но тот объясняет ему, что на этих пирах едят нечистоты и плоть мертвецов. Он наносит на его тело какие-то знаки, и, оказавшись на пиру в очередной раз, герой видит истинный облик яств. Жена не может отказаться от полетов, опасаясь, что духи задушат ее. По совету того же волшебника муж ночью наполняет ее безголовое тело свежей рыбой. Оправившись после этой операции, женщина освобождается от наваждения [Hardouin, 1890, p. 697–708]. Здесь имеет место промежуточный вариант путешествия к месту пиршества – улетает не тело и не душа, а голова.

Представления о том, что колдуньи или одержимые отпускают голову летать по ночам, характерны не для одной культуры в ЮВА. В Восточной Индонезии известны духи, симптом одержимости которыми – ночные полеты головы с прикрепленными внутренностями. Такие головы преследуют врагов одержимого и съедают их печень [Bubandt, 2008, p. 278]. По указанию Ю. Е. Березкина (мотив L8 – «Оставленные ноги и головы») видно, что идентичное верование зафиксировано в Индокитае, а схожие – на Филиппинах, в Японии и т. д.; у юньнаньских лису есть сказка, где муж обнаруживает, что голова его жены по ночам улетает пожирать мертвецов¹¹. В китайских «Записках о поисках духов» (搜神記 *Соу шэнь цзи*, IV в.) отражены схожие верования каких-то тайских или австронезийских народов: там описана служанка из «народа Падающие головы», у которой голова улетала в окно по ночам (XII.7)¹². Голова в этих случаях действует как вместилище души, таким образом, летающая голова соответствует отделяемой душе, принимающей облик человека в его телесной целостности.

¹⁰ В электронном издании не проставлены номера страниц; ссылки на работы Савада Мидзухо и Токура Хидэми находятся во втором разделе третьей главы.

¹¹ URL <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/l8.html> (дата обращения 24.12.2022).

¹² См. перевод Л. Н. Меньшикова [Гань Бао, 1994, с. 298–299].

Музицирующие женщины

В разных традициях встречаются упоминания о пристрастии духов к человеческой музыке и стихам: так миннезингер Тангейзер попал в недра Венераиной горы, а гуслир Садко – к морскому царю. Для Китая это довольно редкий мотив. Первое упоминание о похищении музыканта духом в Китае относится к V в. и содержится в «Записях о тьме и свете» (幽明錄 *Ю мин лу*). Музыкант заболевает от переутомления; чудотворец Сюй Сюнь (許遜) говорит, что видит его среди скал играющим на цитре призрак – девице Цзян (蔣). На это музыкант отвечает: «Я часто вижу во сне деву, которая принуждает меня пировать и веселиться с ней». Сюй Сюнь, специализирующийся на изгнании духов, читает по девице Цзян поминальную молитву, и музыкант излечивается¹³. И здесь контакт с духом происходит во сне.

Музицирующая женщина на пиру у духов впервые появляется в китайской сюжетной прозе во второй половине VIII в., в том же сборнике «Гуан и цзи», что и упомянутая выше «Жена секретаря». Эта история озаглавлена «Два господина – Чжан и Ли» (張李二公 *Чжан Ли эр гун*)¹⁴. Приятели Чжан и Ли предаются постижению Дао на горе Тайшань. Ли, принадлежащий к знатному роду, уходит в мир, чтобы сделать карьеру. Через пару десятков лет он, высокопоставленный чиновник, вечером встречает на дороге бедно одетого Чжана, который приглашает его в гости. Оказывается, что он живет в богатой усадьбе. После ужина их развлекают музыкантши. Среди них Ли узнает свою жену, но Чжан говорит, что он ошибся. Ли успевает привязать к ее поясу яблоко. Спросив, сколько денег Ли нужно для осуществления его планов, Чжан дает ему старую шляпу, по предъявлении которой некий аптекарь должен отдать ему эту сумму. На следующий день Ли обнаруживает, что вчерашняя усадьба стоит в запустении, соседи говорят, что там давно никто не живет. Придя в указанную аптеку, он получает деньги. Дома Ли обнаруживает, что к поясу жены привязано яблоко. Она рассказывает ему свой сон: за ней пришли, велели взять цитру и сыграть для бессмертного Чжана.

Это первая история в «кластере», состоящем из пяти сюжетно близких новелл; их сходство со «Студентом Чжаном» и «Дугу Сяшу» уже отметила С. М. Аллен [Allen, 2014, p. 63]. В этих пяти новеллах, однако, у читателя не возникает сомнения в том, что сцена пиршества происходит наяву, несмотря на то, что женщина может воспринимать ее как сон.

Следующая по времени новелла из этого «кластера», «Пэй Чэнь» (裴諶)¹⁵, была включена в один из сборников, созданных в первой половине IX в., – или в «Записи о сокровенных чудесах» (玄怪錄 *Сюань гуай лу*), или в «Продолжение записей о сокровенных чудесах» (續玄怪錄 *Сюй сюань гуай лу*). Немного позже, в середине IX в., появилась новелла «Два студента, Лу и Ли» (盧李二生 *Лу Ли лян шэн*) из сборника «Приватная история» (逸史 *И ши*)¹⁶. Два последних рассказа – «Управитель судеб» (司命君 *Сымин цзюнь*)¹⁷ и «Сюэ Чжао» (薛肇)¹⁸ попали в ТПГЦ из сборника «Потерянные и найденные биографии бессмертных» (仙傳拾遺 *Сянь чжуань ши и*), составленного в конце IX – начале X в.

Во всех случаях, кроме «Управителя судеб», во время пира у даоса жена героя – нынешняя или будущая – должна играть на цитре или арфе (в «Управителе судеб» ее просто усаживают рядом с мужем). Женщине сцена пира снится – за исключением «Пэй Чэня», где и сама она воспринимает события как реальные, и родственники упрекают героя в том, что он «колдовским искусством перенес ее за десять тысяч верст и заставил услаждать слух и зрение

¹³ По 577 цз. свода «Императорское обозрение годов Тайпин» (太平御覽 *Тайпин юй лань*, 970-е – 980-е). URL: <https://ctext.org/taiping-yulan/577> (дата обращения 22.01.2023).

¹⁴ По 23 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 158].

¹⁵ По 17 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 116–118].

¹⁶ По 17 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 118–119].

¹⁷ По 27 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 178–179].

¹⁸ По 17 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 120–121].

чужих людей» [Ли Фан, 2006, с. 118] (третий, после «Жены секретаря» и «Сюй Аня», случай телесного путешествия женщины на праздник духов).

Место, где происходит пир в этой группе, – не горные пещеры, ожидаемые в историях о бессмертных, но пустошь недалеко от города, где появляются богатые строения, которые затем исчезают (в «Двух господах – Чжане и Ли» здания остаются на месте, но выглядят давно заброшенными). Встреча старых товарищей каждый раз происходит в дороге, в том числе один раз на мосту, один – на реке (даос плывет в рыбацком челноке), один – на почтовой станции.

В этом «кластере» мы имеем дело с пирами сверхъестественных существ, на которых пьют вино и слушают музыку, причем среди присутствующих – и мужчины, и женщины. В числе музыкантов, которые развлекают присутствующих, есть похищенные женщины, которые почти всегда воспринимают происходящее как сон. Всё это соответствует антуражу снов в новеллах «Студент Чжан» и «Дугу Сяшу». Ситуация, впрочем, инвертирована, и муж не подглядывает за пиршеством, а присутствует на нем в качестве званого гостя.

К этой группе близка сказка, разные варианты которой известны на севере Индии и в Пакистане. Девушка выходит замуж, предупредив, что по ночам будет возвращаться в родительский дом. Муж невидимо следует за ней ночью. Вернувшись к родителям, она проходит в свою комнату, садится на стул и улетает во дворец божества. Муж сопровождает ее и видит, что она всю ночь танцует, поет и / или играет на арфе. Он находит тот или иной способ расколдовать жену. Сказку относят к типу 306 по указателю Аарне – Томпсона – Утера («Стоптаные туфельки» / «Ночные пляски»). В одних версиях речь идет о человеческой девушке, в других – о небесной плясунье, оказавшейся среди людей [Lang, 1965, p. 87–90; McCulloch, 1912, p. 283–304].

Отличие новелл о двух товарищах и от этой сказки, и от «Дугу Сяшу» и «Студента Чжана» заключается в том, что женщину не нужно избавлять от заклятия: бессмертный отпускает ее домой по доброй воле. Это объясняется даосской переделкой сказочного сюжета для нужд религиозной проповеди: цель похищения женщины «бессмертным» – не развлечение, а демонстрация могущества духов. Характерно, что два из пяти рассказов этого кластера входили в агиографический сборник «Потерянные и найденные биографии бессмертных».

Значение финала

Первая часть «Записок о трех снах» содержательно отличается от «Студента Чжана» и «Дугу Сяшу». Для обоих вариантов сюжета находятся параллели и в танской прозе, и в фольклоре сопредельных стран, причем для инокультурных сюжетов не принципиально, во сне происходит путешествие к ночному празднику или наяву. Китайская же литература с ее богатой традицией описания странствий отделяемой души относится настороженно к физическим странствиям обычных людей по воздуху и в большинстве рассмотренных случаев трактует видения ночных пиров как сон. Отсюда и кажущийся конфликт реальности и сна.

Развязка рассмотренных сюжетов об участии женщин в ночных пиршествах духов / оборотней / бессмертных, кроме «кластера», посвященного встрече двух товарищей, заключается в действии мужа, прекращающем волшебство. В «Записках...», «Студенте Чжане» и «Дугу Сяшу» муж бросает в собравшихся черепицу или кирпич, в «Жене секретаря» ловит оборотня, в «Сюй Ане» убивает оборотней. Тайская и пакистанская / индийская сказки тоже завершаются расколдованием жены. Во всех этих случаях мы имеем дело с модификациями сказочного сюжета о спасении жены.

В этом контексте ясно, что действие мужа в «Записках...», «Студенте Чжане» и «Дугу Сяшу», которое может показаться грубым или избыточным, фактически было спасительным для зачарованной.

Пирующие духи: сравнительный материал

Во всех трех новеллах муж спасает жену. Но от кого? Переосмысление сюжета и превращение его в описание сна, лишённого каких-либо оснований, кроме психологических, оставляет и статус пирующих духов неопределённым. На это уже не раз обращали внимание. Первым, возможно, был Фэн Мэнлун (馮夢龍, 1574–1646) в своем обогащенном подробностями пересказе «Дугу Сяшу», включенном в сборник «Слово вечное, мир пробуждающее» (醒世恆言 *Син ши хэн янь*) [Фэн Мэнлун, 1993, с. 419–438]. В этой повести героиня замечает: «Оказывается, мой сон был правдивым. Вот что только непонятно – кто эти молодые бездельники?» [Там же, с. 435.]. Похожий вопрос возник и у Пу Сунлина (蒲松齡, 1640–1715), который писал «Фэнъянского ученого» (鳳陽士人 *Фэнъян шижэнь*) с оглядкой на наши три новеллы [Чжу Исюань, 2002, с. 49–53]; там ситуация перевернута, и беспомощную ревность испытывает жена, вынужденная наблюдать за мужем. Героиня с помощью неизвестной красавицы попадает в сон своего мужа, уехавшего по служебным делам, и видит, как эта красавица его соблазняет; тут же оказывается брат героини, который швыряет в голову ее мужа большой камень. Утром возвращается муж, который видел тот же сон; и шурина ожидаемо снилось то же самое [Пу Сунлин, 2011, с. 187–190]. Функциональный аналог «молодых бездельников» – загадочная девица, провоцирующая конфликт. Новелла заканчивается словами, отсылающими к реплике Фэн Мэнлуна: «Три сна совпали; но вот что только непонятно – кто была эта красавица?»

Что можно узнать о пирующих фантомах из самих новелл? В «Записках...» коротко упомянута группа мужчин и женщин, пьющих вино и смеющихся. В «Студенте Чжане» пять или шесть мужчин, одетых в платье разного цвета, разного возраста, двое из них иранцы, поят женщину вином, заставляют ее петь, читают стихи и смеются. В «Дугу Сяшу» несколько гуляк похитили жену Дугу и ее подруг. Персонажи сна настроены на веселье и при этом нуждаются в дополнительном развлечении. При этом «фантомы» проницательны; в «Дугу Сяшу» они знают, что за ними наблюдает муж героини; в «Студенте Чжане» демонстрируют понимание того, что и сами сняты своей жертве, – по крайней мере, на это намекает философское замечание молодого человека о том, что вся жизнь есть сон. Вся ситуация, вполне возможно, и режиссирована этими персонажами.

Подобные ночные праздники / пиры не вписывались в локальные представления о привычках демонических существ. Поверья о ночных пирах были привнесены в культуру танского Китая извне. Об этом свидетельствует и то, что их описания в китайской прозе появляются поздно, причем статус пирующих варьирует от оборотней до бессмертных, а в случае наших трех новелл, как и в «Жене секретаря», он остается неясным.

Отметим большую концентрацию упоминаний о западных иноземцах в танских историях о ночных праздниках. В «Студенте Чжане» среди пирующих есть два уроженца Центральной Азии или иранца (胡人 *ху жэнь*). В «Жене секретаря» такой же *ху жэнь* помогает герою избавить жену от наваждения. В новелле «Два студента, Лу и Ли» после пира бессмертный рекомендует бывшему товарищу зайти в лавку к некоему персу (波斯 *босы*). В «Управителе судеб» домой к вернувшемуся от даоса герою приходит иноземный купец (胡商 *ху шан*) в поисках чудесной драгоценности.

Упоминания о *ху жэнь* и *босы* в рассматриваемых текстах заставляют обратить внимание в первую очередь на верования иранцев и народов, имевших с ними тесные культурные связи. Действительно, многим из них известны ночные пиршества духов, куда попадают и люди, – в том числе таджикам, армянам, ногайцам, жителям Пакистана, Северной Индии и тайцам.

Равнинные таджики верили, что демоны аджина могут пригласить путника ночью на свою трапезу [Суهارева, 1975, с. 38]. Армянские каджи, чей образ связан с мифами о Ваагне – божестве, близком громовержцу Индре, – и сами пируют и музицируют ночами, и нанимают

человеческих музыкантов [Петросян, 2018; Abeghyan, 1899, S. 103]. Пфуты, о которых рассказывают в Гилгите, принимают на свои пиры случайно забредших путников и могут научить своим мелодиям [Flowerday, 2021, p. 104–107].

В одной ногойской быличке герой встречает свою возлюбленную на ночном празднике у йинов, в другой – находится на таком же празднике, невидимый для них, и нечаянно прерывает пир, ущипнув одну из призрачных девушек [Рахно, 2016, с. 379–380].

Как бы ни называли этих духов, их чаще всего отличают антропоморфность, гостеприимство и музыкальность; они встречаются прохожим в безлюдных местах и могут похищать людей, в том числе женщин. Контакты с ними оцениваются как нежелательные, хотя степень опасности их варьируется. Иногда единственная неприятность, которая ожидает гостя, – это открытие, что его кормили конским навозом. В индийской / пакистанской сказке статус духов выше: это небесное божество и его спутники. Тем не менее, они выступают как вредители, препятствуя брачной и вообще нормальной обыденной жизни героини. Несомненно их сходство с духами в рассмотренных выше китайских рассказах и новеллах.

Заключение

Если взглянуть на новеллы «Студент Чжан», «Дугу Сяшу» и на первый эпизод «Записок о трех снах» как на трансформированные повествования о дорожной встрече с духами, нельзя не заключить, что их фольклорная основа – во-первых, сообщения о посещении человеком ночных пиршеств духов, а во-вторых, рассказы о спасении брачного партнера от сверхъестественных антагонистов.

Привлечение других танских авторских нарративов о посещении людьми ночных пиршеств духов позволяет прийти к выводу о том, что в VIII–IX вв. в Китае на основе иранских и/или центральноазиатских верований сформировалась группа сюжетов о женщинах, вынужденных посещать ночные пиры духов как полноценные участницы или как музыкантши. Свидетелем их путешествий оказывался муж, который в большинстве случаев выступал как спаситель.

При всем сходстве канвы эти сюжеты не восходят к одному источнику. Выделяются истории: а) о дорожной встрече мужа-путешественника с грезящей женой в плену у духов; б) о путешествии женщины верхом на коне или предмете домашней утвари на отдаленную гору, близкие к позднему европейскому сюжету о подсматривании за ведьмой и полете на шабаш; в) о встрече мужа, приглашенного к духам в гости, с зачарованной женой.

Представления о сверхъестественных существах, имеющих обыкновение пировать ночами и похищать людей для участия в этих пирах, вписывали в китайскую традицию по-разному. В группе религиозных даосских историй пирующие духи не только переставали быть вредителями, но и оказывались помощниками. В «Жене секретаря» и «Сюй Ане» злключения жены героя объяснялись действиями животных-оборотней. В «Студенте Чжане», «Дугу Сяшу» и «Записках о трех снах» зафиксированы сюжеты, где адаптация произошла с помощью отнятия у пирующих духов онтологического статуса и интерпретации событий как чудесного сна.

Список литературы

- Алимов И. А.** Записи о сокровенных чудесах. Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 840 с.
- Бо Синцзянь.** Три сна // Танские новеллы. М.: Гослитиздат, 1960. С. 146–149.
- Гань Бао.** Записки о поисках духов / Пер., предисл. и примеч. Л. Н. Меншикова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. 576 с.
- Петросян А. Е.** Армянские духи каджи: образ и название // Вопросы ономастики. 2018. № 15 (1). С. 51–64. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.003

- Рахно К. Ю.** Дух йин в ногойской демонологии и его параллели // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. Черкесск: КЧГУ, 2016. С. 378–384.
- Старостина А. Б.** Ночные полеты жены секретаря: группа мотивов G240 в «Обширных записках о странном» Дай Фу // Живая старина. 2021. № 1 (109). С. 9–12.
- Сухарева О. А.** Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 5–93.
- Abeghyan M. Kh.** Der armenische Volksglaube. Leipzig: Druck von W. Drugulin, 1899. 138 S.
- Allen S. M.** Shifting Stories: History, Gossip, and Lore in Narratives from Tang Dynasty China. Cambridge, MA; London, Harvard University Asia Centre, 2014. 311 p.
- Bubandt N.** Ghosts with Trauma: Global Imaginaries and the Politics of Post-Conflict Memory // Conflict, Violence, and Displacement in Indonesia. Ithaca: Cornell Uni. Press, 2008. P. 275–301. DOI 10.7591/9781501719233-012
- Flowerday J. M.** Blasting a Boulder and Building Memories // Viewpoints: Visual Anthropologists at Work. Austin: Uni. of Texas Press, 2021. P. 97–117. DOI 10.7560/706712-009
- Hardouin C.** Traditions et superstitions siamoises. Contes et légendes // Revue des traditions populaires, 1890, t. 5, № 12. P. 697–708.
- Lang A.** Olive Fairy Book. Philadelphia: David McKay, 1965. 236 p.
- Ma Y. W.** Fact and Fantasy in T'ang Tales // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews. 1980. No. 2.2. P. 167–181. DOI 10.2307/823525
- McCulloch W.** Bengali Household Tales. London: Hodder & Stoughton, 1912. 338 p.
- Бо Синцзянь.** Сань мэн цзи [白行簡。三夢記]. Записки о трех снах // Тан Сун чуаньци пинь-ду цыдянь. Пекин: Синь шицзе, 2007. Т. 1. С. 358–363. (на кит. яз.)
- Ли Пэнфэй.** Тан дай фэй се ши сяошо чжи лэйсин яньцзю [李鵬飛。唐代非寫實小說之類型研究]. Типологические исследования нереалистических сяошо эпохи Тан. Пекин: Бэй-цзин дасюэ, 2004. 395 с. (на кит. яз.)
- Ли Фан** (и др., сост.). Тайпин гуан цзи [李昉。太平廣記]. Обширные записки годов Тайпин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006. 4106 с. (на кит. яз.)
- Окада Мицухиро.** Тан дай сяошо «Баньцяо сань нянцзы» као [岡田充博。唐代小説“板橋三娘子”考]. Исследование танского рассказа «Третья хозяйка с моста Баньцяо». Пер. на кит. Чжан Хуа. Сиань: Сибэй дасюэ, 2019. 346 с. (на кит. яз.)
- Пу Сунлин.** Ляо чжай чжи и хуэйцзяо хуэйчжу хуэйпин бэнь. Чжан Юхэ бянь цзяо [蒲松齡。聊齋誌異會校會注會評本。張友鶴輯校]. Повести о странном из Досужего кабинета. С собранием текстологических замечаний, коммент. и крит. суждений. Ред. и сост. Чжан Юхэ. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2011. 1733 с. (на кит. яз.)
- Фэн Мэнлун.** Син ши хэн янь [馮夢龍。醒世恆言]. Слово вечное, мир пробуждающее. Хай-коу: Хайнань чубаньшэ, 1993. 902 с. (на кит. яз.)
- Хуан Дунъян.** Тан жэнь сяошо со фаньин чжи хунь по и [黃東陽。唐人小説所反映之魂魄義]. Смысл понятий «хунь» и «по» в танских сяошо // Синь шицзи цзунцзяо яньцзю. 2007. № 5.4. С. 1–30. (на кит. яз.)
- Цзи Сяньлинь.** Вэнь цзи: чжун инь вэньхуа гуаньси. Ди сы цзюань [季羨林。文集: 中印文化關係。第四卷]. Собрание сочинений Цзи Сяньлиня: том 4. Отношения Китая и Индии в области культуры. Наньчан: Цзянси цзяоюй, 1996. 535 с. (на кит. яз.)
- Чжу Исюань.** Ляо чжай чжи и цзыляо хуэйбянь [朱一玄。聊齋志異資料匯編]. Сборник материалов по «Ляо чжай чжи и». Тяньцзинь: Нанькай дасюэ, 2002. 599 с. (на кит. яз.)

References

Abeghyan M. Kh. Der armenische Volksglaube. Leipzig, Druck von W. Drugulin, 1899, 138 S.

- Alimov I. A.** Zapisi o sokrovennykh chudesakh: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy siaoshuo VII–X vv. [The Notes of Innermost Miracles: A Concise History of the 7th – 10th Centuries Chinese Xiaoshuo Prose]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017, 840 p. (in Russ.)
- Allen S. M.** Shifting Stories: History, Gossip, and Lore in Narratives from Tang Dynasty China. Cambridge, MA, London, Harvard University Asia Centre, 2014, 311 p.
- Bai Xingjian.** Tri sna [Three Dreams]. In: Tanskiye novelly [Tang Short Stories]. Moscow, Goslitizdat, 1960, pp. 146–149. (in Russ.)
- Bai Xingjian.** San meng ji [白行簡. 三夢記]. Accounts of Three Dreams. In: Tang Song chuanqi pindu cidian. Beijing, Xin shijie, 2007, vol. 1, pp. 358–363. (in Chin.)
- Bubandt N.** Ghosts with Trauma: Global Imaginaries and the Politics of Post-Conflict Memory. In: Conflict, Violence, and Displacement in Indonesia. Ithaca, Cornell Uni. Press, 2008, pp. 275–301. DOI 10.7591/9781501719233-012
- Feng Menglong.** Xing shi heng yan [馮夢龍. 醒世恆言]. Eternal Stories to Awaken the World. Haikou, Hainan chubanshe, 1993, 902 p. (in Chin.)
- Flowerday J. M.** Blasting a Boulder and Building Memories. In: Viewpoints: Visual Anthropologists at Work. Austin, Uni. of Texas Press, 2021, pp. 97–117. DOI 10.7560/706712-009
- Gan Bao.** Zapiski o poiskakh dukhov [In Search of the Supernatural]. Transl, intr. and comment. by L. N. Menshikov. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1994, 576 p. (in Russ.)
- Hardouin C.** Traditions et superstitions siamoises. Contes et legends. *Revue des traditions populaires*, 1890, t. 5, no. 12, pp. 697–708.
- Huang Dongyang.** Tangren xiaoshuo suo fanying zhi hun po yi [黃東陽. 唐人小說所反映之魂魄義]. The Concept of “Soul and Form” as Reflected in the Tang Novels. *Xin shiji zongjia yanjiu*, 2007, no. 5.4, pp. 1–30. (in Chin.)
- Ji Xianlin.** Wen ji: Zhong yin wenhua guanxi. Di si juan [季羨林. 文集: 中印文化關係. 第四卷]. Compiled works of Ji Xianlin: vol. 4. Sino-Indian Cultural Relations. Nanchang, Jiangxi jiaoyu, 1996, 535 p. (in Chin.)
- Lang A.** Olive Fairy Book. Philadelphia, David McKay, 1965, 236 p.
- Li Fang** (et al., comp.). Taiping guang ji [李昉. 太平廣記]. Extensive Records of the Taiping Era. Beijing, Zhonghua shuju, 2006. 4106 p. (in Chin.)
- Li Pengfei.** Tang dai fei xie shi xiaoshuo zhi leixing yanjiu [李鵬飛. 唐代非寫實小說之類型研究]. A Typological Study of Non-realistic Novels during Tang Era. Beijing, Beijing daxue, 2004, 395 p. (in Chin.)
- Ma Y. W.** Fact and Fantasy in T'ang Tales. *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews*, 1980, no. 2.2, pp. 167–181. DOI 10.2307/823525
- McCulloch W.** Bengali Household Tales. London, Hodder & Stoughton, 1912, 338 p.
- Okada Mitsuhiro.** Tang dai xiaoshuo “Banqiao san niangzi” kao [岡田充博. 唐代小說“板橋三娘子”考]. Research of the Tang tale “Third Lady of Banqiao Bridge”. Transl. by Zhang Hua. Xian, Xibei daxue chubanshe, 2019, 346 p. (in Chin.)
- Petrosyan A. E.** Armyanskie dukhi Kadzhi: obraz i nazvanie [Armenian Demons Called Kaj: Image and Name]. *Voprosy onomastiki*, 2018, no. 15 (1), pp. 51–64. (in Russ.) DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.003
- Pu Songling.** Liaozhai Zhi Yi huijiao huizhu huiping ben [蒲松齡. 聊齋誌異會校會注會評本. 張友鶴輯校]. Chronicle of the Strange from Liaozhai Studio: with compiled text-critical notes, annotations and commentaries. Comp., ed. by Zhang Youhe. Shanghai, Shanghai guji, 2011, 1733 p. (in Chin.)
- Rakhno K. Yu.** Dukh yin v nogayskoy demonologii i ego paralleli [The Spirit Iin in Nogai Demonology and Its Parallels]. In: Nogaytsy: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kultura. Cherkessk, KChSU Press, 2016, pp. 378–384. (in Russ.)
- Starostina A. B.** Nochnye polety zheny sekretarya [Night Flights of the Secretary's Wife]. *Zhivaya starina*, 2021, no. 1 (109), pp. 9–12. (in Russ.)

- Sukhareva O. A.** Perezhitki demonologii i shamanstva u ravninnykh tadzhikov [Vestiges of Demonology and Shamanism among the Lowland Tajiks]. In: Domusul'manskie verovaniia i obryady v Srednei Azii. Moscow, Nauka, 1975, pp. 5–93. (in Russ.)
- Zhu Yixuan.** Liao zhai zhi yi ziliao huibian [朱一玄。聊齋志異資料匯編]. Source Materials of Liaozhai Zhi Yi. Tianjin, Nankai daxue chubanshe, 2002, 599 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Аглая Борисовна Старостина, кандидат философских наук
Scopus Author ID 57224807594
WoS Researcher ID S-7377-2018
RSCI Author ID 335920
SPIN 5518-8607

Information about the Author

Aglaia B. Starostina, Candidate of Sciences (Philosophy)
Scopus Author ID 57224807594
WoS Researcher ID S-7377-2018
RSCI Author ID 335920
SPIN 5518-8607

*Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 31.01.2023
The article was submitted on 11.01.2023;
approved after review on 23.01.2023; accepted for publication on 31.01.2023*

Научная статья

УДК 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126

Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал родиться и умирать» (2005)

Александр Владимирович Игнатенко

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

ignatenko-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

Аннотация

Настоящая работа посвящена исследованию парентезы в китайской художественной литературе на материале романа «Устал родиться и умирать» Мо Яня (《生死疲劳》莫言, 2005) как проблеме современных семантико-синтаксических и функционально-стилистических явлений, которые, представляя собой локализованные фрагменты речи в составе основного высказывания, подчеркивают нелинейность языкового мышления. Отсюда цель данного труда – определить особенности использования такого рода вставных конструкций в художественном дискурсе на выбранном материале, зафиксировать начало употребления такой не свойственной прежде китайскому литературному тексту практики. Парентезы функционируют на системном, изобразительном и композиционном уровнях романа. На фактологическом материале доказывается, что использование парентезы составляет одну из особенностей идиостиля Мо Яня, интегрируя разные повествовательные планы. Результаты исследования обеспечивают основу для дальнейших исследований парентетических конструкций в китайской прозе.

Ключевые слова

Мо Янь, китайская литература, парентеза, прагматические вставки, парентетические конструкции

Для цитирования

Игнатенко А. В. Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал родиться и умирать» (2005) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 115–126. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126

Features of Parenthetical Constructions in Mo Yan's Novel "Tired of Being Born and Dying" (2005)

Alexander V. Ignatenko

Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation

ignatenko-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

Abstract

This article is devoted to the study of parenthetical constructions and structures in the Chinese language of fiction, based on the material of the novel "Tired of being Born and Dying" by Mo Yan (《生死疲劳》莫言, 2005) as a problem of modern semantic-syntactic and functional-stylistic phenomena, which, representing localized fragments of speech as part of the main utterance, emphasize the nonlinearity of linguistic thinking and act as an artistic means of expression. Hence, the purpose of this work is to determine and systematize the features of the use of such plug-in constructions in artistic discourse on the selected material, to fix the beginning of the use of such a language practice

© Игнатенко А. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 115–126
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 115–126

not typical for Chinese literary texts previously. In the syntax of the Chinese literary language, such pragmatic inserts, or so-called parenthetics, were completely absent until the last quarter of the 20th century, because they were not a normative and characteristic means of Chinese grammar. Its active implementation in artistic discourse can be attributed only to the turn of the 20th – 21st centuries and the first quarter of the 21st century. Syntactically parenthetical constructions function at the system (combinatorics of components), pictorial (stylistic labeling) and compositional (organization of text space) levels. Based on the factual material, it has been proven that the use of parenthetical constructions practice is one of the features of Mo Yan's idiosyncrasy, integrating different narrative plans. The paper also systematizes the main functions of plug-in structures. The results of the study provide a basis for further research of parenthetical constructions in Chinese prose.

Keywords

Mo Yan, Chinese literature, parenthesis, pragmatic inserts, parenthetical constructions

For citation

Ignatenko A. V. Features of Parenthetical Constructions in Mo Yan's Novel "Tired of Being Born and Dying" (2005). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 115–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126

Введение

В статье рассматривается новое для китайского художественного дискурса явление нескольких последних десятилетий – вставные конструкции, которые инкорпорируются на уровне отдельных слов, словосочетаний и самостоятельных предложений в состав основного предложения или текста. В синтаксисе китайского литературного языка такого рода прагматические вставки, или так называемые парентезы, отсутствовали практически до середины XX в., так как не являлись нормативным и характерным для китайской грамматики средством. Этот лингвистический феномен не свойственен письменному китайскому языку *вэньянь*, его активную реализацию в художественном дискурсе можно отнести только к рубежу XX–XXI вв. и первой четверти XXI в. с относительно поздним вхождением китайской литературы в постмодернистское направление, когда начинаются поиски новых форм, средств выражений, игры со словом и языком. Своему рождению прагматические вставки обязаны возникновению приема «потока сознания» в художественном языке. В нашей стране этот прием в литературной практике одним из первых стал разрабатывать А. Белый в начале XX в., а в мировой литературе уже Дж. Джойс вывел его в романе «Улисс» (1914–1921) на новый уровень, став его родоначальником.

Одним из первых новаторов в китайской литературе, который сделал парентезу писательской практикой, стал Мо Янь (莫言, род. 1955, настоящее имя Гуань Мое, 管谟业). Он получил мировую известность после экранизации «Красного гаоляна» (《红高粱》, 1987), снятого по его сценарию и удостоенного премии «Оскар». Через двадцать пять лет он напомнил о себе, став лауреатом Нобелевской премии по литературе за «галлюцинаторный реализм, который объединяет народные сказки с историей и современностью». Сегодня можно уже говорить о его влиянии не только на китайскую, но и на мировую культуру. Вслед за Мо Янем в современной китайской литературе можно наблюдать активное включение в писательскую практику языковой игры, в том числе парентетических конструкций, писателями постмодернистской волны. Этой практикой активно пользуются такие представители пишущей китайской интеллигенции, как Сунь Ганьлу (孙甘露), Ван Мэн (王蒙), Лю Чжэньюнь (刘震云) и многие другие.

Настоящая работа посвящена исследованию парентетических конструкций и структур в китайском языке художественной литературы на материале романа «Устал рождаться и умирать» Мо Яня (《生死疲劳》莫言, 2005) как проблеме современных семантико-синтаксических и функционально-стилистических явлений, которые, представляя собой локализованные фрагменты речи в составе основного высказывания и обладая эмфатической насыщенностью, могут подчеркивать нелинейность языкового мышления, выражать модальность и выступать в качестве средства художественной выразительности в современной ки-

тайской литературе. Таким образом, цель исследования – определить особенности использования такого рода вставных конструкций в художественном дискурсе на выбранном материале и зафиксировать начало употребления такой прежде не свойственной китайскому литературному тексту практики. Используемые в исследовании смешанные методики позволили получить результаты, продуктивные с точки зрения возможностей структурно-функционального и дискурсивного анализа художественного материала. В качестве основных методов использовались дефиниционный, контекстуальный и интерпретационный анализ.

В работе на фактологическом материале доказывается, что практика использования парентетических конструкций составляет одну из особенностей идиостиля Мо Яня, интегрируя и инкорпорируя разные повествовательные мультимодальные планы. Парентеза в исследовании рассматривается на разных языковых уровнях (синтаксическом, семантическом, стилистическом, эмотивном, прагматическом, когнитивном и др.) и в их взаимосвязи. Также анализируется то, что Мо Янь чередует в гипотаксисе художественной ткани романа различные по объему структуры, где придаточные части в нарративе произведения, не выходя за пределы целого и являясь вставными синтаксическими единицами, отодвинуты автором на периферийно-прагматический план и ослабляют повествовательную линейность, вводя пояснительные, уточнительные, разъяснительные, комментативные, присоединительные и прочие отношения.

Теоретические основы исследования

Подходами к решению проблемы классификации различных видов парентетических конструкций и разрывов синтаксических связей в последнее время занимаются многие исследователи. Антропоцентрическая направленность в современной лингвистике сегодня позволяет отойти от определения парентезы как знака препинания, имея в виду двойное тире, скобки и другие вариации пунктуационного оформления, понимая на синтаксическом уровне под парентетической конструкцией скорее прерывание смысловой линейности предложения новым дискурсивным планом, которое может быть выражено словом, словосочетанием, предложением и формально не связано грамматически с основным (матричным) предложением.

Некоторые лингвисты и филологи рассматривают такого рода вставные конструкции в аспекте семиотики несплавной речи [Долгова, 1978; Александрова, 2021], другие – в аспекте онтологии, разделяя высказывания на коммуникативные планы, также исследуют ее как структурно-семантическую организацию [Рачук, 1999], дифференцируют как встраиваемую и надстраиваемую (интеркалированную и модусную) [Поликарпова, 2017]. Я. Г. Биренбаум [1976] и А. Э. Стунгене [1974] установили два функциональных типа парентез: субъективно-модальные (вводные) и объективно-пояснительные (вставные). Кроме того, довольно глубоко исследуются парентетические свойства придаточных предложений. С позиций стиледифференцирующей функции рассматривает парентезу Р. С. Самолетова [1980] на примере немецкого языка. Перспективным подходом является изучение парентетических внесений с точки зрения участия в реализации прагматической установки, а также комплексное исследование парентезы с акцентом на ее функционально-коммуникативной сущности. Анализу подвергается эволюция функционирования парентетических внесений, а категория вводности рассматривается с позиций теории парадигматического синтаксиса и теории диктемного строя языка [Горбачева, 2003].

Н. А. Пескова выделяет пять типов парентетических конструкций, применяя к ним термин «фрейм» (структура, содержащая информацию): 1) вводно-модальные слова и словосочетания как фреймы-ассоциации; 2) вводно-модальные «метакомментаторы» как фреймы-образы; 3) вставные слова и словосочетания как информационные фреймы, включающие слоты (терминалы с информацией); 4) вставные квазипредложения и тексты как скрипты (сценарии – динамические цепочки слотов с начальной и конечной стадией); 5) вводно-вставные конструкции переходного типа (контаминированные) как сложные фреймовые структуры [Песко-

ва, 2002, с. 137]. Интересные наблюдения также приводит Н. А. Андрамонова на материале произведений Л. Н. Толстого, определяя отношения вставной конструкции к главному предложению в категориях «ядерности – периферийности», «системности – асистемности», «прерывности – непрерывности», «субъективности – объективности», «интеграции – дезинтеграции» и др. [Андрамонова, 2014, с. 7].

В смыслах прагматического потенциала парентезы в нежесткой классификации, допускающей расширение, дополнение и конкретизацию, можно выделить эмотивность, усиление или ослабление категоричности, предположение, противопоставление, оценку, акцентуализацию, детализацию и пр. Синтаксическая организационная целостность китайского предложения допускает, как правило, интермедальную позицию вхождения в структуру фразы, обеспечивая при этом связность текста и способствуя созданию его многомерности. Следует также отличать вводные элементы и обороты от парентетических интродукций. Обширное исследование, посвященное не только синтаксическому уровню, но и прагматическим связям, мы видим в работе О. Н. Поликарповой «Комментативная парантеза как единица композиционного синтаксиса» [2011], в которой вводные конструкции называются модусными парантезами, а вставные конструкции – интеркалированными. Китайскими лингвистами парантеза рассматривается скорее как разновидность обособления. Так, Ф. Син выделяет акцентные, оценочные, обособления междометий, обращений, комментария, обособления-коннекторы и обособления-паразиты [Син, 2020, с. 180–185].

Исследуя прагматические возможности парентезы, отметим ее синтаксическую мультимодальность, т. е. способность соединять несколько модусов восприятия информации, которая может формироваться посредством эмоциональной валентности. Это значит, за эмоциональной движущей силой мультимодальных планов и повествовательных сюжетов скрываются различные нарративные эмоции и реакции (смех, гнев, страх, отвращение, возмущение, неприятие, умиление и пр.). Эмотивность в такого рода парентетических конструкциях выступает в качестве средства воздействия на реципиента и влияет на его мнение и модус восприятия, как правило, добиваясь результата независимо от желания или воли читателя, вводя его в соответствующий эмоциональный резонанс художественного нарратива. Возможность мультимодального комбинирования различных эмоциональных валентностей в гипотаксисе демонстрируют широкие возможности переплетения повествовательного плана с эмоциями в художественном дискурсе.

Парантеза может оформлять метафорические обороты и служить вспомогательным структурным средством метафорологии. Метафора, выходя за пределы привычных семантических свойств слов и синтаксических структур, продуцирует новые образы. Как следствие, в форме метафор обыгрываются скрытые значения слов [Игнатенко, 2022, с. 511–512], что является, на наш взгляд, валидным инструментом парантезы. Сегодня исследователями также предлагается математический расчет индекса метафоричности и скрытого воздействия метафор [Сунь и др., 2021]. Исследования тесной взаимосвязи метафоры и парантезы могут оказаться перспективными. Также обратим внимание на эмоционализацию и эмотивный аспект парентетических конструкций. Одна из целей использования модальных парентетических внесений в художественном произведении заключается в создании определенного эмоционального эффекта и обогащения экспрессивности, а в некоторых случаях для характеристики персонажа или нарратора. Парентетические конструкции нами предлагается также рассматривать как разновидность языковой игры и экспрессивное лингвистическое средство.

Анализ и результаты исследования

Одним из продуктивных стилистико-синтаксических приемов, на который опирается Мо Янь, является парантеза. Для всего его прозаического корпуса характерно использование такого рода вставных оборотов, но особенно выделяется роман «Устал родиться и уми-

рять» (2005), в котором парентеза функционирует как художественный прием и изобразительное средство.

Методом сплошной выборки нами были отобраны и проанализированы порядка пятидесяти примеров с вставными конструкциями. Были выделены следующие функции парентетических конструкций, которые активно использует Мо Янь в писательской практике: 1) содержательная (дополнение информативного плана, продвижение содержательной линии художественного текста и переработка дискурсивной цепи текста); 2) конативная (в том числе перефразирование информации, истолкование ее другими словами); 3) эмотивно-модальная (усиление контраста и субъективного восприятие нарратором); 4) коммуникативная (интертекстуальные прагматические вставки расширяют информационные возможности повествования, создавая коммуникативную разноплановость текста); 5) коммуникативно-прагматическая, или функция обращения (вовлечение читателя в художественный универсум и превращение его в активного участника сюжета, или персонажа). Чаще всего парентетические конструкции используются автором на уровне причинно-следственных или информативно-аргументированных отношений. Проанализируем некоторые примеры.

(1)这小子先是跟着长工干点零活，放马，放驴——阎王爷啊，你怎么黑心把我变成一头驴啊——后来就渐渐地顶大做了¹。

Поначалу малыш помогал десятнику ходить за лошадыми и ослами – эх, владыка ада, это надо иметь такую черную душонку, чтобы заставить меня переродиться ослом! – потом стал выполнять работу и посерьезнее² (с. 19).

(2) 我的哥金龙——呸!他算什么哥! ——还骑跨在你身上。

Мой брат Цзиньлун – тоже мне брат, называется! – по-прежнему сидел у тебя на спине (с. 141).

В примере (1) в объективный повествовательный план смыслового и организующего грамматического ядра встраивается субъективно-эмотивный ракурс нарратора с выражением модальности и оценки. Центральную конструкцию можно разложить на вводную (первую) и уточняюще-дополняющую (вторую) части, которые грамматически не связаны с парентетическим оборотом. Связь между парентезой и главным предложением носит семантико-прагматический характер. Ассоциативным стимулом и композиционно-структурной основой возникновения этой когнитивно-лингвистической связи между оформляющейся доминантной мыслью и переломной точкой напряжения текста, создающей новый образ-вставку, становится лексема ‘*驴*’ (*люй*) «осёл», которая определяет в том числе и позицию парентезы. Потенциал этой лексемы, по сути, объединяет и связывает два повествовательных плана (объективный и эмотивный), которые по форме связаны анафорическим повтором, а содержательно – приемом «потока сознания», продуцируя нелинейно-сложный ряд образов в речи нарратора. Таким образом, парентеза в данном примере, вскрывая «закрытую» структуру предложения, выполняет коммуникативную и эмотивно-модальную функцию прагматического характера.

По аналогичным лекалам и алгоритму сделан текст в примере (2), где ассоциативным стимулом уже является лексема ‘*哥*’ (*гэ*) «брат». Междометие *呸* (*пэй*) «фу» в отсутствие предметно-логического значения является чистым знаком эмотивности, оно отличается синтаксической факультативностью, эмфатической насыщенностью и отсутствием связей с другими частями главного и придаточного предложений. При этом семантическая особенность междометия заключается в том, что оно придает эмоциональную модальность всей дискретной синтаксической единице. Другие примеры комментативных и перефразовых парентез:

(3) 村里一个惯于装神弄鬼的风水先生马智伯跑到牲口圈边，神秘地对我说：门市——这是我的字——门市贤弟，家里有产妇，不能打墙动土，更不能出粪淘井，冲撞了太岁，主着婴儿不利。

¹ Текст на оригинальном языке цит. по: 莫言. 《生死疲劳》 [Мо Янь, «Устал рождаться и умирать»]. URL: <https://book.qidian.com/info/1016435428?WxUg5ztDmi=1665242847872#Catalog> (на кит. яз.) (дата обращения 19.01.2023).

² Перевод на русский язык приведен по: [Мо Янь, 2014], в круглых скобках указаны номера страниц.

Ко мне примчался Ма Чжибо, деревенский мастер фэншуй – любит тень на плетень наводить, – и говорит этак загадочно: «Мэньши – это мое второе имя – Мэньши, брат почтенный, когда в доме роженица, нельзя ни строить, ни тем более навоз в поле вывозить и колодцы чистить: вызовешь неудовольствие Тайсуя, навлечешь несчастье на младенцев» (с. 21).

(4) Это, моя женщина迎春——我尽量地忘记她曾与我同床共枕为我生儿育女地往事吧——从西厢房出来, 她出来前一定对着那半块镶嵌在墙壁上的破镜片整理过容貌。

Тут из западной пристройки вышла моя наложница Инчунь – где взять сил, чтобы забыть время, когда я делил с ней постель в союзе, от которого родились эти дети! Наверняка перед тем, как выйти, успела повертеться перед вставленным в стену осколком зеркала (с. 34).

В примерах (3) и (4) прагматические вставки наравне с парентетическими конструкциями также представляют собой перифразы. Конвергенция двух прагмастилистических средств в одном высказывании является метафразовым приемом, который позволяет при повторном выражении той же мысли выделить новые оттенки и грани этой идеи, используя иные обозначения предмета речи. В примере (3) упомянутый Тайсуй (太岁, или также 太歲) в китайской мифологии – Бог времени и покровительства планеты времени Суйсин (岁星, Юпитер), также божество даосского пантеона. Считалось, что противодействие божеству, как и поиск его покровительства, приводят к несчастью. По фэншую участок дома, соответствующий положению Тайсуя текущего года, нельзя беспокоить, иначе в доме случится беда.

(5) 我挣扎着仰起头——头颅似乎随时会从脖子处折断——往烛光里观望...

Я с усилием поднял голову – казалось, в любой момент она может отломиться от шеи – и посмотрел на свет свечей... (с. 8).

(6) 我哥金龙一个箭步上来, 骗腿跨到你背上——他的腿竟然那么长——他搂着你的脖子, 身体紧贴着你的脊梁, 仿佛一只黑豹子。

Тут вперед выскочил мой брат Цзиньлун. Он запрыгнул тебе на спину – какие ноги длиннющие! – обхватил тебя за шею и плотно прижался к хребту, как черная пантера (с. 140).

В примерах (5) и (6) функциональные сдвиги с одного дискурсивного плана на другой базируются на оппозиции «централизация – децентрализация» и осуществляются на условиях прифразовой подчинительной связи. Эти смещения обусловлены экстралингвистическими и прагматическими факторами, что стимулирует синтаксическую придаточность на структурно-грамматическом уровне и полифункциональную многоликость на семантическом уровне. Передвинутые на периферийный план придаточные части находятся в условной структурной изоляции, но не выходят за пределы синтаксического целого. Они осуществляют определенное ритмическое членение и разрыв линейных синтаксических связей, тем самым выводя в поле коммуникации второй план, или «второй голос». Такого рода «скобочную» подачу информации и интегрирование параллельного дискурса в нее предопределяет не только синтагматическое членение художественного нарратива, но и авторские установки на употребление усложненных конструкций, сочетающих магистральное и маргинальное содержание и детали.

В прагмастилистике примера (6) парентеза выступает индикатором отношения повествователя к персонажу и ситуации в целом, т. е. нарратор сознательно незначительно преувеличивает в эмоциональном плане с целью заострить внимание. Кроме того, для парентезы как синтаксической фигуры в данном примере характерна ориентированность на устную речь. Повествователь детализирует и подчеркивает истинность излагаемой информации, поддерживая стабильное реципиентное внимание, а парентетический синтаксис обеспечивает межплановый переход. Модус вставной части носит комментативно-субъективный характер. Такого рода «разрывной» синтаксис становится в некотором роде матричным и композиционно не только организует актуализационные речевые единицы, но и позволяет совместить с новым информационным блоком. Разрывая этот информационный поток однородного ряда сказуемых в главном предложении (*запрыгнул, обхватил, прижал*), комментативная вставка содержательно «цепляется» за образ внешнего вида персонажа (*брат Цзиньлун*), а именно той части, вид которой поражает нарратора и стимулирует эмотивную реплику – его ноги!

(7) 可是——我尖厉地嘶叫着——像我这样一个善良的人，一个正直的人，一个大好人，竟被他们五花大绑着，推到桥头上，枪毙了！...

Но – *тут мой внутренний голос сорвался на пронзительный крик* – такого доброго и порядочного человека, такого честного и прямодушного, такого замечательного обратали пятилепестковым узлом, вытолкали на мост и расстреляли! (с. 8)

(8) 你瞧瞧，蓝千岁——我不太敢呼您为蓝千岁——您用一根西门闹的 xx 巴，把这个简单的世界戳得多么复杂！

Видишь, Лань Цяньсуй – *мне и Лань Цяньсуйем называть тебя не с руки*, – как вы с Симэнь Нао этот простой мир елдой запутали! (с. 144)

В примере (8), как и во всех других примерах, парентетическая вставка характерно выделяется графически, что, по сути, разграничивает формально-содержательные планы и становится вспомогательным механизмом включения в матричное предложение, развивает и уточняет повествовательную интенцию. Здесь, в отличие от примера (6), где парентеза разрывала информационный поток, эмотивная вставка является скорее надстраивающейся, при этом сохраняет комментативно-субъективный характер. По степени семантической достаточности вставка представляет собой функционально амбивалентный синтаксический конструктор – самостоятельный и в то же время зависимый от главного предложения. Степень зависимости определяется контекстуальным обращением повествователя к персонажу и/или читателю и репликой, разворачивающей мысль. Таким образом, конативной функцией парентезы в данном случае выступает акцентуация личностного смысла, которая раскрывает прагматический потенциал дополнительного вставного высказывания.

С точки зрения семантического наполнения, семантической достаточности и характера вхождения в структуру включающего (матричного) предложения парентезу можно разделить на два типа: вставную (интеркалированную) и вводную (модусную). В рамках этой проблемной области исследования дифференциации такого рода парентез одним из важнейших следует считать вопрос о решающей роли парентез в том, как и почему они создаются. Рассмотрим два примера:

(9) 这就是我那狗娘的窝——没办法，从它的腓里钻出来，就得叫它为娘——也是我童年时期的窝，窝里塞上一簸箕夹杂着鸡毛的树叶，这就是我们的被褥。

Это было жилье моей матери – *ничего не поделаешь, я из нее вышел, так что придется звать ее матерью*, – в нем я провел детство, а постелью мне служили куриный пух и листва в плетеной корзине (с. 494).

(10) 它——就算是我们的爹吧——被一根粗重的铁链子，拴在孙氏兄弟“红”牌辣椒酱加工厂的院子里，<...>。

Его – *будем считать, нашего отца* – держали на толстой железной цепи во дворе производства острого соуса «хун» братьев Сунь. <...> (с. 494).

Функция вставной парентезы, как мы уже отмечали, заключается в расширении содержательного плана (содержательная функция). Парентеза, нарушая формальную структуру предложения, в смысловом плане является самодостаточной. Семантика вводной парентезы сводится к комментативным смыслам. Если вставную парентезу вычленишь из матричного предложения, смысл включающего предложения не изменится. При элиминации модусной парентезы происходит смещение акцентов (усиление или снижение категоричности).

В примерах (9) и (10) поликомпонентные вставки носят самостоятельный характер и имеют прагматическую направленность. Ироническая оценка в этих примерах выражает степень соответствия ситуации сформированным нормам и конвенциональным стереотипам. Основной их функцией выступает передача состояний и эмоции продуцента относительно событий в матричном предложении. В то же время вставки здесь носят и комментативно-оценочный характер, что свидетельствует о широком потенциале такого рода конструкций и языковых фреймов. В примере (9) стимулом, «открывающим» вставку-комментарий, является лексема ‘娘’ (нян) «матушка», которая побуждает прервать грамматически связанное выражение одной мысли и активизировать формулирование новой, но так или иначе связан-

ной с этой лексемой. Таким образом, точкой притяжения «пунктирного» повествования и нескольких нарраторских планов становится конкретная лексема ‘娘’. Аналогичную структуру имеет пример (10), в котором лексема ‘爹’ (де) «отец» в матричном, т. е. главном, предложении заменяется местоимением ‘它’.

(11) 我们的开放不顾伤痛，亲吻着这个高密县——在开放心目中也是全世界——最美丽的女人的身体。

Не обращая внимания на боль, Кайфан покрывал поцелуями тело прекраснейшей во всем Гаоми – *а для Кайфана и на всем белом свете* – женщины (с. 689).

(12) 我们的开放对着她举起了枪——孩子啊，千万别做傻事——他看着庞凤凰仿佛玉雕一般的美丽面庞——这个全世界最美丽的面庞——枪口无力地垂下了。他提着枪，冲出门去，在上升的台阶上——犹如从地狱攀升到天堂的台阶上——我们的开放双腿一软跪倒了。他把枪抵在其实已经被破坏了的心脏上——孩子啊，别做蠢事啊——扣动了扳机。

Кайфан наставил пистолет на нее – *ни в коем случае не совершай этой глупости, малец!* – но при виде ее прекрасного лика, будто выточенного из яшмы, – *этого красивейшего на всем белом свете лица* – бес- сильно выронил пистолет. Подняв его, он вылетел за дверь, и на самой верхней ступеньке – *словно на ступеньке, ведущей из ада в рай*, – ноги нашего Кайфана подкосились. Он рухнул на колени, приставил пистолет к своему уже разбитому сердцу – *не делай этого, малец, не совершай глупости!* – и нажал на курок (с. 690).

В примере (11) вставка, с одной стороны, масштабирует содержательный план, а с другой – тонко передает нюансы характера персонажа. В примере (12) прерывание основного нарратива достигает своего рода кульминации. Обилие вставок, имея пунктирный характер, сохраняет целостную структуру и логическую последовательность. Художественная цель изъяснительного характера дискурса второго плана – сделать высказывание более убедительным, довести напряжение до накала, предложить персонажу альтернативную мотивировку «со стороны», привлечь его и читателя на свою сторону. Через уплотнение и, по сути, ускорение информационного потока в художественном нарративе эти вставки условно можно рассматривать как интенсификацию коммуникации между автором и читателем, они достигают своего апогея и художественной цели воздействия на реципиента, т. е. читателя. При этом связанность мыслительного процесса, его последовательность опираются на глагольные маркеры – «наставил – выронил – вылетел – рухнул – нажал», которые передают логику следования событий основного дискурсивного плана. Таким образом, вводятся разные линии повествования, создается их разнонаправленность и многомерность, поддерживается повествовательная логика, стимулируется интегральный смысл. При этом основной функциональной нагрузкой комментативной парентезы по-прежнему выступают акцентуация и выделение значимостей.

Подчеркнем также, что Мо Янь не ограничивается парентезами на уровне одного предложения или фразы, он выходит на уровень текстовых блоков, отдельных нелинейных глав-вставок и романа в целом. Так, например, главы XXVII, XXVIII и другие представляют собой автоинтертекстуальные парентетические конструкции. При этом речь идет не о реальных текстах. Автор использует метод метанарратива, чтобы сделать писателя Мо Яня персонажем романа. Он постоянно вставным образом добавляет некое творчество «Мо Яня» в повествование и указывает, что этот «Мо Янь» несет в своих текстах чушь, и ему нельзя доверять. Кроме отсылки к некоему произведению «Тайсуй», в романе упоминаются также и другие произведения «Мо Яня», такие как «История желчного пузыря» (《苦胆记》), «Черный осел» (《黑驴记》), «Свиноводство» (《养猪记》), «Месть» (《复仇记》), «Расписная ритуальная алебарда» (《方天画戟》), «Постреволюционный солдат» (《后革命战士》), «Роман о цветке абрикоса» (《杏花烂漫》), «Прыжок с шестом на Луну» (《撑杆跳月》), «Записки о новом камне» (《新石头记》), «Полная Луна» (《圆月》) и другие. Эти парентетические блоковые вставки и отсылки на якобы существующие произведения являются попыткой изобразить инородные фиктивные тексты и, интегрируя в художественный универсум, сделать их частью романа.

Как видим, автору важен прием вставки, чтобы раздвинуть границы повествования и попробовать осуществить идею взаимодействия мира реального и художественного. Эти интегрированные блоки, вставки и рассуждения, организованные по композиционной модели «автор – текст – читатель», во второй части романа становятся интенсивными и ближе к финалу усиливают воздействующий потенциал. Таким образом, Мо Янь через стилистический прием парентезы и композиционную поэтику текста выходит на коммуникативно-прагматический уровень, максимально вовлекая читателя в художественный мир, делая его соучастником, активным игроком, персонажем художественного мира, и размывает границы реальности и фикции. Иначе говоря, парентетическая конструкция выступает «полем напряжения» текста и коммуникативной моделью сотворчества, активно подключая читателя к участию в художественном пространстве. «Второй голос» в тексте в виде прагматической вставки разрушает дискурсивную линейность и создает структурную многомерность и многоплановость, парентеза тем самым способствует формированию прагматического потенциала художественного текста, играя важную роль в создании лингвопоэтической и мультимодальной картин художественного универсума.

Выводы и заключение

Проведенный анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что нелинейное повествование, основанное на вставных оборотах, составляет одну из особенностей идиостиля Мо Яня, а парентетические конструкции представляют собой стройные синтаксические структуры. Эти структуры не подчиняются каким-то общим правилам синтаксического оформления и осуществляют в художественном тексте прагматические функции, непосредственно участвуют в создании многомерного дискурсивного пространства на всех уровнях, прежде всего лингвистическом и когнитивном, тем самым достигая и экстралингвистических целей. Сочетание разноплановых знаний с помощью парентезы, которая является частью когнитивной деятельности человека, становится метазнанием. Инженерия такого рода знаний вытекает из семантических нагрузок функциональных перспектив высказываний, а парентеза становится индикатором идиостиля писателя. И этот прием продуктивно интегрируется в художественный дискурс, благодаря присущей изначальной экспрессивности и прагматической направленности. При этом использование парентезы лаконизирует, минимализирует и компрессирует использование языковых средств при выходе на смешанные дискурсивные планы, этого же эффекта можно было бы достичь через разветвленные описательные приемы и языковые фигуры дескриптивного характера.

Для романа «Устал рождаться и умирать» (2005) характерны развернутые парентетические фразы, обладающие особой воздействующей силой. Мо Янем практически не используются вставки из одного слова, наоборот, с развитием сюжета, они становятся более сложными и разветвленными, достигая уровня «текста в тексте». Такого рода умелое манипулирование парентезой связано с передачей модальности, созданием общего эмоционально-экспрессивного впечатления и попыткой размыть у читателя границу мира реального и ирреального. В то же время парентеза носит нарратоцентрический характер, т. е. разворачивает повествовательный план и фокусирует внимание на перцепции происходящего нарратором. Эти дискретные единицы и ремарки, являясь инструментом интеграции и организации художественного материала, расширяют информативно-текстовое пространство, комментируя отношение к ситуации или персонажу. Некоторые парентезы носят этнонациональный характер, являются комплексными образными единицами, выполняют различные функции и имеют национальную специфику. Они выступают в качестве композиционных элементов, помогающих выстроить разноплановую художественную дискурсивность.

Несмотря на высокую частотность использования вставных конструкций, особенно в романе «Устал рождаться и умирать», Мо Янь в полной мере обеспечивает сохранность, динамизм и непрерывность основной сюжетно-концептуальной линии повествования, обогащая

ее добавочной информацией. Большинство используемых парентетических конструкций выполняет функцию ремарки, пояснения, уточнения или дополнения. Двумерный нарратив осуществляется автором с помощью этих пояснений и уточнений. Также инкорпорируемые элементы носят субъективный экспрессивно-оценочный характер, выражают оценку степени достоверности, сомнение, иронию, возмущение и прочее. В большинстве случаев перевод такого рода синтаксических построений на русский язык сохраняет свою функцию. Исследования парентетических конструкций в китайском языке представляются весьма перспективными и открывают широкие возможности для дальнейшего анализа потенциала данного феномена в художественном тексте.

Список литературы

- Александрова О. В.** Проблемы экспрессивного синтаксиса. М.: Ленанд, 2021. 214 с.
- Андрамонова Н. А.** Семантико-функциональный статус парентезы (на материале произведений Л. Н. Толстого) // Филология и культура. 2014. № 1 (35). С. 7–12.
- Биренбаум Я. Г.** Пространство вводности и придаточные предложения. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 1976. 117 с.
- Горбачева Е. Н.** Вводные высказывания в структуре текста: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГПУ, 2003. 154 с.
- Долгова О. В.** Семиотика неплавной речи. М.: Высш. шк., 1978. 264 с.
- Игнатенко А. В.** Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньлянь» // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Серия: Востоковедение и Африканистика. 2022. № 3. С. 507–523. DOI 10.21638/spbu13.2022.308
- Пескова Н. А.** Когнитивная основа изоморфизма некоторых синтаксических конструкций // Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингв. ун-та, 2002. С. 133–139.
- Поликарпова О. Н.** Комментативная парантеза как единица композиционного синтаксиса: на материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2011. 193 с.
- Поликарпова О. Н.** Критерии разграничения комментативной модусной парантезы и симилиативных синтаксических преобразований // Мир науки, культуры и образования. 2017. № 2 (63). С. 367–369.
- Рачук Н. В.** Функционирование вводных элементов в современном газетном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 202 с.
- Самолетова Р. С.** Структурно-семантические свойства и функционально-стилистический статус парентезы в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Минск: Изд-во Минск. гос. лингв. ун-та, 1980. 219 с.
- Син Ф.** Грамматика китайского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 764 с.
- Стунгене А. Э.** Проблема вводного и вставного элемента в потоке речи: на материале английской лингвистической прозы: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1974. 128 с.
- Сунь Ю., Калинин О. И., Игнатенко А. В.** Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 250–277. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277

Список источников

- Мо Янь.** Устал рождаться и умирать / Пер. с кит. И. Егорова. СПб.: Амфора, 2014. 703 с.

References

- Aleksandrova O. V.** Problemy ekspressivnogo sintaksisa [Problems of expressive syntax]. Moscow, Lenand, 2021, 214 p. (in Russ.)
- Andramonova N. A.** Semantiko-funktsional'nyi status parentezy (na materiale proizvedenii L. N. Tolstogo) [Semantic and functional status of parenthesis (based on the works of L. N. Tolstoy)]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2014, no. 1 (35), pp. 7–12. (in Russ.)
- Birenbaum Ya. G.** Prostranstvo vvodnosti i pridatochnye predlozheniya [The introductory space and subordinate clauses]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical Uni. Press, 1976, 117 p. (in Russ.)
- Gorbacheva E. N.** Vvodnye vyskazyvaniya v strukture teksta [Introductory statements in the structure of the text]. Moscow, Moscow State Pedagogical Uni. Press, 2003, 154 p. (in Russ.)
- Dolgova O. V.** Semiotika neplavnoi rechi [Semiotics of non-verbal speech]. Moscow, Higher School, 1978, 264 p. (in Russ.)
- Ignatenko A. V.** Osobennosti yazykovoi igry v proze Lyu Chzhen'yunya na primere romana “Ya ne Pan' Czin'lyan” [Features of the language game in Liu Zhenyun's prose on the example of the novel “I am not Pan Jinlian”]. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series: Oriental and African Studies*, 2022, no. 3, pp. 507–523. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu13.2022.308
- Peskova N. A.** Kognitivnaya osnova izomorfizma nekotorykh sintaksicheskikh konstruktssii [Cognitive basis of isomorphism of some syntactic constructions]. In: Cognitive paradigm: frame semantics and nomination. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Uni. Press, 2002, pp. 133–139. (in Russ.)
- Polikarpova O. N.** Kommentativnaya parenteza kak edinitsa kompozitsionnogo sintaksisa: na materiale angliiskogo yazyka [Commentative paranthesis as a unit of compositional syntax: on the material of the English language]. Barnaul, Altai State Pedagogical Uni. Press, 2011, 193 p. (in Russ.)
- Polikarpova O. N.** Kriterii razgranicheniya kommmentativnoi modusnoi parentezy i similyativnykh sintaksicheskikh preobrazovaniy [Criteria for distinguishing the commentative mode parenthesis and the simulative syntactic transformations]. *The World of Science, Culture and Education*, 2017, no. 2 (63), pp. 367–369. (in Russ.)
- Rachuk N. V.** Funktsionirovanie vvodnykh elementov v sovremennom gazetnom tekste [Functioning of introductory elements in a modern newspaper text]. St. Petersburg, 1999, 202 p. (in Russ.)
- Samoletova R. S.** Strukturno-semanticheskie svoistva i funktsional'no-stilisticheskii status parentezy v sovremennom nemetskom yazyke [Structural-semantic properties and functional-stylistic status of parenthesis in modern German]. Minsk, Minsk State Linguistic Uni. Press, 1980, 219 p. (in Russ.)
- Sing F.** Grammatika kitaiskogo yazyka [Grammar of the Chinese language]. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2020, 764 p. (in Russ.)
- Stunken A. E.** Problema vvodnogo i vstavnogo elementa v potoke rechi: na materiale angliiskoi lingvisticheskoi prozy [The problem of the introductory and insertion element in the flow of speech: on the material of English linguistic prose]. Moscow, Lomonosov Moscow State Uni. Press, 1974, 128 p. (in Russ.)
- Sun Y., Kalinin O. I., Ignatenko A. V.** The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 250–277. (in Russ.) DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277

List of Sources

- Mo Yan.** Ustal rozhdat'sya i umirat' [Tired of being born and dying]. Transl. from Chinese by I. Egorov. St. Petersburg, Amphora, 2014, 703 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Владимирович Игнатенко, кандидат филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57223025263

WoS Researcher ID ABC-7865-2020

RSCI Author ID 1045741

SPIN 7534-3139

Information about the Author

Alexander V. Ignatenko, Candidate of Science (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57223025263

WoS Researcher ID ABC-7865-2020

RSCI Author ID 1045741

SPIN 7534-3139

*Статья поступила в редакцию 09.10.2022;
одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 31.01.2023
The article was submitted on 09.10.2022;
approved after review on 20.01.2023; accepted for publication on 31.01.2023*

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-127-139

Длительность китайских слогов в коммерческом и социальном рекламном дискурсе

Светлана Викторовна Андросова¹

Вероника Георгиевна Караваева²

Чжан Цзяньвэнь³

¹ Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия

² Московский городской педагогический университет
Москва, Россия

³ Хэйхэский университет
Хэйхэ, Китай

¹ androsova_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>

² karavaeva.vg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2608-7362>

³ 5644060@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9867-0245>

Аннотация

Рассматривается влияние информационной нагрузки и гендерного фактора на длительность китайских слогов в коммерческом и социальном рекламном дискурсе. Материалом послужили тексты звучащей рекламы в произнесении 6 профессиональных дикторов (3 мужчины, 3 женщины). В работе показано, что длительность является одним из важнейших маркеров информационной нагруженности слога. В большинстве случаев наблюдается увеличение длительности слога на участках с высокой информационной нагрузкой. Обнаружена гендерная разница: 1) слоги в женской речи имеют большую длительность, чем в мужской; 2) мужчины более эффективно используют контраст по длительности на участках разной информационной нагрузки, на что указывает большая разница между нагруженными и ненагруженными слогами по длительности в речи мужчин.

Ключевые слова

рекламный дискурс, длительность, китайский слог, информационная нагрузка, акустический анализ, гендерные различия

Для цитирования

Андросова С. В., Караваева В. Г., Чжан Цзяньвэнь. Длительность китайских слогов в коммерческом и социальном рекламном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 127–139. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-127-139

Duration Patterns of Chinese Syllables in Commercial and Social Oral Advertisements

Svetlana V. Androsova¹, Veronika G. Karavaeva², Zhang Jianwen³

¹ Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

² Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation

³ Heihe University
Heihe, China

¹ androsova_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>

² karavaeva.vg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2608-7362>

³ 5644060@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-9867-0245>

Abstract

Information structure of an utterance is one of the key factors determining phonological unit realization patterns including the duration which is manifested differently in males and females. This article examines the influence of information load and gender on the Chinese syllable duration in commercial and social advertising discourse. The material was taken from the texts of commercial and social oral advertising produced by 6 professional speakers (3 males, 3 females). The measurements were performed in Praat on the syllables with identical phonemics and the same lexical tones occurring both on informative (previously classified as such by a minimum of 6 out of 10 listeners) and uninformative (the remaining) utterance parts. The results show that duration is one of the most important markers of a syllable information load. In both commercial and social advertisements, in over 50 % of cases informative syllables' duration was longer than that of uninformative ones. The difference was not large but rather consistent. It means that not only duration is involved in manifesting the utterance information structure but other prosodic parameters as well. Another finding was gender difference: 1) on the whole, syllables in female speech have longer duration than in male; 2) males use the duration technique more effectively than females: the contrast between loaded and unloaded syllables is higher.

Keywords

advertising discourse, duration, Chinese syllable, information load, acoustic analysis, gender differences

For citation

Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Jianwen. Duration Patterns of Chinese Syllables in Commercial and Social Oral Advertisements. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 127–139. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-127-139

Введение

Информационно-дискурсивный подход к анализу языковой системы является одним из наиболее распространенных в междисциплинарных исследованиях, в том числе лингвистических (см., например, работы, посвященные особенностям манифестации и восприятия единиц разной информативной нагруженности: [Гусева, 2001, с. 56–67; 2014]). Сегодня интерес к рекламе продолжает расти [Habeeb, 2019], что напрямую связано с увеличением объема производства рекламы. В Китае в период 1979–2003 гг. объем рекламы вырос на 90 % [Chong Wang, 2017, p. 8]. Рекламу называют «ментальной энциклопедией» современного человека, жизнь и реальность которого строится на образах рекламы, на звуковых сигналах-триггерах из рекламы; в речи современного человека присутствует много устойчивых выражений, слоганов, которые впервые были произнесены в рекламе [Hosni, El-Dali, 2019, p. 97]. И это не случайно, ведь коммерческая реклама служит одним из главных инструментов общения между потребителем и продавцом. Реклама нужна не только в сфере бизнеса, но и в социальной сфере, где ее функция заключается в пропаганде социально-общественных идей или даже манипуляции сознанием [Danilina et al., 2019, p. 8]. В современном Китае социальная реклама концентрируется на наиболее болезненных явлениях общественной жизни [Лю Сяо Нань, 2009, с. 138]. Для разного типа реклам используются одни и те же инструменты, но по-раз-

ному. Произносительный стиль занимает важное место в ряду показателей эффективности рекламы, особенно если речь идет о рекламе на радио [Яо Минлу, 2018, с. 120], когда человек слышит только голос диктора, который не подкрепляется визуальными образами. При создании рекламы активно используются такие фонетические приемы, как аллитерация, ассонанс, рифма, повтор звуко сочетаний, звуковой символизм, звукоподражание [Улитина, 2010]. Один из наиболее популярных приемов – языковая игра, комбинирующая единицы различных языковых и неязыковых уровней (например, лексического и графического) [Teletov et al., 2019, p. 458].

Аудиореклама имеет свои преимущества: не такая высокая стоимость и более широкое распространение, однако ее эффективность напрямую зависит от того, насколько профессионально диктор владеет рекламным произносительным стилем. Именно поэтому в последнее десятилетие наблюдается повышенный интерес к рекламному произносительному стилю как среди отечественных, так и среди зарубежных ученых, преподавателей факультетов, где готовят работников для СМИ.

Исследователи темпоральных особенностей рекламы говорят о важности фактора «скорость речи диктора». Если диктор говорит достаточно быстро, но не слишком быстро, это положительно влияет на восприятие рекламы, увеличивает доброжелательное отношение к ней; если темп медленный, то слушатели более внимательны к информации в рекламе; кроме того, высокая частота женского голоса больше нравится слушателям, чем низкочастотный мужской голос, поэтому в радиорекламе чаще используется женский голос [Ван И, Лю Цзя, 2018, с. 100–101]. Положительное влияние на имидж бренда компании и эффективное восприятие рекламы оказывают особенности голоса диктора: высокий или низкий голос, «нежный» тембр голоса и др. [У Даньхуа, 2019, с. 89].

В данной статье сделана попытка проанализировать длительность слогов в коммерческой и социальной звучащей рекламе на участках высокой и низкой информативности, поскольку 1) объем информации является важным фактором, управляющим процессом речевого производства [Greenberg, Fosler-Lussier, 2000]; 2) высокая информативность предполагает более тщательное артикулирование, а низкая – менее тщательное [Nolan, Kerswill, 1990]; 3) длительность считается ведущим фонетическим коррелятом информационной нагруженности [Bell et al., 2003].

Материал и методика исследования

Корпус исследования составила китайская коммерческая и социальная радиореклама. Критерием для отнесения рекламного текста к коммерческой рекламе служила направленность на продажу товара или услуги (реклама молока, интернет-магазинов, лекарств, банковских услуг и т. д.), а к социальной – направленность на проблемы общества (защита окружающей среды, забота о родителях, безопасность, соблюдение законов и правил и т. д.). Тексты коммерческой рекламы были отобраны на сайтах радиостанций «Цзяотун гуанбо» (交通广播), «Лунгуан синьвэнь» (龙广新闻), на улице, в торговых центрах (живая, звучащая реклама); тексты социальной рекламы получены с сайтов радиостанций «Цзяотун гуанбо» (交通广播), «Души шэнху» (都市生活), «Души ньюсин» (都市女性), «Гаосяо гуанбо» (高校广播). Поскольку музыка в рекламе делает ее непригодной для акустического анализа, тексты были перезаписаны без музыкального сопровождения на радио г. Хэйхэ профессиональными дикторами в возрасте 24–28 лет – носителями китайского языка (3 мужчины и 3 женщины), с высшим образованием в области массмедиа, владеющими стандартным китайским произношением (*путунхуа*).

Объем материала составил 59 коммерческих и 72 социальные радиорекламы различной длительности звучания (от 4 до 72 секунд). Общая продолжительность речи составила 1 час: по 30 минут коммерческой и социальной рекламы (от каждого диктора около 5 минут). Общее количество слогов составило 11 290: в социальной рекламе – 4 617, в коммерческой –

6 673, всего отобрано и проанализировано – 1 249 слогов. Тексты коммерческой рекламы содержали в целом 2 984 слова (89 % знаменательных частей речи, 11 % служебных); тексты социальной рекламы содержали 2 824 слова (87 % знаменательных, 13 % служебных).

На первом этапе был собран корпус исследования, на втором проведен перцептивный эксперимент с целью отбора информационно нагруженных и ненагруженных участков радиорекламы (подробнее о методике проведения эксперимента см.: [Чжан Цзяньвэнь, Гусева, 2017; Гусева, 2001, с. 17]). По результатам эксперимента каждый слог получил свой маркер – *выбираемый* (информационно нагруженный) и *невыбираемый* (ненагруженный). Группе китайских студентов Института иностранных языков г. Хэйхэ (10 человек) было предложено дважды прослушать рекламные тексты и выписать наиболее важные по смыслу слова и словосочетания. Перцептивный эксперимент проводился несколько дней с одной и той же группой участников. Полученные данные были проанализированы и систематизированы на основе методики, согласно которой слова и словосочетания, отмеченные большинством аудиторов как информативно нагруженные, образуют информативный каркас / фокус дискурса (далее – ИКД), его смысловое ядро, понимание которого оказывает решающую роль при восприятии текста в целом [Гусева, 2015; Гусева и др., 2009].

Ответы аудиторов (ИКД) включают в себя 1 010 лексических единиц – 17 % от общего количества словоупотреблений в анализируемых текстах: из них 568 слов составили информационное ядро коммерческой рекламы (19 % от общего количества лексических единиц в коммерческой рекламе), 442 слова вошли в ядро социальной рекламы (16 % от общего количества лексических единиц в социальной рекламе). Указанные лексические единицы были подвергнуты процедуре индексирования.

Значительная доля вошедших в ИКД слов – 91 % – знаменательные. Служебные слова были восприняты как информативно важные элементы в 9 % случаев: 1) структурные частицы (в сочетаниях с существительными 生活的 *shēng huó de* ‘жизненный’, местоимениями 我的 *wǒ de* ‘мой’ и глаголами 生产的 *shēng chǎn de* ‘производительный’); 2) предлоги (в сочетании с существительными 在家乡 *zài jiā xiāng* ‘на родине’, местоимениями 从我做起 *cóng wǒ zuò qǐ* ‘с меня начни’, где они выступают в качестве проклитики; 3) счетные слова (например, 一段路 *yī duàn lù* ‘участок дороги’, 两元 *liǎng yuán* ‘два юаня’, 五万平方米 *wǔ wàn píng fāng mǐ* ‘50000 квадратных метров’); 4) союзы (в сочетании с местоимениями 您和他人 *nín hé tā rén* ‘Вы и остальные’, 责任和信念 *zé rèn hé xìn niàn* ‘ответственность и вера’. Индекс частотности служебных частей речи равен 0,6 (воспринят как информативно важный 60 % аудиторов).

Основной массив слов в информационном каркасе как в коммерческой, так и в социальной рекламе составляют существительные (44 % от всех словоупотреблений в обоих типах рекламы) и глаголы (21 %); на оставшиеся 35 % приходятся остальные части речи (знаменательные: прилагательные, местоимения, наречия, числительные; служебные: союзы, предлоги, счетные слова, частицы).

Слова, вошедшие в ИКД, послужили основой для проведения дальнейшего эксперимента. Целью третьего этапа эксперимента было сопоставить особенности реализации длительности у одних и тех же слогов на участках разной информационной нагруженности – в выбираемых (ИКД) и невыбираемых слогах.

Было сформировано 152 группы слогов для коммерческой рекламы: у мужчин – 80 групп с 375 слогами, у женщин – 72 группы с 263. Для социальной рекламы было сформировано 147 групп слогов: у мужчин – 71 группа с 305 слогами, у женщин – 76 групп с 306. Группа представляла собой реализации одного и того же слога на выбираемых и невыбираемых участках. Было подсчитано среднее значение длительности по каждой группе (отдельно для выбираемых и невыбираемых единиц). Замерялась длительность слога целиком.

Контраст длительности китайских слогов в речи мужчин и женщин в социальном и коммерческом рекламном радиодискурсе

Контраст – особый лингвистический прием, позволяющий передать отношение говорящего к объекту речи, он положен в основу различных литературных тропов и фигур речи [Чу-рюканова, 2015]. Контрастивное варьирование длительности фонологических единиц в зависимости от структурных и ритмических особенностей рекламы является своеобразным маркером рекламного дискурса. Могут отмечаться две тенденции: во-первых, сокращение длительности ударных гласных в конечном и неконечном слове и увеличение протяженности предупредительных и заударных гласных неконечного слова в синтагме; во-вторых, особенность ритмической структуры конечного и неконечного слов в радиорекламе формируется выравниванием ударных и безударных звуков по протяженности [Чернявская, 2014, с. 15].

Исследователи китайского языка всё чаще говорят об особенностях функционирования фонологических единиц и просодических компонентов на участках разной информационной нагрузки: о функциональной нагрузке пауз [Тэн Хай, 2015, с. 106], о разном фонетическом оформлении лексических единиц, которые могут выступать в своих обычных значениях или в качестве слов-паразитов [Ли Ифан, Андросова, 2019, с. 99]. Исследования темпоральных особенностей китайской рекламы подтвердили, что информационно нагруженные слоги отличаются большей «выделенностью» в связной речи, чем ненагруженные, например, за счет варьирования скорости речи диктора, расстановки пауз [Чжан Цзяньвэнь, Караваева, 2019].

Понятие «выделенность» в речи тесно связано с понятием ударения, поскольку ударение (акцент) – выделение в речи той или иной единицы в последовательности однородных единиц с помощью фонетических средств [ЛЭС, 1990, с. 530]. Однако ударение в китайском (как и в других восточных языках, например в бирманском и вьетнамском) можно рассматривать лишь во фразе, поскольку оно не существует как фонологически самостоятельное средство [Андреев, Гордина, 1963, с. 64; Задоев, 1966, с. 124; Касевич, 1983, с. 366–368]. К средствам выделенности китайского слога можно отнести увеличение длительности финали ударного слога и его интенсивности как сопутствующего фактора [Задоев, 1966, с. 108–134; Спешнев, 1972, с. 32]. По данным перцептивных экспериментов, наиболее значимым параметром является длительность, интенсивность менее значима [Чжао Юаньжэнь, 1980; Чжун Сяобо, Ян Юйфан, 1999, с. 470].

Мы рассматриваем ударность во фразе как прямое следствие более высокой информативной нагрузки. По данным эксперимента, длительность слогов на нагруженных участках выше, чем на ненагруженных (рис. 1). Превышение небольшое (12 мс – столбцы 1–2), но достаточное для восприятия (10 и более мс [Lehiste, 1970, р. 13]).

Тенденция сохраняется при разделении по гендерному фактору (см. рис. 1): в меньшей степени у женщин (7 мс – столбцы 3–4), в несколько большей у мужчин (15 мс – столбцы 5–6). Разница выбираемых и невыбираемых слогов, однако, оказалась меньше гендерной: 15 мс на выбираемых участках (столбцы 3, 5) и 23 мс на невыбираемых (столбцы 4, 6).

Коммерческая реклама

В коммерческой рекламе (рис. 2) тенденция схожая: слоги на нагруженных участках длиннее, чем на ненагруженных (12 мс – столбцы 1–2). Длительность слогов в женской речи выше, чем в мужской: на информационно нагруженных участках – 207 и 185 мс, на ненагруженных – 200 и 171 мс соответственно.

Тенденция сохраняется при разделении по гендерному фактору в меньшей степени у женщин (7 мс – столбцы 3–4), в несколько большей у мужчин (14 мс – столбцы 5–6). И вновь разница оказалась меньше гендерной: 22 мс на выбираемых участках (столбцы 3, 5) и 29 мс на невыбираемых (столбцы 4, 6).

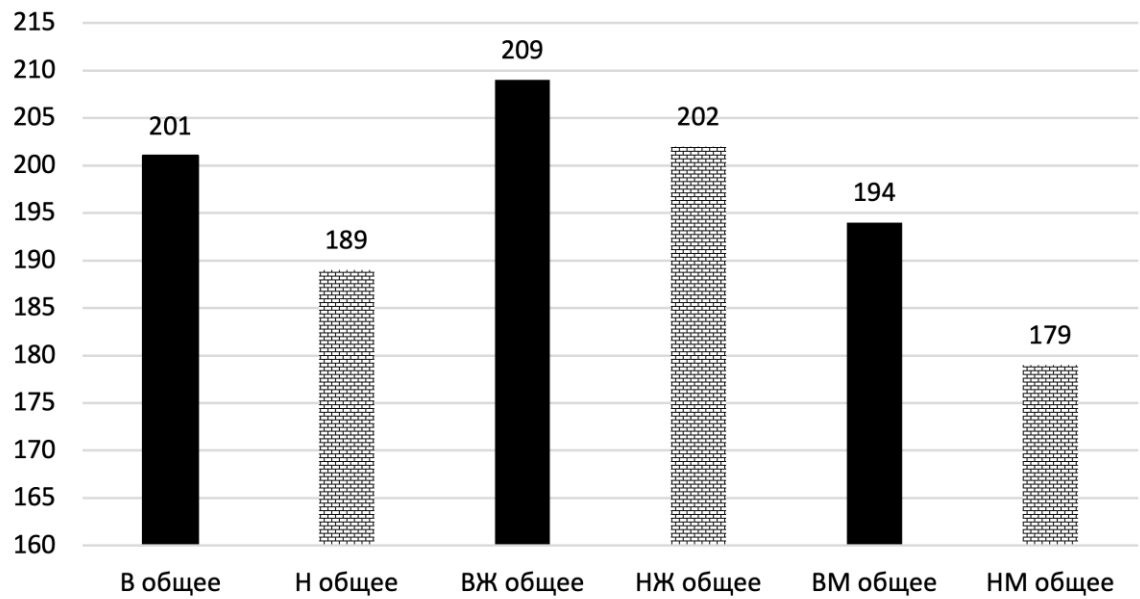

Рис. 1. Контраст по длительности слогов у дикторов мужчин и женщин на участках разной информационной нагруженности (В – нагруженные слоги, Н – ненагруженные слоги, Ж – женская речь, М – мужская речь, общее – оба типа рекламы взяты вместе)

Fig. 1. Syllable duration with different information loading in contrast: in male and female speech (B – loaded syllables, N – unloaded syllables, Ж – female speech, M – male speech, in general – both types of advertising are taken together)

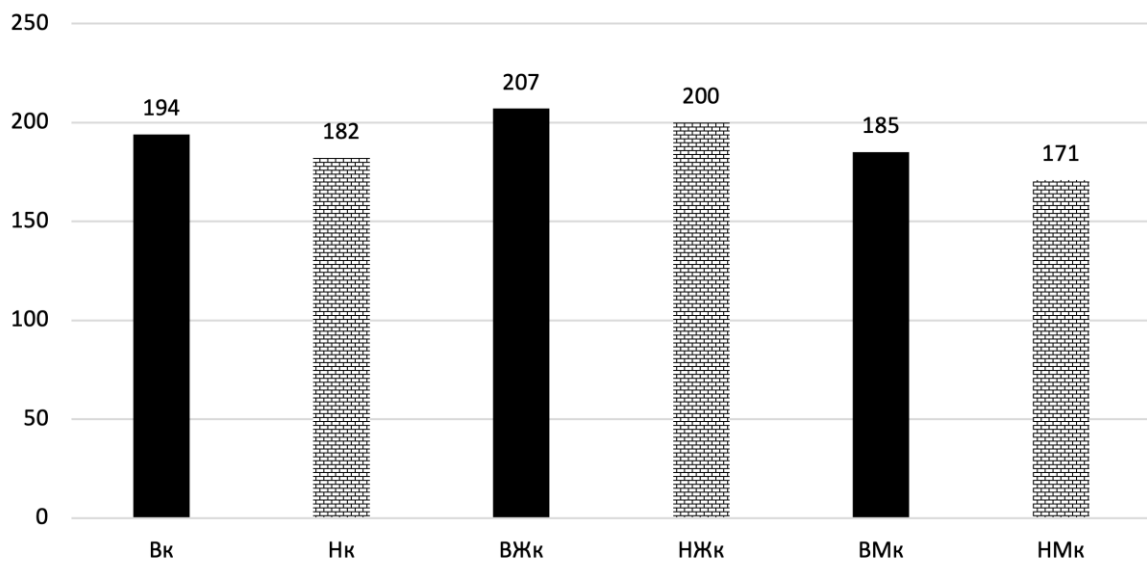

Рис. 2. Контраст по длительности слогов у дикторов мужчин и женщин на участках разной информационной нагруженности в коммерческой рекламе (В – нагруженные слоги, Н – ненагруженные слоги, Ж – женская речь, М – мужская речь, к – коммерческая реклама)

Fig. 2. Syllable duration with different information loading in contrast: in male and female speech of commercial advertisement (B – loaded syllables, N – unloaded syllables, Ж – female speech, M – male speech, к – commercial advertisement)

В слоговых группах в коммерческой рекламе длительность информационно нагруженных слогов превышает длительность ненагруженных в 56 % случаев. При подсчете отдельно по женщинам и мужчинам тенденция сохраняется (58 и 54 % соответственно). Таким образом, длительность играет важную роль в выражении информационной нагрузки, но не является ее единственным определяющим фактором. Компенсаторную роль могут выполнять интенсивность и особенности реализации основного тона по сравнению с этимологическим тоном.

Для анализа разницы значений длительности была также применена методика нахождения квартилей¹. Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее часто встречающиеся показатели разницы между нагруженными и ненагруженными слогами являются статистически значимыми, в речи женщин фиксируются более высокие значения. Данная тенденция верна как в ситуации, когда нагруженные слоги длиннее, так и в ситуации, когда длиннее ненагруженные слоги.

Социальная реклама

Как и в коммерческой рекламе, длительность слогов на нагруженных участках социальной рекламы (рис. 3) была выше, чем на ненагруженных (разница в 12 мс). Средняя длительность слогов в речи женщин была немного выше, чем в речи мужчин на обоих типах участков. На нагруженных участках она составила 210 мс (женщины) и 206 мс (мужчины), на ненагруженных – 203 и 188 мс соответственно. Разница между нагруженными и ненагруженными слогами в речи мужчин была выражена ярче, чем в речи женщин (ср. 18 и 7 мс соответственно). Данный показатель схож с показателем в коммерческой рекламе (14 мс в речи мужчин и 7 мс в речи женщин). Разница в длительности слогов между дикторами мужчинами и женщинами на одинаковых по нагруженности участках в данном типе рекламы была значительно меньше, чем в коммерческой, и составила 4 мс для нагруженных и 15 мс для ненагруженных участков (ср. для коммерческой – 22–29 мс).

Результаты, полученные в слоговых группах социальной рекламы, были схожи с результатами, полученными в слоговых группах коммерческой рекламы. На нагруженных участках в среднем в 58 % случаев длительность слогов была больше, чем на ненагруженных. Частота таких реализаций в речи мужчин составила 55 %, в речи женщин – 61 % (процент взят от количества групп слогов в мужской и женской речи отдельно) (ср. 54 и 58 % соответственно). В социальной рекламе, как и в коммерческой, информационная нагрузка играет важную роль в реализации длительности. Выбираемые слоги чаще длиннее невыбираемых, однако достаточное количество ненагруженных слогов имели более высокие показатели длительности.

Поскольку процентное соотношение слогов в обеих ситуациях (когда длиннее были нагруженные слоги и когда длиннее были ненагруженные слоги) схожее, опишем лишь общую тенденцию. Наибольшее количество случаев в той и другой ситуации 80 % (ср. 72 % в коммерческой рекламе) приходится на статистически значимую разницу. На незначительную разницу приходится 20 %, и этот показатель немного ниже, чем показатель для довольно высоких значений разницы. В коммерческой рекламе он немного выше.

Методика нахождения квартилей показала, что полученные данные сопоставимы с данными по коммерческой рекламе и в целом формируют общую тенденцию: в большинстве случаев разница по длительности между информационно нагруженными и ненагруженными слогами является статистически значимой. Однако в коммерческой рекламе среднее значение разницы и значения квартилей больше в речи женщин, в то время как в социальной рекламе – в речи мужчин.

¹ Квартили (Q0–Q4) вычислялись в табличном процессоре автоматически на ряду данных, расположенных в порядке возрастания. Q0 – абсолютный минимум; Q1 – показатель, меньший, чем ¼ всех значений в ряду данных (в нашем случае – длительностей слогов); Q2 – половина данных меньше этого показателя, а вторая половина – больше; Q3 – показатель, меньший, чем ¾ всех значений; Q4 – абсолютный максимум.

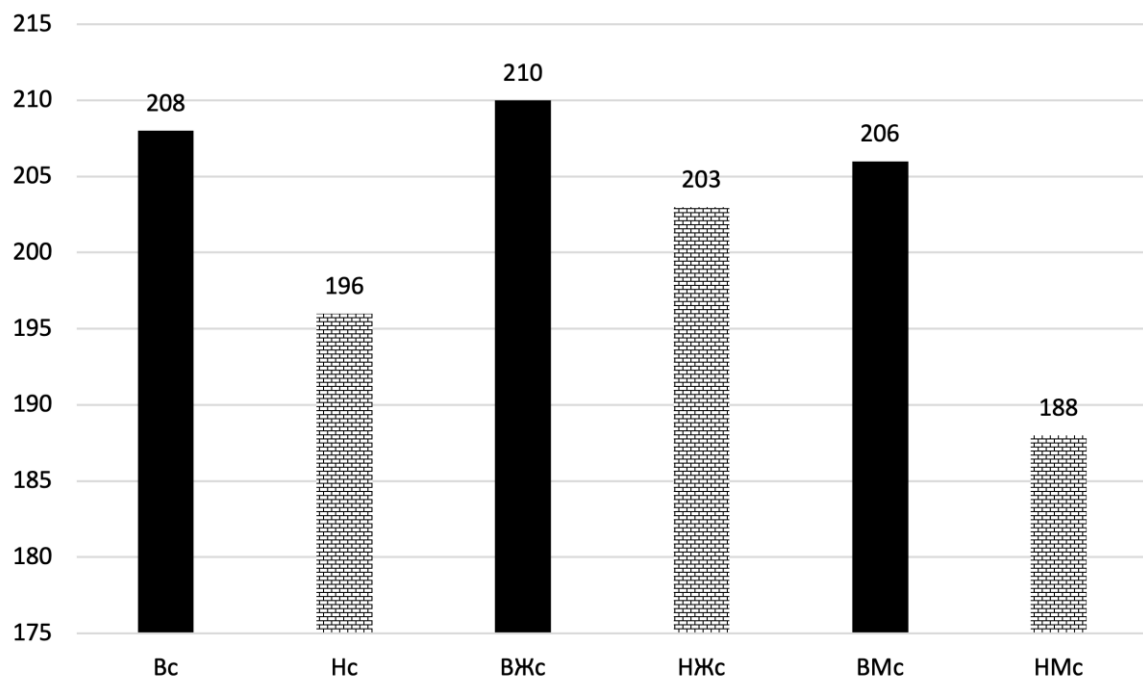

Рис. 3. Контраст по длительности слогов у дикторов мужчин и женщин на участках разной информационной нагрузки в социальной рекламе (В – нагруженные слоги, Н – ненагруженные слоги, Ж – женская речь, М – мужская речь, с – социальная реклама)

Fig. 3. Syllable duration with different information loading in contrast: in male and female speech of social advertisement (B – loaded syllables, N – unloaded syllables, Ж – female speech, M – male speech, c – social advertisement)

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что в обоих типах китайской аудиорекламы более чем в половине случаев длительность слогов на нагруженных участках превышает этот параметр для ненагруженных участков. Многофакторный анализ с разделением по признакам типа рекламы, гендера и степени информативной нагрузки показал, что это превышение устойчивое, но небольшое. Полученные результаты означают, что длительность – это не единственный, а один из важных просодических параметров, действующих в комплексе при фонетическом оформлении распределения информационной нагрузки в речевом произведении. Мужчины используют длительность для контрастирования информативно нагруженных и ненагруженных участков немного эффективнее, чем женщины. Гендерная разница проявляется и в том, что слоги в речи женщин в целом длиннее, чем в речи мужчин. Возможно, срабатывает привычка говорить «жестче» и короче, более характерная для мужчин, однако делать окончательный вывод по этому поводу преждевременно.

Реклама – очень компактное речевое произведение. Ее жанровые особенности и условия трансляции предполагают отражение только самого важного для целевой аудитории. В рекламу не могут входить избыточные слова, не выполняющие эту функцию. Этим и объясняется небольшая разница по длительности слов, выбранных как самые важные среди других, тоже важных по смыслу.

Перспективу исследования составит изучение взаимовлияния различных факторов на информационную нагруженность китайских слогов – как взаимодействуют длительность, темп, мелодика и интенсивность при просодической аранжировке информационного каркаса в китайской аудиорекламе.

Список литературы

- Андреев Н. Д., Гордина М. В. Тональная система и ударение в бирманском и вьетнамском языках // Филология стран Востока. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 59–64.
- Гусева С. И. Коммуникативная перспектива высказывания и реализация сегментных единиц: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 403 с.
- Гусева С. И. Восприятие спонтанной речи: информационный подход // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2014. № 3. С. 11–21.
- Гусева С. И. Реализация немецкого вокализма: семантикоцентрический подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 16–34.
- Гусева С. И., Пирогова М. А., Шуйская Т. В. Методы выделения тематических и рематических участков в спонтанной речи // Вестник ИГЛУ. 2009. № 3 (7). С. 148–152.
- Задоев Т. П. Фонетическая природа словесного ударения в современном китайском языке // Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. М., 1966. С. 108–134.
- Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: ГРВЛ, 1983. 479 с.
- Ли Ифан, Андросова С. В. Фонетические особенности слов в их обычных функциях и в качестве слов-паразитов (на материале китайского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (3). С. 99–116. DOI 10.22250/2410-7190_2019_5_3_99_116
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- Лю Сяо Нань. Социальная реклама в Китае: развитие и становление // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1. С. 137–143.
- Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка: Пособие для учителей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 142 с.
- Тэн Хай. Универсальные и типологические черты паузации в спонтанной речи носителей разных языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. № 2 (1). С. 105–113.
- Улитина Н. Фонетические приемы, используемые в рекламных слоганах // Наук. вісник Херсон. держ. ун-ту. Сер. Лінгвістика. 2010. Вип. 11. С. 132–135.
- Чернявская Е. С. Интонационно-звуковые характеристики рекламного произносительного стиля // Вестник Волгоград. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2014. № 2 (21). С. 14–22.
- Чжан Цзяньвэнь, Гусева С. И. Антропоцентрический и информационный подходы к анализу рекламного дискурса // Казанская наука. 2017. № 6. С. 47–49.
- Чжан Цзяньвэнь, Караваева В. Г. Темпоральные характеристики китайской коммерческой радиорекламы // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (3). С. 248–272. DOI 10.22250/2410-7190_2019_5_3_248_272
- Чурюканова Е. О. Языковой контраст и средства его выражения (на материале поэзии У. Блэйка) // Вестник Моск. гос. обл. гуманит. ин-та. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 80–86.
- Bell A., Jurafsky D., Fosler-Lussier E. Effects of Disfluencies, Predictability and Utterance Position in Word Form Variation in English Conversation // JASA. 2003. Vol. 113. P. 1001–1024.
- Chong Wang. Critical discourse analysis of Chinese Advertisement. Beijing: Beijing Language and Culture Uni.; Shanghai Jiao Tong Uni. Press, 2017. 259 p.
- Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova D. S. Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette // Training, Language and Culture. 2019. Vol. 3, iss. 1. P. 8–22. DOI 10.29366/2019tlc.3.1.1
- Greenberg S., Fosler-Lussier E. The Uninvited Guest: Information's Role in Guiding the Production of Spontaneous Speech // Proc. of the CREST Workshop on Models of Speech Production: Motor Planning and Articulatory Modeling. Germany: [S. n.], 2000. P. 1–4.

- Habeb A. A. A.** Analyzing Linguistic Features of Advertising Language. M. A. Degree (Applied Linguistics). Sudan: Sudan Uni. of Science and Technology Press, 2019. 79 p.
- Hosni M., El-Dali.** The Language of consumer advertising: Linguistic and psychological Perspectives // *Studies in Linguistics and Literature*. 2019. Vol. 3, no. 2. P. 95–126.
- Lehiste I.** Suprasegmentals. Cambridge: MIT Press, 1970. 194 p.
- Nolan F., Kerswill P. E.** The Description of Connected Speech Processes // *Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson* / Ed. by S. Ramsaran. S. 1. Great Britain: Routledge, 1990. P. 296–316.
- Teletov A., Teletova S., Letunovska N.** Use of language games in advertising texts as a creative approach in advertising management // *Periodicals of Engineering and Natural Sciences*. 2019. Vol. 7, no. 2. P. 458–465.
- Ван И, Лю Цзя.** Пэйинь янюань дэ шэнинь дуй гуангао сяого дэ иньсян яньцзю [王毅, 刘钾. 配音演员的声音对广告效果的影响研究]. Влияние голоса диктора на эффективность рекламы // *Чжунъян цайцзин дасюэ сюэбао* [中央财经大学学报] Вестник Центрального финансово-экономического ун-та. 2018. № 12. С. 100–101. (на кит. яз.)
- У Даньхуа.** Пинпай чуаньбо чжун дэ шэнинь шибие цзи ци шиши селюе [吴丹华. 品牌传播中的声音识别及其实施策略]. Распознавание голоса в коммуникации бренда и стратегия его реализации // *Чжунго гуангао* [中国广告]. Китайская реклама. 2019. № 8. С. 87–89. (на кит. яз.)
- Чжао Юаньжэнь.** Юйянь вэньти [赵元任. 语言问题]. Языковая проблема. Пекин: Шаньдуаньшу гуань, 1980. 239 с. (на кит. яз.)
- Чжун Сяобо, Ян Юйфан.** Говай гуаньюй юньлюй течжэн хэ чжунинь дэ исе яньцзю [仲晓波, 杨玉芳. 国外关于韵律特征和重音的一些研究]. Некоторые зарубежные исследования по характеристикам ритма и ударения // *Синьли сюэбао* [心理学报]. Вестник психологии. 1999. № 4. С. 468–475. (на кит. яз.)
- Яо Минлу.** Жунмэй шидай юшэн гуангао чжун бутун сюци шоуфа де боинь яолин [姚明路. 融媒时代有声广告中不同修辞手法的播音要领]. Основы использования различных средств художественной выразительности в аудио рекламе в эпоху масс-медиа // *Чуаньмэй луньтан* [传媒论坛]. Форум средств массовой информации. 2018. № 21. С. 120–121. (на кит. яз.)

References

- Andreev N. D., Gordina M. V.** Tonal'naya sistema i udarenie v birmanskom i v'etnamskom yazykakh [Tonal system and stress in Burmese and Vietnamese languages]. *Filologiya stran Vostoka* [Philology of the Oriental Countries]. Leningrad, Leningrad State Uni. Press, 1963, pp. 59–64. (in Russ.)
- Bell A., Jurafsky D., Fosler-Lussier E.** Effects of Disfluencies, Predictability and Utterance Position in Word Form Variation in English Conversation. *JASA*, 2003, vol. 113, pp. 1001–1024.
- Chernyavskaya E. S.** Intonatsionno-zvukovye kharakteristiki reklamnogo proiznositel'nogo stilya [The intonation and sound characteristics of advertising pronunciational style]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Series 2. Linguistics], 2014, no. 2 (21), pp. 14–22. (in Russ.)
- Chong Wang.** Critical discourse analysis of Chinese Advertisement. Beijing, Beijing Language and Culture Uni., Shanghai Jiao Tong Uni. Press, 2017, 259 p.
- Churyukanova E. O.** Yazykovoy kontrast i sredstva ego vyrazheniya (na materiale poezii U. Bleyka) [Linguistic contrast and the means of its expression (on W. Blake's poetry)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriya: Filologiya, lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Moscow State Regional Institute of Humanity. Series Philology, Linguistics and Intercultural Communication], 2015, no. 1, pp. 80–86. (in Russ.)

- Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova D. S.** Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture*, 2019, vol. 3, iss. 1, pp. 8–22. DOI 10.29366/2019tlc.3.1.1
- Greenberg S., Fosler-Lussier E.** The Uninvited Guest: Information's Role in Guiding the Production of Spontaneous Speech. In: Proc. of the CREST Workshop on Models of Speech Production: Motor Planning and Articulatory Modeling. Germany, [S. n.], 2000, pp. 1–4.
- Guseva S. I.** Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya i realizatsiya segmentnykh edinits [Communicative perspective of the utterance and phoneme realization pattern]. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State Uni. Press, 2001, 403 p. (in Russ.)
- Guseva S. I.** Realizatsiya nemetskogo vokalizma: semantikotsentricheskii podkhod [Realization of German vocalism: semantic-centric approach]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2015. iss. 1, no. 1, pp. 16–34. (in Russ.)
- Guseva S. I.** Vospriyatie spontannoi rechi: informatsionnyi podkhod [Perception of spontaneous speech: an information approach]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education]*, 2014, no. 3, pp. 11–21. (in Russ.)
- Guseva S. I., Pirogova M. A., Shuyskaya T. V.** Metody vydeleniya tematicheskikh i rematicheskikh uchastkov v spontannoy rechi [Methods of identifying thematic and rhematic parts in spontaneous speech]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]*, 2009. no. 3 (7), pp. 148–152. (in Russ.)
- Habeb A. A. A.** Analyzing Linguistic Features of Advertising Language. M. A. Degree (Applied Linguistics). Sudan, Sudan Uni. of Science and Technology Press, 2019, 79 p.
- Hosni M., El-Dali.** The Language of consumer advertising: Linguistic and psychological Perspectives. *Studies in Linguistics and Literature*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 95–126.
- Kasevich V. B.** Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniya [Phonological problems in General and Oriental Linguistics]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1983, 479 p. (in Russ.)
- Lehiste I.** Suprasegmentals. Cambridge, MIT Press, 1970, 194 p.
- Li Yifang, Androsova S. V.** Foneticheskie osobennosti slov v ikh obychnykh funktsiyakh i v kachestve slov-parazitov (na materiale kitayskogo yazyka) [Phonetic patterns of words in their ordinary functions and as parasite words (based on Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2019, no. 5 (3), pp. 99–116. (in Russ.) DOI 10.22250/2410-7190_2019_5_3_99_116
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary].** Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Press, 1990, 685 p. (in Russ.)
- Liu Xiao Nan.** Sotsial'naya reklama v Kitae: razvitie i stanovlenie [Social advertising in China: the development and becoming]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific Thought of the Caucasus]*, 2009, no. 1, pp. 137–143. (in Russ.)
- Nolan F., Kerswill P. E.** The Description of Connected Speech Processes. Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson S. l. Great Britain, Routledge, 1990. pp. 296–316.
- Speshnev N. A.** Fonetika kitayskogo yazyka [Phonetics of Chinese]. Teacher's book. Leningrad, Leningrad State Uni. Press, 1972, 142 p. (in Russ.)
- Teletov A., Teletova S., Letunovska N.** Use of language games in advertising texts as a creative approach in advertising management. *Periodicals of Engineering and Natural Sciences*, 2019, vol. 7, no. 2, pp. 458–465.
- Teng Hai.** Universal'nye i tipologicheskie cherty pauzatsii v spontannoi rechi nositelei raznykh yazykov [Universal and language-specific features of pauses in spontaneous speech of speakers of different languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2015. no. 2 (1), pp. 105–113. (in Russ.)

- Ulitina N.** Foneticheskie priemy, ispol'zuemye v reklamnykh sloganakh [Phonetic means used in commercial slogans]. *Nauk. visnik Kherson. derzh. un-tu. Ser. Lingvistika* [Scientific Bulletin of Kherson State University. Series "Linguistics"], 2010, iss. 11, pp. 132–135. (in Russ.)
- Wang Yi, Liu Jia.** Peiyin yanyuan de shengyin dui guanggao xiaoguo de yingxiang yanjiu [王毅, 刘钊. 配音演员的声音对广告效果的影响研究]. The Impact of Announcer Voice on Advertising Performance: Based on the Analysis of Unstructured Audio Data. *Journal of Central University of Finance and Economics* [中央财经大学学报], 2018, no. 12, pp. 100–101. (in Chin.)
- Wu Danhua.** Pinpai chuanbo zhong de shengyin shibie ji qi shishi celue [吴丹华. 品牌传播中的声音识别及其实施策略]. Voice recognition in brand communication and its implementation strategy. *China Advertising* [中国广告], 2019, no. 8, pp. 87–89. (in Chin.)
- Yao Minglu.** Rongmei shidai yousheng guanggao zhong butong xiuci shoufa de boyin yaoling [姚明路. 融媒时代有声广告中不同修辞手法的播音要领]. The Broadcasting Essentials of Different Rhetoric Techniques in Audio Advertisements in the Media Era. *Media Forum* [传媒论坛], 2018, no. 21, pp. 120–121. (in Chin.)
- Zadoenko T. P.** Foneticheskaya priroda slovesnogo udareniya v sovremennom kitayskom yazyke [The phonetic nature of stress in Chinese]. In: *Materialy kollokviuma po eksperimental'noi fonetike i psikhologii rechi* [Colloquium on Experimental Phonetics and Psychology of Speech]. Moscow, 1966, pp. 108–134. (in Russ.)
- Zhang Zianwen, Guseva, S. I.** Antropotsentricheskii i informatsionnyy podkhody k analizu reklamnogo diskursa [Anthropocentric and information-based approaches of advertisement analysis]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2017, no. 6, pp. 47–49. (in Russ.)
- Zhang Zianwen, Karavaeva, V. G.** Temporal'nye kharakteristiki kitaiskoy kommercheskoi radio-reklamy [Temporal characteristics of Chinese commercial radio advertisement]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2019, no. 5 (3), pp. 248–272. (in Russ.) DOI 10.22250/2410-7190_2019_5_3_248_272
- Zhao Yuanren.** Yuyan wenti [赵元任. 语言问题]. Language problem. Beijing, Shangwu yinshuguan Press, 1980, 239 p. (in Chin.)
- Zhong Xiaobo, Yang Yufang.** Guowai guanyu yunlu tezheng he zhongyin de yixie yanjiu [仲晓波, 杨玉芳. 国外关于韵律特征和重音的一些研究]. Some researches on prosodic features and stress abroad. *Acta Psychologica Sinica* [心理学报], 1999, no. 4, pp. 468–475. (in Chin.)

Информация об авторах

Светлана Викторовна Андросова, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57191887844

WoS Researcher ID AAF-7228-2019

RSCI Author ID 671968

SPIN 5826-0656

Вероника Георгиевна Караваева, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57191892926

WoS Researcher ID AAF-2347-2020

RSCI Author ID 862373

SPIN 1613-8141

Чжан Цзяньвэнь, кандидат филологических наук

RSCI Author ID 1077940

SPIN 1720-3616

Information about the Authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Science (Philology), Professor

Scopus Author ID 57191887844

WoS Researcher ID AAF-7228-2019

RSCI Author ID 671968

SPIN 5826-0656

Veronika G. Karavaeva, Candidate of Science (Philology)

Scopus Author ID 57191892926

WoS Researcher ID AAF-2347-2020

RSCI Author ID 862373

SPIN 1613-8141

Zhang Jianwen, Candidate of Science (Philology)

RSCI Author ID 1077940

SPIN 1720-3616

Статья поступила в редакцию 31.05.2022;

одобрена после рецензирования 29.12.2022; принята к публикации 31.01.2023

The article was submitted on 31.05.2022;

approved after review on 29.12.2022; accepted for publication on 31.01.2023

Дискуссионная статья

УДК 94

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-140-147

Некоторые замечания по поводу политики «союза с Россией» Сунь Ятсена

Сан Тяньцзы

Хэйлунцзянский университет
Харбин, Китай

sang.tz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5040-1262>

Аннотация

Альянсы являются одним из наиболее эффективных средств, с помощью которых государства сохраняют и приобретают власть. Изучение происхождения альянсов всегда было популярной темой в сфере международной политики. Данное исследование посвящено анализу процесса установления политики «союза с Россией» Кантонского правительства, возглавляемого Сунь Ятсеном в начале XX в. Научная новизна заключается в анализе исторических событий и формирующих их факторов с точки зрения теории международных отношений. Ввиду того, что власть Сунь Ятсена не была признана официальным режимом, было принято решение рассмотреть возможности укрепления международного сотрудничества, вероятность создания «союзов». После нескольких неудачных попыток союза с Европой и США Сунь Ятсен выбрал политику «союза с Россией». В рамках модели «теории альянсов» делается вывод, что в сравнении с идеологией соображение безопасности являлось главным фактором для режима Сунь Ятсена. Отмечается, что военная помощь сыграла важную роль в установлении союза с Россией.

Ключевые слова

теория альянсов, союз с Россией, Китай, Сунь Ятсен

Благодарности

Исследование выполнено в рамках молодежного проекта для поддержки философских и общественных наук Хэйлунцзянской провинции «Исследование архивов советских советников в Китае в период первого сотрудничества между КПК и ГМД» (22ZSC349) (黑龙江省哲学社会科学社科规划青年项目 “第一次国共合作时期在华苏联顾问档案整理研究”)

Для цитирования

Сан Тяньцзы. Некоторые замечания по поводу политики «союза с Россией» Сунь Ятсена // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 140–147. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-140-147

Some Notes on Sun Yatsen's “Alliance with Russia” Policy

Sang Tianzi

Heilongjiang University
Harbin, China

sang.tz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5040-1262>

Abstract

Alliances are one of the most effective ways for states to preserve and gain power. The study of alliance formation has long been a prominent issue in international politics. This article examines the factors that influenced the alliance be-

© Сан Тяньцзы, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 140–147

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 140–147

tween Sun Yatsen's regime and the Soviet government through the lens of alliance theory, taking the "alliance with Russia" of the Guangdong government led by Sun Yatsen in the early 20th century as the subject of study. The scientific innovation lies in the analysis of historical events and their causes from the perspective of international relations. Due to the complexities of the Chinese situation, the southern regime under Sun Yatsen coexisted with the Beijing government, but was not recognized as the official government of China. As a result, Sun Yatsen needed to use an "alliance approach" to seek the backing of external forces in order to keep his own regime secure. After several failed attempts to enter into alliances with Britain, the United States and Germany, Sun Yatsen eventually elected to join forces with the Soviet Russia. According to the alliance's conclusion, four major factors influenced Sun Yatsen's "alliance with Russia" policy: balance of threat, diplomatic assistance, ideology, and political infiltration. Among them, balance of threat was the main motivation for Sun Yatsen's alliance with Russia, and while ideology was not an important factor influencing the alliance, the ability to provide assistance to Sun Yatsen's regime played an important role in the establishment of the alliance, considering the huge power gap between the two sides. The Soviet political penetration of Sun Yatsen's regime helped the alliance's establishment, but also led to its final dissolution.

Keywords

theory of alliances, alliance with Russia, China, Sun Yatsen

Acknowledgements

The study was funded by the Youth Project for Philosophical and Social Sciences of Heilongjiang Province "Research on the Archives of Soviet Advisors in China during the First Cooperation between the CCP and the GMD", project no. 22ZSC349

For citation

Sang Tianzi. Some Notes on Sun Yatsen's "Alliance with Russia" Policy. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 140–147. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-140-147

Введение

В начале XX в. политическая обстановка в Китае была сложной и противоречивой: империалистические державы спонсировали местных милитаристов, чтобы защитить свои интересы. Генерал Чжан Цзолин, ориентировавшийся на Японию, удерживал Северо-Восток, а центральную часть страны контролировал У Пэйфу, ставленник британцев и американцев. После поражения Синьхайской (1911 г.) и Второй революции (1913 г.) Сунь Ятсен понял, что главной целью милитаристов была отнюдь не «демократия», а расширение захваченных территорий и «грабеж» их. Чтобы достичь национального единства, он должен был выступить против милитаристов и иностранных империалистов, которые вмешивались во внутренние дела Китая. С этой целью Сунь применял гибкую и прагматичную дипломатию, в том числе начал искать иностранную поддержку. Он пытался установить трехсторонние отношения между Китаем, Германией и Россией, затем стал инициатором союза с Японией и Россией, надеялся, что американские советники приедут в Кантон (современный Гуанчжоу) для поддержки революции, но надежды не оправдались. В конечном счете сложная международная ситуация способствовала установлению двустороннего сотрудничества правительства Сунь Ятсена и Советской России. С точки зрения теории образования альянсов, сформулированной Кеннетом Уолтцем [Waltz, 1979] и развитой Стивеном Уолтом [Walt, 1990], мы рассмотрим причины возникновения союза между правительством Сунь Ятсена и Советской Россией, а также влияние различных факторов на этот процесс.

Исторический процесс формирования политики «союза с Россией» правительства Сунь Ятсена (1918–1927)

Политика «союза с Россией» была впервые основана на «революционной дружбе» между двумя политическими лидерами – Сунь Ятсеном и В. И. Лениным. В июле 1912 г. в статье «Демократия и народничество в Китае» В. И. Ленин дал следующую характеристику Сунь Ятсена: «революционный демократ, полный благородства и героизма» [Ленин, 1968, с. 402]. После победы Октябрьской революции в России Сунь Ятсен поручил своим сторонникам отправить телеграмму В. И. Ленину из Америки, чтобы выразить свою поддержку и сочувствие его борьбе против империалистической интервенции. В. И. Ленин был воодушевлен по-

сланием и увидел в нем «свет с Востока» [Ли Юньхань, 1987, с. 121]. Это дало возможность двум сторонам установить контакт друг с другом через дипломатический канал в Китае, организовать переписку и отправку тайных посланников.

После основания Коммунистического Интернационала в 1919 г. Москва начала устанавливать контакты с Сунь Ятсеном через «Союз китайских рабочих в России» (СКР). Из переписки видно, что Сунь Ятсен сохранял осторожность в отношениях с Россией и не ответил на вопрос о признании Советской России как государства [Ли Юйчжэнь, 2012, с. 62]. В 1920 г. М. Г. Попов, Г. Н. Войтинский, А. С. Потапов и Хенк Сневлит (Г. Маринг) приехали в Китай к Сунь Ятсену с задачей разобраться в ситуации и найти союзников. При этом М. Г. Попов охарактеризовал Сунь Ятсена как «старомодного милитариста, который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного» [Крюков, 2000, с. 156]. В свою очередь, Сунь Ятсен также сообщил А. С. Потапову, что «обнаружение его сношений с Москвой могло осложнить его пребывание на иностранных концессиях и проводимую им в Китае работу», «неоднократно высказывал недоверие к возможности успеха проведения коммунизма в России» [ВКП(б) ..., 1994, с. 46]. После встречи с Г. Н. Войтинским Сунь Ятсен спрашивал о возможности устроить могучую радиостанцию во Владивостоке или в Маньчжурии, откуда может быть организована связь с Кантоном¹. В октябре 1920 г. Г. В. Чичерин, в то время народный комиссар иностранных дел Советской России, написал Сунь Ятсену письмо с предложением «восстановить торговые связи» [Документы ..., 1958, с. 730], но это письмо было получено Сунем только в мае 1921 г. В своем ответе он выразил желание установить личные контакты с Г. В. Чичериным и «другими московскими друзьями» и узнать о советской организации, армии и народном образовании. Сунь Ятсен был обеспокоен тем, что его «пророссийская» ориентация вызовет недовольство других стран, и не был согласен с доктринами Коминтерна. В. И. Ленин в письме к Г. В. Чичерину также писал, чтобы он регулярнее переписывался с Сунь Ятсеном [Ленин, 2017, с. 482].

В конце 1921 г. Г. Маринг как представитель Коминтерна встретился в Гуйлине с Сунь Ятсеном, которого сопровождали Сунь Кэ, Цао Ябо, Сюй Чунчжи, Ху Ханьмин и другие члены руководства Гоминьдана. На этой встрече Маринг активно продвигал «Новую экономическую политику» Советской России, однако переговоры шли не гладко. Сунь Ятсен ясно дал понять, что «коммунизм практикуется в Советской России, но не в Китае», и отказался немедленно вступить в союз с Советской Россией и Коминтерном, утверждая, что «не будет искать конкретного сотрудничества, перед тем как совершит Северную экспедицию и нападет на Пекин» [Ли Юйчжэнь, 2012, с. 71–72]. Несмотря на это, Г. Марингу удалось найти возможности взаимовыгодного сотрудничества обеих сторон – военная помощь друг другу.

Хотя Сунь Ятсен не верил, что коммунизм мог быть успешно достигнут в России, он проявил большой интерес к «Новой экономической политике» и решил отправить в Россию в учебную поездку своих людей, чтобы узнать об этом больше. В этот период Сунь Ятсен был заинтересован в отправке Ляо Чжункая на учебу в Россию, а также обсудил с Чан Кайши вопрос о том, согласится ли он поехать в Россию [Ли Юньхань, 1987, с. 116]. В 1921 г. Ли Чжанда получил «специальное поручение» от Сунь Ятсена отправиться на Амур, чтобы «посмотреть на новое строительство в Советской России». Сунь Ятсен также назначил Чжан Цюбая полномочным представителем Гоминьдана для участия в съезде народов Дальнего Востока в Москве.

После того как Сунь Ятсен постепенно осознал политическую и экономическую ситуацию в Советской России, он заявил 14 апреля 1921 г., что «готов подражать российской системе» [Сунь Чжуншань ..., 2017, с. 31]. В своей речи 26 апреля он рассказал о намерении привлечь финансирование в страну [Там же, с. 34]. Эти сведения подтверждаются стенограммой разговора между Соколовым-Страховым, секретарем Дальневосточного отдела Исполнительного комитета Коминтерна, и Ли Лецзюнем, членом правительства Гуанчжоу 21 апреля 1921 г.

¹ Правда. 15.03.1925. С. 2.

Ли Лецзюнь заявил, что цели и задачи Российской Советской Республики кантонцам очень близки, что они стремятся к установлению близких и сердечных отношений с Россией и что лучше всего это сделать путем негласной отправки делегатов для взаимной информации и для заключения нужных соглашений [ВКП(б)...., 1994, с. 59]. Советская Россия в то время поддерживала основные контакты с официальным правительством в Пекине и опасалась, что контакты с Кантоном помешают проводившимся переговорам. В записке от 7 ноября 1921 г. В. И. Ленин предложил установить тайный контакт с Сунь Ятсеном и послать кого-нибудь в Кантон [Ленин, 2017, с. 482].

В апреле 1922 г. эмиссар Коминтерна С. А. Далин в сопровождении китайского коммуниста Чжан Тайлэя посетил Сунь Ятсена. Сунь Ятсен интересовался численностью Красной Армии, ее организацией и политическим воспитанием. Он также надеялся, что Россия поможет ему реализовать «промышленный план», предложив крупномасштабное строительство железных дорог с помощью России для развития китайской экономики. Но, по его мнению, коммунистическая система применима только к экономически отсталым и цивилизационно неразвитым местам. В связи с этим он предлагал «дать самый дикий, горный уезд, не развращенный современной цивилизацией, чтобы организовали там Советскую власть» [Далин, 1982, с. 84]. В то время Сунь Ятсен был уверен, что максимум через месяц Ханькоу будет взят, и он официально признает Советскую Россию, однако в данный момент такое признание привело бы к противодействию со стороны Великобритании. Сунь считал, что помощь Советской России будет особенно важна после поражения У Пэйфу. Однако 16 июня он столкнулся с «мятежом Чэнь Цзюньмина», который окружил своими войсками Кантон и подверг бомбардировке дворец, где жил Сунь Ятсен. В результате Сунь бежал на корабль «Юнфэн». Это стало важным поворотным пунктом в процессе установления политики «союза с Россией».

До «мятежа Чэнь Цзюньмина» контакты России с Сунь Ятсеном были сосредоточены на трех основных вопросах: 1) принятие помощи и союз с Россией; 2) изменение чисто военной линии на пропагандистскую и мобилизационную; 3) сотрудничество с Коммунистической партией Китая [Сан Бин, 2015, с. 183]. Со своей стороны, Сунь Ятсен проявлял интерес к союзу с Россией, который откладывал на более поздний срок, интерес к пропагандистской работе, но прежде всего к военному воссоединению Китая. Он также допускал вступление коммунистов в Гоминьдан при условии соблюдения его правил и подчинения его руководству. До этого Сунь возлагал надежды на российскую революцию, но был осторожен в отношении союза с Россией и питал иллюзии относительно помощи со стороны других стран. После переворота он проявил высокую степень дипломатической гибкости, когда сразу же заявил, что «Советская Россия является единственным действительным и искренним другом китайской революции» [Далин, 1982, с. 101].

Официальные переговоры между Гоминьданом и Советским Союзом начались 22 июня 1922 г., после того, как Политбюро ЦК РКП(б) назначило А. А. Иоффе чрезвычайным полпредом (полномочным представителем) в Китае. В обязанности А. А. Иоффе входило выполнение «двойной миссии»: ведя переговоры с Пекином, с официальным правительством Китая, активизировать контакты с южными властями. Медленный ход переговоров с Пекином также побудил А. А. Иоффе уделить большее внимание переговорам с Югом. Уже 26 сентября в разговоре Сунь Ятсена с помощником А. А. Иоффе была затронута тема необходимости для Китая иметь друга, который поддержал бы объединение страны. Этим другом могла быть только Россия, у которой Гоминьдан мог получить оружие и боеприпасы.

На заседании 4 января 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о всемерной поддержке партии Гоминьдан и предложило НКВД и делегатам в Коминтерне усилить работу в этом направлении [Политбюро...., 2004, с. 146].

В конце января А. А. Иоффе встретился с Сунь Ятсеном, что было описано как «первые в истории официальные переговоры о китайско-советской дружбе» [Шуанцин вэньцзи, 1985, с. 973]. Совместная декларация о сотрудничестве, подписанная Сунь Ятсеном и А. А. Иоффе

26 января 1923 г., ознаменовала начало официального осуществления Сунь Ятсеном политики «союза с Россией». Из содержания документа видно, что правительство Сунь Ятсена получало помощь от Советской России, настаивая при этом на противодействии проникновению коммунизма в Китай и соблюдении «Трех народных принципов». Сунь согласился на продолжение российского присутствия во Внешней Монголии и на признание советского права на КВЖД до объединения страны. Это была важная дипломатическая победа Сунь Ятсена. Благодаря союзу с Россией и советской экономической и военной помощи Южное правительство выиграло два последовательных Восточных похода, Северный поход и в итоге объединило страну в 1927 г.

Анализ факторов, повлиявших на политику «союза с Россией», на основе теории альянсов

В труде «Происхождение альянсов» С. Уолт предполагал, что объединенная мощь, геополитическая близость, наступательная сила и агрессивные намерения сторон – всё это оказывает влияние на установление альянса [Walt, 1990, p. 22]. Для Кантонского правительства «угроза» была обусловлена как внутренними, так и зарубежными факторами, а именно исходила от местных военачальников, таких как У Пэйфу, Чэнь Цзюньмин и Чжан Цзолинь, а также от стоящих за ними империалистических стран. Для достижения своего политического идеала – объединения страны, Сунь Ятсен часто использовал противоречия между военачальниками и империалистическими странами. Именно поэтому Сунь хотел объединиться с Чжан Цзолинем против У Пэйфу и предусматривал союз с Россией и Германией, союз с Японией и Россией. Анализ формирования политики «союз с Россией» показывает, что сохранение безопасности режима было главной мотивацией. По мнению Чжан Готао², Сунь Ятсен был пророссийским деятелем не только из-за своей революционной идеологии, но также потому, что его вынудили к этому обстоятельства [Чжан Готао, 2004, с. 208]. В данном случае именно «мятеж Чэнь Цзюньмина» 16 июня 1922 г. заставил Сунь Ятсена перейти к этой политике. Этот инцидент представлял угрозу не только для режима Сунь Ятсена, но и для его личной безопасности.

После победы Октябрьской революции Советская Россия освободилась от империалистической блокады и продемонстрировала огромную военную мощь. После реализации «новой экономической политики» экономика развивалась быстрыми темпами. Кроме того, Советская Россия граничила с Китаем и имела возможность оказать военную помощь Сунь Ятсену. Ее географическое положение, военная мощь и экономическое развитие соответствовали «Северо-Западному плану» и «Промышленному плану» Сунь Ятсена, что являлось важным фактором для заключения союза. Кроме того, две декларации по Китаю, в которых Советская Россия четко заявила о своем невмешательстве в дела Китая, также сделали ее менее «наступательной», чем другие западные страны. В то же время «жадность» к Монголии и КВЖД являлись ключевым аспектом стремления к «защите от России» при проведении Сунем политики «союза с Россией».

В теории С. Уолта утверждается, что идеология не является важным условием при создании альянсов. Столкнувшись с более серьезной угрозой, государство заключит союз с любым союзником, при условии соответствия стратегическим задачам, о чем свидетельствует союз Сунь Ятсена с Советской Россией. На протяжении всего времени своего «союза с Россией» Сунь Ятсен оставался противником советской системы и коммунизма. После визита во Владивосток Чжан Шимань тайно прибыл в Шанхай и предложил Суню «преобразовать революционную партию в Китае с социалистическими элементами и создать широкую народную базу по примеру российской компартии», что Сунь отверг. Два представителя Коминтерна, Г. Маринг и С. А. Далин, во время встреч с Сунем представили ему советскую коммунисти-

² Чжан Готао – один из основателей КПК (делегат ее I съезда в 1921 г.).

ческую систему и получили лишь ответы о возможных экспериментах по установлению подобной системы в небольших уездах. Мы не согласны с мнением Г. В. Ефимова [1981, с. 168], что уже в начале 1920-х гг. Сунь Ятсен «безоговорочно шел на союз с Россией». Ведь до подписания совместного манифеста Сунь Ятсена и А. А. Иоффе в январе 1923 г. предпосылка союза между двумя странами всё еще основывалась на идее, что «коммунизм и советская система не подходят для Китая». Однако можно утверждать, что ради получения советской военной помощи Сунь Ятсен приложил большие усилия в плане содействия союзу, изучая революционный опыт Советского Союза и методы партийного строительства, создания армии и пропаганды. Он даже пересмотрел свои политические взгляды на «Три народных принципа» и предложил согласовать их с коммунизмом, но его оппозиция советской системе и коммунизму оставалась основной идеей.

Согласно теории альянсов, иностранная помощь является частью процесса создания альянса, но не его основной причиной. Это связано с тем, что военная и экономическая помощь предлагается и принимается обеими сторонами альянса только в том случае, если они считают, что это отвечает их интересам. Помощь – это результат политических союзов, а не причина [Walt, 1990, p. 42]. До формирования политики «союза с Россией» Сунь Ятсен обращался за военной и экономической помощью к Германии и США, но безрезультатно. «Щедрая военная помощь была сильнее дружеских слов» [Ibid., p. 45], и советское предложение поддержки, несомненно, сыграло важную роль в продвижении альянса. Однако нельзя упускать из виду, что советская помощь была связана с политической пропагандой. От Г. Маринга и А. А. Иоффе до М. М. Бородина Россия всегда ставила реструктуризацию Гоминьдана и развитие широкой рабоче-крестьянской пропаганды в качестве дополнительного условия для предоставления военной и экономической помощи.

Заключение

Из-за сложной политической обстановки в Китае и нестабильности собственного режима южное правительство под руководством Сунь Ятсена было вынуждено полагаться на международную поддержку, союзы с иностранными державами с целью сохранения власти и обеспечения устойчивого развития. Союз между Сунь Ятсеном и Советской Россией отвечал реальным потребностям обеих сторон, а материальная помощь играла ключевую роль в достижении поставленных целей.

С одной стороны, Гуандунское правительство решило заключить союз с Советской Россией, чтобы противостоять угрозе со стороны милитаристов и империалистических стран и сохранить стабильность и безопасность собственного режима. С другой стороны, благодаря этому союзу правительство Сунь Ятсена получило материальную поддержку от России (которая в то время была единственным источником финансирования), с помощью советских советников впервые создало собственную армию, а также объединило Китай в результате Северного похода.

Идеология не была решающим фактором в политике «союза с Россией» Сунь Ятсена, но она была ключевым фактором в развитии альянса. Следует отметить, что, несмотря на сотрудничество, сам Сунь Ятсен и его партия Гоминьдан не поддерживали коммунистическую идеологию. Позднее проникновение элементов коммунистической идеологии Советской России в китайское общество вызвало серьезное беспокойство у преемника Сунь Ятсена Чан Кайши и в итоге привело к распаду союза.

Список литературы

ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы / Гл. ред. Го Хэньюй, М. Л. Титаренко. М.: Буклет, 1994. Т. 1: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: 1920–1925. 792 с.

- Далин С. А.** Китайские мемуары 1921–1927. М.: Наука, 1982. 535 с.
- Документы внешней политики СССР / Под ред. Г. К. Деева, Е. М. Жукова, А. И. Лаврентьева и др. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. 807 с.
- Ефимов Г. В.** Сунь Ятсен: поиск пути 1914–1922. М.: Наука, 1981. 243 с.
- Крюков М. В.** Улица Мольера 29: Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М.: Памятники ист. мысли, 2000. 265 с.
- Ленин В. И.** Демократия и народничество в Китае // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 21. С. 400–406.
- Ленин В. И.** Известные документы: 1891–1922. М.: РОССПЭН, 2017. 671 с.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы / Отв. ред. Г. М. Адибеков. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
- Walt S.** The origins of alliances. N. Y.: Cornell paperbacks, 1990. 334 p.
- Waltz K.** Theory of international politics. N. Y.: Addison-Wesley publishing company, 1979. 255 p.
- Ли Юйчжэнь.** Гоминьдан юй Гунчангоцзи [李玉贞。国民党与共产国际 1919–1927]. Гоминьдан и Коминтерн 1919–1927. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2012. 660 с. (на кит. яз.)
- Ли Юньхань.** Цун жунгун дао циндан [李云汉。从容共到清党]. От толерантности к коммунизму и очищению партии. Тайбэй: Цзижэнь шуцзюй, 1987. 852 с. (на кит. яз.)
- Сан Бин.** Сунь Чжуншаньдэ ходун юй сысян [桑兵。孙中山的活动与思想]. Жизнь и идеи Сунь Ятсена. Пекин: Изд-во Пекин. пед. ун-та, 2015. 360 с. (на кит. яз.)
- Сунь Чжуншань цюаньцзи сюйбянь [孙中山全集续编 / 林家有主编]. Продолжение полн. собр. соч. Сунь Ятсена / Под ред. Линь Цзяю. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2017. Т. 3: 1921.1 – 1923.11. 514 с. (на кит. яз.).
- Шуанцин вэньцзи (ся цзюань) [双清文集 (下) / 尚明轩、余炎光主编]. Собр. текстов двойной искренности / Под ред. Шан Минсюань, Юй Яньгуан. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1985. Т. 2: [Собр. соч. Хэ Сянин]. 1007 с. (на кит. яз.)
- Чжан Готао.** Водэ хуэйи [张国焘。我的回忆]. Мои воспоминания. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 2004. Т. 1. 583 с. (на кит. яз.)

References

- Adibekov G. M.** (ed.). Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg.: Dokumenty [Politburo of the RCP(b) – WCP(b) and the Comintern: 1919–1943: Documents]. Moscow, ROSSPEN, 2004, 960 p. (in Russ.)
- Dalin S. A.** Kitaiskie memuary 1921–1927. [Chinese memoirs 1921–1927]. Moscow, Nauka, 1982, 535 p. (in Russ.)
- Deev G. K., Zhukov E. M., Lavrentev A. I. et al.** (eds.). Dokumenty vneshnei politiki SSSR [Documents on the foreign policy of the USSR]. Moscow, Gospolitizdat, 1958, vol. 2: 1 January 1919 – 30 June 1920, 807 p. (in Russ.)
- Efimov G. V.** Sun' Yatsen: poisk puti 1914–1922 [Sun Yatsen: the search of the road 1914–1922]. Moscow, Nauka, 1981, 243 p. (in Russ.)
- Guo Hengyu, Titarenko M. L.** (eds.). VKP(b), Komintern i Kitai: Dokumenty [The VKP(b), the Comintern and China: Documents]. Moscow, Buklet, 1994, vol. 1: The VKP(b), the Comintern and the National Revolutionary Movement in China: 1920–1925, 792 p. (in Russ.)
- Kryukov M. V.** Ulitsa Mol'era 29: Sekretnaya missiya polkovnika Popova (dokumental'naya povest'). [29 Moliere Street: Colonel Popov's Secret Mission (Documentary Novel)]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli, 2000, 265 p. (in Russ.)
- Lenin V. I.** Demokratiya i narodnichestvo v Kitae [Democracy and popularism in China]. In: Lenin V. I. Collected Works. Moscow, Politizdat, 1968, vol. 21, pp. 400–406 (in Russ.)
- Lenin V. I.** Neizvestnye dokumenty: 1891–1922 [Unknown documents: 1891–1922]. Moscow, ROSSPEN, 2017, 671 p. (in Russ.)

- Li Yunhan.** Cong ronggong dao qingdang [李云汉。从容共到清党]. From tolerant communist party to clear it out. Taipei, Jiren bookstore, 1987, 852 p. (in Chin.)
- Li Yuzhen.** Guomindang yu gongcan guoji 1919–1927 [李玉贞。国民党与共产国际 1919–1927]. Kuomintang and Komintern 1919–1927. Beijing, People's Publishing House, 2012, 660 p. (in Chin.)
- Sang Bing.** Sunzhongshan de huodong yu sixiang [桑兵。孙中山的活动与思想]. Life and Ideas of Sun Yatsen. Beijing, Beijing Normal Uni. Press, 2015, 360 p. (in Chin.)
- Shang Mingxuan, Yu Yanguang.** (eds.). Shuangqing wenji [双清文集。尚明轩、余炎光主编]. Collection of texts of double sincerity. Beijing, People's Publishing House, 1985, vol. 2: [He Xiangning's collection of works], 1007 p. (in Chin.)
- Sunzhongshan quanji xubian** [孙中山全集续编]. Continuation of the Complete works of Sun Yatsen. Beijing, Zhonghua bookstore, 2017, vol. 3: 1921.1 – 1923.11, 514 p. (in Chin.)
- Walt S.** The origins of alliances. New York, Sornell paperbacks, 1990, 334 p.
- Waltz K.** Theory of international politics. New York, Addison-Wesley publishing company, 1979, 255 p.
- Zhang Guotao.** Wo de huiyi [张国焘。我的回忆]. My memoirs. Beijing, Oriental Press, 2004, vol. 1, 583 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Сан Тяньцзы, аспирант
RSCI Author ID 1184606
SPIN 8507-7880

Information about the Author

Sang Tianzi, PhD Student
RSCI Author ID 1184606
SPIN 8507-7880

*Статья поступила в редакцию 28.04.2022;
одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 09.02.2023
The article was submitted on 28.04.2022;
approved after review on 05.02.2023; accepted for publication on 09.02.2023*

Научная статья

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-148-156

踔厉奋发 笃行不怠 未来可期 ——新西伯利亚国立大学孔子学院 2022 年工作总结

毕新惠¹

阿扎莲科·尤²

¹ 新疆大学

中国新疆乌鲁木齐市

^{1,2} 新西伯利亚国立大学

俄罗斯新西伯利亚市

¹ bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

² j_azar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

摘要

2022 年新西伯利亚国立大学孔子学院经受住疫情考验，在新西伯利亚国立大学和新疆大学的鼎力支持下，积极发挥自身优势，立足本校及各大学、中小学教学点，持续开展中文教学、各类文化和科研活动，影响范围扩大至西伯利亚、乌拉尔、阿尔泰，乃至俄罗斯其他地区，高质高效完成了本年度各项工作。本文全面回顾了孔院 2022 年度工作，本年度在建设数字化中文教学资源、丰富文化活动多样性、提升赛事活动和学术活动影响力、大力培养中文人才、打造优秀人才方面都取得了较为令人瞩目的成绩。新的一年，我们将继续砥砺前行，扎实做好孔院工作，牢牢把握新的发展机遇，推动中俄校际间交流合作快速恢复并取得新的更大发展。

关键词

新西伯利亚国立大学孔子学院 中文教学 赛事活动 学术会议

The 2022 Work Summaries of the Confucius Institute at Novosibirsk State University

Bi Xinhui¹

Iuliia A. Azarenko²

¹ Xinjiang University

Urumchi, China

^{1,2} Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

¹ bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

² j_azar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

Abstract

In 2022, the Confucius Institute at Novosibirsk State University withstood the test of the pandemic. With the full support of Novosibirsk State University and Xinjiang University, it actively continued to carry out Chinese teaching and various cultural and scientific research activities, while the scope of influence extended to Siberia, the Urals and Altai regions, and the work of the year was completed with high quality and efficiency. During this year, under the

© Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 148–156

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 148–156

leadership of the Chinese and Russian directors, all staff of the Confucius Institute worked tirelessly to build digital Chinese teaching resources, enriching the diversity of cultural activities, enhancing the influence of competitions and academic activities, vigorously cultivating Chinese talents, and creating outstanding talents. Remarkable results have been achieved. In the new year, the Institute will continue to work hard in all work-related aspects, firmly grasp new development opportunities, and promote the rapid recovery of inter-university exchanges and cooperation between China and Russia and achieve new and greater development.

Keywords

Confucius Institute at Novosibirsk State University, Chinese teaching, competitions, scientific conferences

For citation

Bi Xinhui, Azarenko Yu. A. The 2022 Work Summaries of the Confucius Institute at Novosibirsk State University. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 148–156. (in Chin.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-148-156

Итоги работы по проекту «Институт Конфуция Новосибирского государственного университета» в 2022 году

Би Синьхуэй¹
Юлия Анатольевна Азаренко²

¹ Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

² j_azar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

Аннотация

В 2022 г. деятельность научно-образовательного и культурного центра «Институт Конфуция» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ГИ НГУ) продолжала испытывать влияние пандемии коронавируса, однако благодаря поддержке НГУ и Синьцзянского университета использование имеющихся преимуществ позволило уверенно сохранять позиции проекта в НГУ и учреждениях-партнерах – вузах и школах: продолжалось преподавание китайского языка, проводились мероприятия культурной направленности. Все планы на отчетный год были успешно завершены. Деятельность «Института Конфуция» ГИ НГУ не только охватывала обучающихся, преподавателей и ученых-гуманитариев Сибири, Урала и Алтая, но и связывала их с китаеведческими центрами других регионов России. В 2022 г. весь преподавательский коллектив неустанно трудился над созданием цифровых учебных материалов по китайскому языку, велась многообразная деятельность по знакомству россиян с китайской культурой, заметно возросла значимость конкурсов и научных мероприятий, организуемых центром, обучающиеся по проекту одержали ряд важных побед в языковых конкурсах и проявили свои таланты на международном уровне.

Ключевые слова

Институт Конфуция Гуманитарного института НГУ, преподавание китайского языка, конкурсы, научные конференции

Для цитирования

Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А. Чоли фэньфа Дусин бу дай Вэйлай кэ ци – Синьсиболия голи дасюэ Кунцзы сюэюань 2022 нянь гунцзо цзунцзе [毕新惠、阿扎莲科·尤. 踔厉奋发笃行不怠未来可期 —— 新西伯利亚国立大学孔子学院 2022 年工作总结]. Итоги работы по проекту «Институт Конфуция Новосибирского государственного университета» в 2022 г. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 148–156. (на кит. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-148-156

“中俄关系经受住各种风浪考验，展示出新的生机活力”¹，“中俄关系处于历史最好时期”²，俄罗斯对汉语人才的需求激增也印证了这一点。据俄罗斯《论据与事实》报报道，

¹ Си Цзиньпин 2021 нянь 12 юэ 15 жи сяу цзай Бэйцзин тун Элосы цзунтун Пуцзин цзиньсин шипинь хуйу [习近平 2021 年 12 月 15 日下午在北京同俄罗斯总统普京举行视频会晤]. Си Цзиньпин провел 15 декабря 2021 г.

2022 年俄罗斯汉语人才的需求量增加 55%³。在新西伯利亚也不例外,愿意了解中国、学习中文的人数呈上升趋势。2022 年新西伯利亚国立大学孔子学院经受住疫情考验,在新西伯利亚国立大学和新疆大学的鼎力支持下,踔厉奋发、积极发挥自身优势,立足本校及各大学、中小学教学点,持续开展中文教学、各类文化和科研活动,影响范围扩及西伯利亚、乌拉尔、阿尔泰,乃至俄罗斯其他地区,高质高效完成了本年度各项工作。

新西伯利亚国立大学孔子学院设立在新西伯利亚国立大学,本年度合作的大学教学点有新西伯利亚国立经济与管理大学、西伯利亚管理学院、阿尔泰国立大学和戈尔诺-阿尔泰斯克国立大学 4 所,其中新西伯利亚国立经济与管理大学和阿尔泰国立大学因取消线上授课自 9 月起暂停教学合作。中学教学点有 112 中学、第六高级中学和 130 中学。

下文将简要回顾孔院 2022 年度的工作情况。

一、中文教学

1. 中俄师资

至 2022 年末,我院在岗人员共 15 人,其中:中方 6 人(院长 1 人、公派教师 4 人、海外志愿者 1 人);俄方 9 人(院长 1 人、行政秘书 2 人、专职本土中文教师 2 人、兼职本土中文教师 4 人)。

本年度新疆大学在中文师资方面给予大力支持,春季学期安排了 3 名线上中文教师,保证了 3 所下设大学教学点有中国教师授课。选拔了 3 名待派志愿者、选拔并派遣 2 名公派教师(1 人如期赴任,1 人通过考试后在岗由志愿者转为公派教师)、1 名海外志愿者(孔院自行选拔)。资助了专职本土中文教师 2 人:1 人负责戈尔诺-阿尔泰斯克国立大学的中文教学,1 人负责 2 所中学(112 中学和第六高级中学)的中文教学。

俄方中文教师中,除专职教师外,兼职教师多为汉语水平高、教学经验丰富的教师。这在很大程度上保证了孔院中文教学工作的正常开展。

2. 教学情况

本年度孔院及下设教学点学员总计 1691 人(面授学员 1142 人,线上学员 549 人),与去年相比,增加了 35%。(参见:Bi Xinhui, Azarenko Yu., 2022, p.166)共开设 84 个汉语课程教学班。教学班级有上班和线下班,学员可根据个人情况自行选择。

为满足各大学和中小学教学点的中文教学需要及当地各类中文学员的学习需求,开设了不同级别、不同类型的汉语课程,主要有:初级、中级、高级汉语;听力、口语、语法、阅读、写作、中国古代文学、汉俄翻译等专业课,首次增设“译后编辑”线上课程(学员为新西伯利亚国立大学和西伯利亚管理学院学中文的毕业生,合班授课);HSK 和 HSKK 分级考试辅导;书法、国画和各类中国文化体验课。主要使用的教材有《新实用汉语课本 1-4 册》《HSK 标准教程 2-6 册》《新 HSK 速成强化教程口试(中级)》《汉语乐园》《快乐汉语》《博雅汉语》《体验汉语》系列、《汉语口语速成》系列、《轻松学汉语》系列、《新编汉语新目标》系列、《中国古代文学史纲》《留学生实用汉语写作教程》《汉语听力教程》《汉语教程》俄文版等。

видеовстречу с Президентом России Путиным // Сайт Правительства КНР. 15.12.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-12/15/content_5660984.htm (дата обращения 01.02.2023).

² Лавров заявил, что отношения России и Китая переживают лучший период в истории // Информ. агентство ТАСС. 18.01.2023. URL: <https://tass.ru/politika/16826585> (дата обращения 01.02.2023).

³ Дуэль А. Язык, который деньги принесет: Как китайский вытесняет английский // Аргументы и факты. 22.11.2022. URL: https://aif.ru/society/education/yazyk_kotoryy_dengi_prineset_kak_kitayskiy_vytesnyaet_angliyskiy (дата обращения 01.02.2023).

2022 年, 推荐“留学中国”奖学金生共 7 人, 录取 7 人。分别为: 国际中文教师奖学金 2 人(一学年)、中国政府奖学金 5 人(硕士研究生)。

受新西伯利亚州教育厅委托, 本年度完成了全俄市级中学生奥林匹克汉语竞赛出题任务, 承办了区级中学生奥林匹克汉语竞赛的赛前培训、考试(笔试、面试)及阅卷工作。

设立了“远程汉语培训中心”, 建立了中文教学云平台。中国教师为经典教材《新实用汉语 1—4 册》录制了视频课, 并全部上传至“钉钉”教学云平台, 供本土中文教师和我院所有学员自主学习使用。

3. 教学研究

注重提升教学质量, 严格教学管理, 定期开展教学检查, 组织教学研讨会议, 并为中学教学点开办教学研讨会提供支持。

每学期至少开展一次教学检查活动, 全面检查在岗教师的教学情况。内容包括: 每位教师需根据大纲编制所授全部课程的教学日历(开课两周后提交)、教案和 PPT 课件; 教师互相听课(不少于 4 节)并填写听课记录表; 学员意见表等。这些材料需在规定的时间内上传至指定钉钉群文件夹, 群成员可以共享并相互交流学习。开展公开课教学活动: 每学期指定两名教师上示范课, 课后就“如何更好地组织课堂教学”进行交流探讨。

教学研讨会: 2022 年 6 月 24 日, 以线上线下相结合的方式举办了中文教学交流会。孔院本部、人文学院东方学教研室及四所大学教学点(西伯利亚管理学院、新西伯利亚经济与管理大学、阿尔泰国立大学、戈尔诺-阿尔泰斯克国立大学)的汉语中心负责人及本土中文教师共 25 人参加了会议, 其中 12 人在会上作了报告。与会教师们深入交流、积极互动, 增进了了解, 为进一步合作奠定了基础。

支持 112 中学教学点举办教学研讨会: 2022 年 3 月 30 日, 112 中学与新西州奥尔登斯克区中学教育机构联合举办教学研讨会。我院俄方院长尤利娅·阿扎莲科携 3 名中俄方教师亲自前往提供支持, 除宣读论文外, 还开展了书法和剪纸体验课活动。

4. 中文图书捐赠

本年度我院盘点了教育部中外语言交流合作中心(原孔子学院总部)赠书, 对下设教学点及其他积极参与我院文化活动的中文教育机构提供了中文图书支持。

捐赠给下设教学点: 各类教材 653 册, 词语卡片 66 套, 《快乐汉语》教学挂图 75 本, 电子音像制品 79 盒。

捐赠给新西伯利亚州其他中文教育机构: 各类教材 121 册, 词语卡片 47 套, 《快乐汉语》教学挂图 30 本, 电子音像制品 30 盒。

孔子学院重要的一项工作就是给世界各地的汉语学习者提供规范的现代汉语教材。[王艳, 2007。第 286 页] 我院秉承孔子学院宗旨, 和新西伯利亚州各中文教育机构分享中文教育资源, 助力地区中文教育发展。

二、各类活动

2022 年度组织开展各类线上线下文化及赛事活动达 50 余场, 参加线上线下活动 10 余场。活动受众逾 4000 人次。

1. 文化活动

本年度最具影响力的活动: 2022 年 2 月 14 日, 在北京冬奥会进行期间, 我院与四川新华出版发行集团有限公司共同主办“运动迎冬奥, 趣味过新年”的春节系列活动, 分别为: “迎冬奥趣味游园会”“同心画冬奥”“冬奥一起唱”三大主题活动。邀请院校师生共享中国春节文化, 相互传递问候与祝福的同时, 一起为北京冬奥会助威。

影响力较大的文化活动有：中文节、学年末表彰活动、中秋节、喜迎孔院日系列活动、“辞旧迎新”系列活动等。此外，主动结合所在大学的活动规划，开展文化推广活动：中国文化周系列活动、开放日、科学节、城市日、新年派对等。在新西伯利亚国立大学人文学院首度举办“外语周”期间，我院组织了“中文周”系列活动，暑期参与组织“中学生夏令营”活动，在东方学教研室于州科学图书馆为当地市民举办主题为“欧洲博物馆的东方藏品”系列东方文化讲座和体验课期间，协助布展。积极融入所在大学和城市。国画班课程结束后举办学员作品展，邀请俄罗斯画家娜塔莉亚·戈拉夫斯卡娅前来授课并展示其绘画作品。这些丰富多彩的活动吸引了大量孔院学员、本校师生及当地民众参加，对于介绍中国文化，促进文化交流发挥了积极作用。

“知之”大学生中文俱乐部在新西伯利亚国立大学组织开展了 13 场不同形式的文化活动，邀请俄罗斯大学生和中国留学生参与其中，为中俄青年的交流学习搭建了平台。

2. 赛事活动

充分重视赛事活动在中文人才培养及选拔中的重要作用，组织并开展各类赛事活动。

本年度举办了广受好评的赛事活动：第八届西伯利亚地区大学生中文影视配音大赛、第九届大学生书法比赛、第九届新西伯利亚州中学生硬笔书法比赛、第五届汉语口语大赛。此外，在去年成功举办的基础上，今年继续组织的线上比赛有：“世界中文日”前夕的第二届“孔院杯”大学生作文大赛、“儿童节”前夕的第二届中小學生中文歌曲大赛，第三届“我的第一个汉字”联想绘画比赛。

我院积极培训选手参加各类线上比赛，成绩斐然。其中突出的有：

“汉语桥”比赛：

2022 年在“汉语桥”全俄叶卡捷琳堡领区赛中，我院选拔的 3 名选手在大学生中文比赛中分别荣获冠亚军及最佳人气奖，其中冠军选手同时荣获最佳口才奖、最佳才艺奖。小学生中文秀中我院及下设教学点 112 中学共选送 6 名选手参赛，其中 3 名选手分别荣获一等奖（及最佳才艺奖）、二等奖（及最佳口才奖）和三等奖。在“汉语桥”全俄决赛中，我院 2 名选手代表叶卡捷琳堡领区参赛并在大学生中文比赛中分别荣获一等奖（及最佳口才奖）和二等奖，我院荣获“叶卡捷琳堡赛区团体”二等奖。我院 2 名小选手代表叶卡捷琳堡领区参赛并在小学生中文秀决赛中喜获三等奖，我院获得“叶卡捷琳堡赛区团体”三等奖。在“汉语桥”世界大学生中文比赛中，我院 1 名选手荣获优秀奖。

全俄奥林匹克中学生汉语竞赛：

我院培训的 1 名选手在 2021-2022 学年全俄奥林匹克中学生汉语竞赛中取得第四名的优异成绩。

在俄罗斯其他孔院举办的线上线下赛事活动中，我院学员均有斩获。在新西伯利亚国立技术大学孔子学院举办的第十四届“友谊之声孔子学院杯”全俄大学生中文歌曲大赛中，我院 1 名参赛选手荣获二等奖。在西伯利亚交通大学举办的第三届全俄大学生“语言功夫”线上奥林匹克汉语竞赛中，我院团队喜获团体一等奖，队长二等奖。

联合中国四川新华出版发行集团共同举办了“同心画冬奥”活动，共有 42 名中小學生提交了画作，其中 20 人获得优秀作品奖。

我院多名学员参加了更高级别的文艺和赛事活动：

在中国国际中文教育基金会主办的首届 2022 全球孔子学院云春晚活动中，我院推送的两部音乐视频作品《恭喜发财》和《刚好遇见你》成功入选。其中《恭喜发财》被选为开场，吸引了全球孔院人的目光。在第二届“最·孔院”全球短视频征集活动中，1 名兼职本土中文教师制作的视频作品荣获优秀奖，其本人也荣获“孔院达人”称号。

在教育部中外语言交流合作中心发起的“2022 唱响冬奥-中外青少年北京冬奥歌曲云合唱”活动中,我院“知之”大学生俱乐部演唱组合“森林童话”积极响应,参与演唱了《冬奥有我》和《燃烧的雪花》两首歌曲,用歌声为参加 2022 年北京冬奥会的健儿们献上了美好的祝福,代表我院为北京冬奥加油助威。在 2022 年度“唱歌学中文”主题季音乐比赛中,我院“知之”大学生中文俱乐部“森林童话”组合提交的作品获得了优秀奖。

3. 宣传报道

在组织各类活动的同时,非常重视对外进行宣传和报道。在多个社交平台建有公众号,常用的有: VK、微信、新浪微博、抖音等,不定期在各个平台发布的活动报道,不论在俄罗斯,还是在中国,都受到了广泛关注。

2022 年度我院各平台公众号浏览量分别为: VK—151368 人次, 微信—14036 人次, 微博—63639 人次, 抖音—10127 人次。

孔子学院官方微博、孔子学院官方微信公众号—今日孔院、中国教育部中外语言合作交流中心官方微信公众号、新西伯利亚国立大学官方网站、西伯利亚管理学院官方网站、新西伯利亚教育网站对我院的重大活动均进行了及时报道。

三、科研情况

我院的科研活动包括举办国际学术会议、合办大学生学术论坛(大学生中文论文报告会)、专家讲座和发表学术论文、编辑出版教材、论文集、学报等。

1. 国际学术会议

疫情下努力发挥自身优势,搭建中俄科研交流平台。2022 年 11 月 14-15 日,与俄罗斯科学院西伯利亚分院考古学与民族学研究所、新西伯利亚国立大学人文学院东方学教研室、中国新疆大学联合举办“2022-‘丝绸之路:传统与当代’国际学术及实践研讨会”,会议采用线上线下相结合的方式,共有来自 7 个国家 25 座城市 40 多所顶尖科研院所、著名高校、中小学和博物馆的 97 名专家学者、教师和在读硕博研究生在研讨会上做了报告,共计 200 余人聆听了本届研讨会。与去年相比,今年来自中国的线上与会者明显增多,约 70 人。这在一定程度上表明,在中俄国际学术交流方面我院的努力发挥了成效⁴。

2022 年 10 月 15 日,与俄罗斯科学院西伯利亚分院考古学和民族学研究所联合举办了关于“中国北方岩画研究”的线上-线下研讨会暨俄罗斯杰出东方学家、考古学家维塔利·拉里切夫诞辰 90 周年纪念。参加本次研讨会的共有 20 余名俄罗斯、中国、哈萨克斯坦和韩国学者。会上对 2021 年出版的《中国岩画:历史和珍贵遗迹研究》著作的主要内容进行了研讨,该书由我院谢尔盖·科米萨洛夫教授与他人合著,在 2022 年两次荣获图书奖⁵。合著者中有 3 人为新西伯利亚国立大学学者。历史和考古是中俄文化交流的重要组成部分,在研究中国历史和考古方面我院努力为各国学者积极搭建桥梁,促进交流互鉴。

2. 大学生学术论坛

⁴ Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А. Седьмая конференция «Великий шелковый путь» в НГУ // Сайт НОКЦ «Институт Конфуция» ГИ НГУ. 22.11.2022. URL: <https://www.nsu.ru/n/chinese-center/media/news/3450744>; Подведены итоги Международной конференции «Великий Шелковый путь: традиции и современность» // Сайт РАН. 29.11.2023. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/podvedeny-itogi-mezhdunarodnoy-konferentsii-velikiy-shyelkovyy-put-traditsii-i-sovremennost> (дата обращения 01.02.2023).

⁵ Комиссаров С. А. «Если книгу дважды признали лучшей, то, возможно, в ней и правда что-то есть?» // Сайт ИАЭТ СО РАН. 07.12.2022. URL: https://archaeology.nsc.ru/petroglify_kitaya (дата обращения 01.02.2023).

大学生学术论坛也称大学生中文论文报告会，是俄罗斯高校培养中文学术研究人才的重要方式之一，各高校每年举办一次，旨在激发大学生研究中国、研究中文的兴趣。我院积极参与其中，协助所在大学及下设大学教学点开展相关工作。

2022 年 4 月 20 日，正值联合国第 13 个“国际中文日”，我院与新西伯利亚国立大学人文学院联合举办大学生国际学术论坛（汉语分场）活动。来自新西伯利亚国立大学的 11 名学生用汉语做了报告，当地师生 30 人聆听了报告。我院中方教师组成评委会，线上听取了参会学生的学术报告，评选出优秀报告并给予奖励。

2022 年 4 月，我院与下设大学教学点——西伯利亚管理学院联合举办了“全球变化：青年视角”大学生国际外语论坛（中文分论坛）。参与评审优秀论文报告并给予奖励。

2022 年 12 月，我院俄方院长携 1 名中方教师参加了新西伯利亚国立经济与管理大学举办的“第六届经济、管理与国际关系：区域和全球趋势”大学生国际外语论坛（中文论坛），担任评委，支持该校的学术活动。

3. 学术讲座

为扩大视野，提升学术能力，更好地介绍中国和中国文化，本年度我院还邀请了俄罗斯著名专家学者和青年翻译家以线上或线下的方式为学员做了不同主题的学术讲座和翻译大师课。

2022 年 3 月 17 日，俄罗斯科学院东方学研究所高级研究员谢尔盖·德米特列夫做了题为“新中世纪。中国的军事统治者时代（1916–1927）”。4 月 19 日，俄罗斯科学院西伯利亚分院考古学与民族学研究所助理研究员玛丽亚·库迪诺娃做了题为《陕西博物馆里的丝路瑰宝》的讲座。4 月 29 日，我院谢尔盖·科米萨洛夫教授做了关于中国诗歌翻译的不同方法和俄罗斯中国诗歌翻译学术流派的讲座。10 月 2 日，俄罗斯科学院东方学研究所助理研究员、哲学博士尼古拉斯·鲁登科做了题为《李贽和他的“焚书”：文言文翻译的部分片段和一般问题》的讲座。

2022 年 11 月 15 日，俄罗斯军事科学院院士、俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所俄罗斯、中国和世界研究中心首席研究员弗拉基米尔·彼得罗夫斯基在到访我院参加国际学术会议期间，做了主题为“俄罗斯、中国和世界新秩序”的讲座。同样地，俄罗斯圣彼得堡国立大学东方系中国语文学教研室副教授、翻译家、中国文学专家阿列克谢·罗季奥诺夫副博士在同一天也做了题为“当代中国人在读什么书”的讲座。

此外，本年度青年翻译家阿琳娜·佩尔洛娃先后 6 次以线上方式按照不同主题讲授文学翻译大师课，鼓励学员多读中国文学作品，感知中俄文化差异，培养语感，在实践翻译中教授学生翻译技巧，提升汉俄翻译能力。

除以上科研活动外，本年度我院中俄教师共发表论文 20 余篇，编辑出版 2022 年国际会议论文摘要集 1 部，编辑出版新西伯利亚国立大学学报 1 期。

综上所述，2022 年疫情虽未结束，但我院全体人员在中俄方院长的带领下笃行不怠，在建设数字化中文教学资源、丰富文化活动多样性、提升赛事活动和学术活动影响力、大力培养中文人才、打造优秀人才方面都取得了较为令人瞩目的成绩。

一切过往皆为序章。展望未来，充满期望！自 2023 年 1 月 8 日起，中国正式实行新冠病毒感染最新管控方案和中外人员往来暂行措施。中方出台的新措施为“后疫情时代”中俄

关系迎来新的大发展带来重要契机⁶。新的一年，我们将继续砥砺前行，扎实做好孔院各项工作，牢牢把握新的发展机遇，推动中俄校际间交流合作快速恢复并取得新的更大发展。

参考文献

- Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Кудинова М. А., Варенов А. В. и др.** Петроглифы Китая: история изучения и важнейшие памятники: Учеб. пособие / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 218 с.
- Би Синьхуэй, Азаренко Ю. А.** Индуй тэочжань гун кэ ши цзянь Ици сян вэйлай: Синьсиболия голи дасюэ кунцзы сюэюань 2021 нянь гунцзо цзунцзе [毕新惠、阿扎莲科尤。应对挑战共克时艰一起向未来：新西伯利亚国立大学孔子学院 2021 年工作总结]。Вместе ради общего будущего – вопреки препятствиям и трудностям: отчет о работе в 2021 г. «Института Конфуция» Новосибирского государственного университета // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. [新西伯利亚国立大学学刊（历史、语言文学系列东方学专刊）]. Т. 21, № 4: Востоковедение. С. 164–172. (на кит. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-164-172
- Ван Янь.** Кунцзы сюэюань юй гоцзи ханьюй туйгуан [王艳。孔子学院与国际汉语推广// 教育蓝皮书 2006 年：中国教育的转型与发展 / 杨东平主编]. Институты Конфуция и продвижение китайского языка в мире // Синяя книга образования за 2006 г.: Трансформация и развитие китайского образования / Отв. ред. Ян Дунпин. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2007. С. 283–287. (на кит. яз.)

References

- Komissarov S. A., Soloviev A. I., Kudinova M. A., Varenov A. V. et al.** Petroglyphs of China: history of studies and important sites. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 218 p. (in Russ.)
- Bi Xinhui, Azarenko Yu. A.** Yingdui tiaozhan gong ke shi jian Yiqi xiang weilai: Xinxiboliya guoli daxue kongzixueyuan 2021 nian gongzuo baogao [毕新惠、阿扎莲科·尤。应对挑战共克时艰一起向未来：新西伯利亚国立大学孔子学院 2021 年工作总结]. Together for a Shared Future – Against All Odds: The 2021 Report from Confucius Institute at the Novosibirsk State University. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 4: Oriental Studies, pp. 164–172. (in Chin.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-164-172
- Wang Yan.** Kongzi xueyuan yu guoji hanyu tuiguang [王艳。孔子学院与国际汉语推广]. Confucius Institutes and International Chinese Promotion // Yang Dongping (ed.). *Education Blue Book 2006: Transformation and Development of Education in China*. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2007, pp. 283–287. (in Chin.)

⁶ Чжан Ханьхуэй даши цзю Чжунго юхуа фанъи чжэнцэ цзешоу Тасышэ чжуаньфан [张汉晖大使就中国 优化防疫政策接受塔斯社专访]. Посол Чжан Ханьхуэй дал интервью ТАСС об оптимизации противоэпидемиологической политики Китая // На сайте Посольства КНР в РФ. 11.01.2023. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/sghd/202301/t20230111_11005677.htm; см. также: Посол Китая в РФ: оптимизация борьбы с ковидом придаст импульс сотрудничеству с Россией: [Интервью] / Л. Тураянова // Информ. агентство ТАСС. 11.01.2023. URL: <https://tass.ru/interviews/16770825> (дата обращения 01.02.2023).

Информация об авторах

Би Синьхуэй, доцент, руководитель проекта «Институт Конфуция НГУ» с китайской стороны

Юлия Анатольевна Азаренко, старший преподаватель, директор НОКЦ «Институт Конфуция» НГУ

Information about the Authors

Bi Xinhui, Associate Professor, Director of the Confucius Institute at Novosibirsk State University from the Chinese side

Iuliia A. Azarenko, Senior Teacher, Director of the Confucius Institute at Novosibirsk State University from the Russian side

Статья поступила в редакцию 29.01.2023;

одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 10.02.2023

The article was submitted on 29.01.2023;

approved after review on 06.02.2023; accepted for publication on 10.02.2023

Научная статья

УДК 32.019.5(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-157-166

Социокультурные истоки «китайской мечты»

Ян Жун¹

Ван Цяньгань²

¹ Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

² Институт истории Академии общественных наук провинции Аньхой
Хэфэй, Китай

¹ 1813549087@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-9706-1931>

² 2590457151@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-4143-0467>

Аннотация

Как словосочетание выражение «китайская мечта» существует более семи веков, однако на разных этапах общественного развития его значение было различным. Начало поисков «китайской мечты» китайской интеллигенцией относится к началу XX в.; в 1980-х гг. в культурных кругах вернулись к этой идее; а в начале XXI в. содержание «китайской мечты» вновь обсуждалось обществом в целом. Эволюция понятия, выражаемого этим словосочетанием, отразило грандиозные перемены, произошедшие в китайском социуме на протяжении последнего столетия. В наши дни «китайская мечта» – не просто словосочетание современного языка, а ключевое понятие идеологической системы социализма с китайской спецификой новой эпохи, ему придано новое глубокое содержание. Характерное для современного общественно-политического дискурса выражение «китайская мечта о великом возрождении китайской нации» впервые появилось в выступлении Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина в 2012 г. «Китайская мечта» стала культурным символом, который войдет в историю развития китайской цивилизации и будет существовать в составе национальной культуры на протяжении жизни грядущих поколений.

Ключевые слова

«китайская мечта», возрождение нации, китайская специфика, ключевое понятие

Благодарности

Данная статья является промежуточным результатом исследовательского проекта Китайского государственного фонда общественных наук «Изучение публикаций о социализме с китайской спецификой в новую эпоху в ведущих российских СМИ», № 20BKS177

Для цитирования

Ян Жун, Ван Цяньгань. Социокультурные истоки «китайской мечты» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 157–166. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-157-166

Tracing the “Chinese Dream” from the Perspective of Social Culture

Yang Rong¹
Wang Qiangnan²

¹ Xinjiang University
Urumchi, China

² Institute of History, Anhui Academy of Social Sciences
Hefei, China

¹ 1813549087@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-9706-1931>

² 2590457151@qq.com; <https://orcid.org/0000-0002-4143-0467>

Abstract

The “Chinese Dream” has existed as a combination of Chinese characters for more than 700 years, however its connotation varies in different social development stages. At the beginning of the 20th century, Chinese intellectuals began to look for the “Chinese Dream”. In the 1980s, the cultural community regained the “Chinese Dream”. After entering the new century, all sectors of society deeply discussed the “Chinese Dream”. The development and evolution of the concept of this phrase actually reflected the vicissitudes of Chinese society in the past century. The “Chinese Dream” we are talking about today is closely linked with the limiting phrase “realizing the great rejuvenation of the Chinese nation”, proposed by the General Secretary of the CPC Central Committee Xi Jinping in 2012. The “Chinese Dream” is no longer a common word combination in modern Chinese, but a core concept of the ideological system of socialism with Chinese characteristics in the new era, which has been given a new and profound meaning. The “Chinese Dream” has become a cultural symbol, which will be integrated into the development history of Chinese civilization and coexist with the ever-growing Chinese culture.

Keywords

“Chinese Dream”, national rejuvenation, Chinese characteristics, core concepts

Acknowledgements

This article is a phased achievement of the project supported by the National Social Science Foundation of China. Project title “News Report and Evaluation of Russian mainstream media on socialism with Chinese characteristics for a new era”, no. 20BKS177

For citation

Yang Rong, Wang Qiangnan. Tracing the “Chinese Dream” from the Perspective of Social Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 157–166. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-157-166

Введение

Из письменных исторических источников известно, что сочетание иероглифов «китайская мечта» 中国梦 (в современном нормативном произношении *чжунго мэнь*) появилось более семи столетий назад, но на разных этапах общественного развития это выражение имело различное наполнение. Выражение «китайская мечта» в отношении «осуществления великого возрождения китайской нации» (实现中华民族伟大复兴) впервые было использовано в 2012 г. Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином. Как ключевое понятие идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху словосочетание «китайская мечта» наполнилось новым содержанием. Понимание эволюции содержания этого понятия способствует лучшему пониманию Китая, в особенности тех огромных перемен в китайском обществе, которые произошли за последнее столетие¹.

¹ Анализу концепта «китайская мечта» посвящена довольно обширная русскоязычная литература. См.: Крушинский А. А., Ломанов А. В., Переломов Л. С. «Китайская мечта» и категории китайской традиционной мысли // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 135–148; Распертова С. Ю. «Китайская мечта» как культурная стратегия КНР по повышению «мягкой силы» государства на международной арене // Вестник Моск. лингвист. ун-та. 2015. № 13. С. 104–116; Скрипкарь М. В. Формирование концепции «китайская мечта»: от Сунь Ятсена до Си Цзиньпина // Междунар. журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8-2. С. 394–397;

Иероглиф «мечта» 梦 мэн в китайском языке может обозначать грёзы и надежды, а также активность мозга в период сна (сновидение) [Сяньдай..., 2012, с. 890]. Очевидно, что концепт «китайская мечта» относится к чаяниям китайского народа о благополучии.

Наиболее раннее употребление этого выражения зафиксировано в эпоху Южной Сун. В стихотворении поэта и художника Чжэн Сысяо (郑思肖, 1241–1318), написанном в 1276 г., есть строка «一心中国梦» и *синь чжунго мэн* («...Все думы мои – о китайской мечте...»). Так автор обозначил надежды на объединение родины, мирное ее процветание и покой народа под мудрым государственным управлением. Однако словом «чжунго» в этой строке обозначался район Центральной равнины Китая того времени, а не государство Китай в его современном значении [Хуан Вэйфэн, 2020]. После того как 18 марта 2008 г. на пресс-конференции первой сессии съезда ВСНП 11-го созыва, отвечая на вопрос тайваньского журналиста о проблеме Тайваня, эту стихотворную строку процитировал премьер Госсовета Вэнь Цзябао, выражение «китайская мечта» привлекло к себе широкое внимание.

«Китайская мечта» в начале XX века

С началом Нового времени², столкнувшись с империалистической агрессией, некоторые китайские деятели выдвигали различные проекты по спасению страны, тем самым создавая разнообразные варианты «китайской мечты». Журнал «Дунфан цзачжи» (《东方杂志》, «Восток»), основанный в 1904 г., инициировал прием статей о поисках «китайской мечты». В ноябре 1932 г. главный редактор этого издания обратился с письмом к известным деятелям различных кругов, приглашая их дать ответы на два вопроса: «Каким Вы видите будущий Китай в своих мечтах?» и «О чем Вы мечтаете лично для себя?». К обсуждению приглашались правительственные чиновники, госслужащие всех уровней, предприниматели, ученые, писатели, работники новостных изданий и др. Из полученных ответов были выбраны 144 письма, опубликованные на страницах журнала в январе 1933 г. Среди них наиболее характерны были следующие виды рассуждений (обзор см.: [Ван Цяньгань, 2013]).

1. Выразившие стремление к национальному возрождению считали, что Китай «должен стать обществом великой гармонии, в котором равную роль играли бы материальное и духовное» (物质与精神并重的大同社会), «с управлением на основе закона и с развитой экономикой, позволяющими народу жить в покое и радости», «быть благоденствующей страной, богатой и сильной», «быть обществом равенства с обеспеченной старостью и совместным использованием благ»; они верили, что Китай будет государством для народных масс». Один корреспондент считал, что будущий Китай – это Китай новаторской молодежи, а не невежественных стариков, Китай трудящихся, а не эксплуататоров, Китай, в котором управляет китайская нация, а не страна, поработанная империализмом.

2. Выразившие оптимистический взгляд на будущее мечтали о том, чтобы правительство смогло объединить всю страну, чтобы исчезли бандиты, была бы ликвидирована угроза из-за пределов страны, четыре сословия³ спокойно жили, наслаждаясь плодами своего труда, во всем мире царил мир; они верили, что будущий Китай – это страна, где правит народ, где

Новосельцев С. В. Концепция «китайской мечты» и ее практическое применение // Comparative politics. 2016. Vol. 1, no. 22. P. 5–21; Сухадольская Л. Л. «Китайская мечта» и новая дипломатия Китая // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 20, ч. 1. С. 363–370; Воскресенский А. Д. Реализация «китайской мечты» в период «эпохи Си Цзиньпина»: что ожидать России? // Мировая экономика и междунар. отношения. 2019. Т. 63, вып. 10. С. 5–16; и др. – Примеч. ред.

² В КНР к Новой истории Китая официально относят период существования страны в состоянии полукOLONиального и полуфеодального общества с 1840 до 1949 г., с этапами 1840–1919 гг. (от начала Опиумных войн до Движения 4 мая) и 1919–1949 гг. (от Движения 4 мая до образования КНР). См.: Цзиньдай ши [近代史]. Новая история: [справочная информация] // Портал Центр. нар. пр-ва КНР. URL: http://www.gov.cn/test/2005-07/27/content_17513.htm (дата обращения 01.02.2023).

³ Служилые, крестьяне, ремесленники, купцы.

правит закон. Один из писателей мечтал, что в будущем Китае не будет классов и вражды, не будет материального угнетения ни для кого, и, может быть, станет не нужна частная собственность.

3. Выразившие стремление к вступлению в социалистическое или коммунистическое общество надеялись, что мир в будущем будет единым социалистическим миром, с общим имуществом с диктатурой пролетариата, что Китай непременно будет федеративным социалистическим государством. Один промышленник надеялся, что для подъема национальной экономической и культурной жизни в целом будет построен новый социалистический Китай и будут прилагаться силы для укрепления национальной обороны для гарантии национальной безопасности. Профессор Чжан Шэньфу (张申府) из Университета Цинхуа считал, что в идеальном Китае «будут осуществлены конфуцианские идеалы человеколюбия, идеалы Рассела и идеалы ленинского коммунизма». Китай в мечтах профессора Чжэн Чжэньдо (郑振铎) из Яньцзинского университета (позднее ставшего Пекинским) – великая и радостная страна. Он писал: «Мы сумеем полностью излечить те шрамы, начисто стереть кровавые пятна, которые за годы нанесли нам империалисты. Распри милитаристов, голод, наводнения и все беды – все останутся в прошлом... Мы построим великое социалистическое государство».

Конечно, были и люди, особенно из числа деятелей культуры, которые выразили в отношении будущего большой пессимизм. Например, они писали: «Относительно будущего Китая я никогда не испытывал радужных надежд, я лишь старался осознать действительность»; «у меня нет особых надежд на благополучие Китая, и даже во сне не часто снится светлое будущее страны»; «боюсь, что у нашей китайской нации нет будущего, она слишком одряхла»; и даже «будущее Китая беспросветно».

В этом изучении общественного мнения наиболее активно участвовали представители интеллигенции. С одной стороны, их мечты о будущем Китая были ожиданиями лучшей жизни, а с другой – реакцией на мрак и бедность старого Китая начала XX в.

Новое пробуждение «китайской мечты»

Вновь о «китайской мечте» заговорили в 80-е гг. XX в. В ноябре 1986 г. жившие в США ученые супруги Сунь Хуйчжуй (孙惠柱) и Фэй Чуньфан (费春放) написали пьесу на английском языке «Китайская мечта», которая в июле 1987 г. была поставлена на сцене Шанхайского народного художественного театра, а в сентябре пьесу представили на Первом Китайском фестивале искусств. Она получила горячий отклик у публики и удостоилась положительных отзывов критиков. Пьеса была поставлена также на Бродвее в Нью-Йорке, в Бостонском университете, труппой «Аристофан» в Токио, в одном из театров Сингапура и везде имела довольно большой резонанс. В ней «китайская мечта» понималась главным образом как горячая любовь к Китаю, к китайской культуре с надеждой на развитие страны, обретение ею богатства и могущества (富强 *фуцзян*).

После этого выражение «китайская мечта» всё чаще стало появляться в заголовках разных статей, например: «Быстроногий скакун, слуга и китайская мечта», «Китайская мечта археологической науки», «Ушаньская мечта, американская мечта, китайская мечта», «Банк Хуа-ци – китайская мечта в одно столетие», «Китайская мечта и изучение китайского языка», «Приватизация жилья создает будущую китайскую мечту» и др. Профессор факультета китайского языка Пекинского университета Чжан Иу 张颐武 опубликовал ряд статей на эту тему, например «Осуществить новую “китайскую мечту” – обещание нам от [технопарка] Чжунгуаньцунь», «Две стороны “китайской мечты”». Также в 2004 г. вышел специальный выпуск еженедельника «Шаньу чжоукань» («Бизнес») под названием «100 примеров китайской мечты» (一百个中国梦).

Содержание выражения «китайская мечта» во всех вышеперечисленных статьях различно. В одних случаях речь идет о мечтах и желаниях всех китайцев; в других оно означает стрем-

ление отдельных людей к осуществлению собственной мечты путем изменения судьбы, которая была предначертана им стартовыми условиями; в третьих говорится об идеалах жизненного успеха для целого поколения, о жажде настоящего уважения к китайской нации и о надежде на то, что Китай станет богатым и сильным.

«Китайская мечта» нового столетия

В XXI в. заметная активизация размышлений о «китайской мечте» относится к 2006 г. Согласно статистике на портале «Чжунго чживан» (CNKI), именно в том году в ведущих СМИ вышло более 50 статей, в заголовках которых фигурировала «китайская мечта». Выступая на саммите глав государств – членов ООН 15 сентября 2005 г., Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао выдвинул концепцию «гармоничного мира». Занимавший пост директора Дипломатического института У Цзяньмин (吴建民)⁴ считал, что для успешной коммуникации с Западом прежде всего необходимо достигнуть глубокого понимания образа мышления западных людей, их идеологии и культуры, объяснить развитие Китая с точки зрения истории и культуры Запада. И, так как в США было популярно понятие «американской мечты», он предложил использовать концепт «китайской мечты»⁵. По инициативе У Цзяньмина и его единомышленников 2 апреля 2006 г. в резиденции для почетных гостей «Дяоюйтай» в Пекине состоялся семинар «Китайская мечта и гармоничный мир». Организаторами выступили Китайское научное общество международных отношений, Пекинский и Тяньцзиньский университеты иностранных языков, Дипломатический институт. Главной темой семинара стало развитие идеи о том, что «китайская мечта» – это и есть строительство гармоничного мира, в ходе которого Китай делится со всеми народами мира плодами своего развития и использования благоприятных возможностей. Более 100 участников провели обсуждение таких вопросов, как содержательная сторона «китайской мечты», концепция «гармоничного мира», теория и практика «китайской мечты», кросс-культурное сравнение «китайской мечты» и «американской мечты».

Далее, опираясь на публикацию части текстов выступлений семинара в журнале «Дипломатическое обозрение»⁶, приведем краткий обзор определений «китайской мечты» разных спикеров.

У Цзяньминь предположил, что в период подъема и быстрого развития любой страны множество простых людей становятся активными и успешными, и каждое государство обретает некую «мечту». В сравнении с ситуацией в других странах и в другую эпоху «китайская мечта» обладает такими особенностями, как большой масштаб, широкий охват и разделение успехов со всем миром.

Постоянный заместитель директора партийной школы ЦК КПК Чжэн Бицзянь (郑必坚) высказал мнение, что «китайской мечтой» начиная с Нового времени было спасение родины от гибели, ее выражением стал лозунг «сильная страна и богатый народ» (强国富民). После 1980-х гг., в новой обстановке, «китайская мечта» преобразовалась в формулировку «мирное развитие, возрождение культуры».

Руководитель государственного управления по делам религий Е Сяовэнь (叶小文) говорил, что в условиях быстрого развития Китая всестороннее построение среднезажиточного общества является «китайской мечтой», связанной с возрождением китайской нации. В свою очередь, почетный председатель Олимпийского комитета Китая Хэ Чжэньлян (何振梁) ска-

⁴ У Цзяньминь (30.03.1939–18.06.2016) занимал должности пресс-секретаря МИД Китая, постоянного представителя в ООН, посла во Франции и директора Дипломатического института.

⁵ Комментарий У Цзяньмина после его интервью программе CCTV «Сын Востока», дата трансляции 01.03.2007.

⁶ См.: Вайцзяо пинлунь [外交评论]. Дипломатическое обозрение. 2006. № 2. С. 7–9, 13–14, 11–13, 14–15, 17–18. (на рус. яз.)

зал, что «Китайская мечта» – это взлет Китая, великое возрождение китайской нации, проще говоря, это вопрос обогащения страны и укрепления нации, что является нашей мечтой на протяжении многих лет».

Директор Тяньцзиньского института иностранных языков Сю Ган (修刚) выделил три варианта «китайской мечты». В первом случае под ней понимается стремление и мечта добиться большого успеха в Китае, что связано с действующими в Китае иностранными инвесторами (учреждениями и частными лицами). Второе понимание относится к множеству китайцев, которые стремятся к успеху, в этом случае «китайская мечта» – это стремление добиться благополучия в жизни, полагаясь на собственные силы, знания и творческий дух. Третий вариант смыслового наполнения «китайской мечты» относится к стране и нации в целом, это стремления к тому, чтобы одновременно с преобразованием Китая в процветающую страну китайцы внесли свой вклад в прекрасное будущее всего мира.

Обширные репортажи о прошедшем семинаре были даны на страницах зарубежного издания «Жэньминь жибао», газет «Чжунго циннянь бао» («Китайская молодежь») и «Чжунго жибао» («Китай»). С того времени выражение «китайская мечта» стало еще шире использоваться в средствах массовой информации КНР.

В марте 2007 г. и марте 2008 г. в Тяньцзине и Пекине вновь провели научные семинары «Китайская мечта» и гармоничный мир» (中国梦与和谐世界). Участники обсуждения выработали единое видение ситуации, заключающееся в том, что Китай переживает быстрое развитие, а в эпоху перемен страна и личность особенно нуждаются в опоре для идеалов и убеждений, и «китайской мечтой» является соединение идеалов и надежд страны и всех ее граждан.

Выдвижение «китайской мечты» направлено, с одной стороны, на конструирование главного течения общественного сознания, нацеленное на здоровое и позитивное стремление к прогрессу, на руководство молодым поколением для укоренения в нем правильного мировоззрения и на стимулирование построения гармоничного общества. С другой стороны, оно содействует разрядке ситуации, нагнетаемой тезисом о «китайской угрозе», наращиванию «мягкой силы» Китая, созданию международного образа Китая как ответственной державы и тем самым вносит вклад в построение гармоничного мира.

На втором семинаре «Китайская мечта» и гармоничный мир» У Цзяньминь подчеркивал, что «китайская мечта есть осуществление великого возрождения китайской нации, построение богатого и сильного, демократического, цивилизованного, гармоничного великого государства. Китайская мечта не только китайская, но и мечта всего мира». Заместитель директора Партийной школы ЦК КПК Ли Цзюньжу указал, что «китайская мечта – это заветная мечта многих поколений китайцев о модернизации», и главное ее содержание – «возрождение цивилизации с помощью культурных идеалов, цивилизованных методов, имиджа государства с высокой культурой»⁷. Мэр Тяньцзиня Дай Сяньлун в обращении к участникам семинара назвал «мечтой» стремление к светлому будущему, присущее как отдельным людям, так и народам и миру в целом, а мечтой современного Китая – достижение благосостояния народа и процветания страны путем научного и гармоничного развития, более активное участие в экономической глобализации и наращивании его роли в деле построения гармоничного мира⁸.

На третьем семинаре дискуссия и обсуждение развернулись вокруг тем «зеленой Олимпиады», китайской мечты и 30-летия с начала «политики реформ и открытости». Ли Цзюнь-

⁷ Ли Цзюньжу, У Цзяньминь. Чжунго мэн цзян лин шицзе хои [李君如、吴建民. 中国梦将令世界获益 / 双华斌访谈 // 中国教育报]. Китайская мечта принесет пользу всему миру: [Интервью] / Беседовал Шуан Хуабин // Чжунго цзяоюй бао [Образование в Китае]. 08.02.2008, с. 3. URL: <http://paper.jyb.cn/zgjyb/html> (дата обращения 01.02.2023).

⁸ Дай Сяньлун. Чжунго мэн юй хэсе шицзе [戴相龙. 中国梦与和谐世界 // 天津日报]. Китайская мечта и гармоничный мир // Тяньцзинь жибао. 25.03.2007. URL: <http://epaper.tianjinwe.com/tjrb/html> (дата обращения 01.02.2023).

жу определил «китайскую мечту» как «красную», а также «зеленую»; ее движущей силой он назвал две исторические задачи – добиться национальной независимости и освобождения народа, вставшие перед китайской нацией после Опиумной войны 1840 г.; после чего достичь процветания страны и общего богатства народа. Он также выразил надежду на то, что пекинские Олимпийские игры 2008 г. смогут продвинуть дело осуществления «китайской мечты» и в то же время укрепят культурную составляющую национального китайского характера [Ли Цзюньчжу, 2008].

После этого вышло в свет множество монографий на тему «китайской мечты». В их числе труд Ли Цзюньжу «Китайская мечта: мирно развивающийся Китай» (2006). Согласно этой работе, в первые 50 лет XXI в. будут оставаться два типа «китайской мечты» – мечта самих китайцев и мечта народов всех дружественных Китаю стран мира. В осуществлении китайцами мечты по поводу индустриализации и модернизации он также выделил два этапа: в первое столетие это «китайская мечта» о завоевании национальной независимости и освобождении народа, в последующие 100 лет – мечты о том, чтобы добиться процветания страны и счастья народа.

В 2010 г. издана книга профессора Университета национальной обороны Лю Минфу «Китайская мечта: идеология великодержавия и определение стратегического положения в пост-американскую эпоху». Его понимание китайской мечты главным образом представлено как рывок к первенству в мире, достижение превосходства Китая над конкурентами, созидание «эпохи Китая», без государственной гегемонии.

В работе профессора партийной школы ЦК КПК Чжоу Тяньюна (周天勇) «“Китайская мечта” и путь Китая» («中国梦”与中国道路»), вышедшей в свет в 2011 г., «китайская мечта» конкретизируется как шесть чаяний народных масс и их духовных требований личного характера: 1) преобразование в горожан – мечта сотен миллионов крестьян; 2) мечта о спокойной жизни и мирном труде; 3) мечта о социальном обеспечении жизни; 4) мечта о достойном социальном обслуживании; 5) мечта о благоприятной экологической среде и семейном благополучии; 6) мечта о здоровой духовной жизни». Исходя из этого автор набрасывает для читателей контур пути Китая к осуществлению этой мечты, представляя маршрутную карту будущего китайского развития, «политики реформ и открытости», достижения народного благосостояния.

Кроме этого, можно упомянуть такие работы, как «Сорок версий китайской мечты», «Китайская мечта», «От американской к китайской мечте», «Создание “китайской мечты” ради всего мира», «Китайская мечта – 2025», «Мягкая сила и китайская мечта», а также изданный в 2012 г. отделом подготовки кадров Организационного отдела КПК сборник «Моя китайская мечта», составленный Лю Минфу, и др. [Ван Цяньгань, 2013, с. 113].

В этот период созывалось много форумов, конференций с темой «китайская мечта». Так, в августе 2006 г. на 3-м саммите китайских предпринимателей в Шэньчжэне был проведен диалог и обмен мнениями на тему «Предпринимательский дух и китайская мечта». В апреле 2012 г. в Доме народных собраний в Пекине прошел симпозиум инновационного предпринимательства «“Моя китайская мечта” – возвращение в Китай высококлассных специалистов с зарубежным образованием», организованный Ассоциацией китайских выпускников вузов Европы и Америки. В том же году 30 июня состоялся форум «“Китайская мечта”: ретроспектива и перспектива», соорганизаторами которого выступили Центр изучения Китая и глобализации при вышеназванной ассоциации, Центр изучения китайской культуры в XX веке Пекинского университета и Исследовательский институт медиакультуры и социального развития шанхайского Университета «Цзяотун».

Свое понимание «китайской мечты» высказывали многие деятели из разных сфер китайского общества. В частности профессор партийной школы Пекинского горкома пекинского КПК Яо Хуань считал, что у «китайской мечты» имеется два вида смыслового наполнения. Первый из них – стремительное развитие государства от отсталого состояния к передовому и к зажиточности народа, мирное возвышение Китая, осуществление социалистической мо-

дернизации. Это, с одной стороны, является общим идеалом китайской нации на текущем этапе, а с другой – продолжением мечты о сильном государстве и богатом народе многих патриотов Нового времени. Второе возможное толкование – это собственные мечты, которые появляются у всё большего числа китайцев благодаря тем широким возможностям, которые предоставляют каждому человеку реформы и быстрое развитие страны [Яо Хуань, Лю Шань, 2009].

Научный сотрудник Института государственного управления Чжу Лань (朱嵐) в своем интервью сказал: «“Китайская мечта” – это заветная мечта простых людей Китая, мечта об успехе, мечта о достатке, мечта о надежде. Для простых людей “китайская мечта” – это чаяния и надежда на процветание родной страны, устремления и активный поиск благополучной жизни, это жизненная позиция, характеризующаяся оптимистическим, активным и позитивным движением вперед» (см.: [Тан Дэлун, 2006]).

Профессор Пекинского университета Жао И согласен, что «китайская мечта» связана с историей Китая Нового времени. В тот период, с началом опиумных войн, история Китая наполнилась позором и унижением; в течение более 100 лет длилось противостояние с иноземными врагами, что наложило отпечаток на мышление китайского народа. Он выразил уверенность, что «множество сыновей и дочерей Китая надеются общими усилиями в избавлении от позорного прошлого достигнуть самореализации», что и является китайской мечтой в его понимании [Жао И, 2013].

В 2013 г. журнал «Буквоед» (咬文嚼字) определил словосочетание «китайская мечта» как наиболее частотное в ежегодном рейтинге «десяти популярных выражений».

«Китайская мечта» руководителей Китая

Как определенно очерченное понятие выражение «китайская мечта» вошло в китайскую общественную жизнь 29 ноября 2012 г. после речи Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина во время посещения выставки Национального музея «Путь к возрождению». В ней Си Цзиньпин сказал: «Сейчас, когда все вокруг говорят о китайской мечте, мне думается, что буквально с самого начала периода Нового времени величайшей мечтой китайской нации стала мечта о великом возрождении... Я твердо убежден, что к столетней годовщине Компартии Китая задача полного построения среднезажиточного общества обязательно будет выполнена, а к столетней годовщине Нового Китая, несомненно, будет выполнена и задача по созданию богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и модернизированного социалистического государства. Мечта о великом возрождении китайской нации непременно осуществится» [Си Цзиньпин..., 2014, с. 47–50]. Раскрывая понятие «китайская мечта», Си Цзиньпин обозначил магистральную линию исторического развития Китая с Нового времени, обрисовал историю непрерывных исследований и неустанной борьбы китайской нации – поколения за поколением – с начала Нового времени.

Впоследствии Си Цзиньпин многократно объяснял понятие «китайская мечта». Так, 17 марта 2013 г., выступая на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва, он указал: «Цели всестороннего построения среднезажиточного общества, создания богатого, могущественного, демократического цивилизованного и гармоничного социалистического модернизированного государства, а также осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации и заключаются в создании богатой и процветающей страны, возрождении нации, обретении счастья для народа... В конечном счете китайская мечта – это мечта народа. Поэтому осуществлять ее необходимо, прочно опираясь на народ. Надо постоянно нести народу счастье». В том же выступлении он осветил основную ценность «китайской мечты» и определил источник движущей силы в реализации ее идеалов. Си Цзиньпин убежден: «Для осуществления китайской мечты нужно обязательно идти по китайскому пути, то есть по пути социализма с китайской спецификой, для осуществле-

ния китайской мечты необходимо возвышать китайский дух, для осуществления китайской мечты необходимо объединять силы нации» [Си Цзиньпин..., 2014, с. 51–58].

Заключение

В настоящее время выражение «китайская мечта» уже не просто словосочетание современного китайского языка, а понятие, являющееся важной составной частью идеологической системы социализма с китайской спецификой новой эпохи, внесенное в область теории марксизма. Направленная на осуществление центральной сути возрождения китайской нации, «китайская мечта» объединила в себе три измерения ценностных ориентиров – на богатое и сильное государство, национальное возрождение и народное счастье. В триединстве ценностных ориентиров «китайской мечты», вобравшей в себя основные направления развития Китая в прошлом, настоящем и будущем, реализуется взаимосвязь между нацией, государством и индивидами, а в ее слиянии с «мировой мечтой» раскрывается мировой масштаб мышления современных китайских коммунистов [Мо Цючань, 2017]. «Китайская мечта» стала культурным символом, который войдет в историю китайской цивилизации и будет существовать в культуре Китая на протяжении жизни многих поколений.

Список литературы

- Си Цзиньпин о государственном управлении = 习近平谈治国理政. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2014. [Т. 1]. 624 с. (на рус. яз.)
- Ван Цяньгань. «Чжунго мэн» и цыдэ юлай [汪谦干。“中国梦”一词的由来 // 当代中国史研究]. Происхождение выражения «китайская мечта» // Дандай чжунго яньцзю [Изучение истории современного Китая]. 2013. № 6. С. 110–116. (на кит. яз.)
- Жао И. Цун мэйго мэн дао чжунго мэн [饶毅. 从美国梦到中国梦 // 辽宁教育]. От американской мечты к китайской мечте // Ляонин цзяюй [Образование в Ляонине]. 2013. № 14. С. 34–36. (на кит. яз.)
- Ли Цзюньжу. Чжунго мэн ши хунсэдэ, е ши люйсэдэ [李君如. 中国梦是红色的, 也是绿色的 // 中国企业家]. Китайская мечта красная, и зеленая // Чжунго циецзя [Предприниматели Китая]. 2008. № 14. С. 56–57. (на кит. яз.)
- Мо Цючань. Лунь чжунго мэндэ саньгэ цзячжи вэйду [莫秋婵. 论中国梦的三个价值维度 // 社会工作与管理]. О трех ценностных измерениях китайской мечты // Шэхуй гунцзо юй гуаньли [Социальная работа и управление]. 2017. № 5. С. 91–96. (на кит. яз.)
- Сяньдай ханьюй цыдянь [现代汉语词典: 第6版 / 江蓝生、谭景春、程荣修订主持人]. Словарь современного китайского языка: 6-е изд. / Ред. Цзян Ланьшэн, Тань Цзинчунь, Чэн Жун. Пекин: Шаньбу иньшугуань, 2012. 1790 с. (на кит. яз.)
- Тан Дэлу. «Чжунго мэн»: дунфан юэци синь юаньцин [唐德龙。“中国梦”: 东方崛起新愿景 // 中国社会导刊]. «Китайская мечта»: новое видение подъема Востока // Чжунго шэхуй даокань [Китайское социологическое обозрение]. 2006. № 20. С. 9–10. (на кит. яз.)
- Хуан Вэйфэн. Юйцзинлунь шицзяося «чжунго мэн» чжи ин и цзай сыкао [黄卫峰. 语境论视角下“中国梦”之英译再思考 // 中国科技术语]. Об английском переводе «китайской мечты» с точки зрения контекстуализма // Чжунго кэцзи шуюй [Китайская научно-техническая терминология]. 2020. № 4. С. 64–68. (на кит. яз.)
- Яо Хуань, Лю Шуан. Чжунго мэн цзи ци вэньхуа чжичэн [姚桓、刘爽. 中国梦及其文化支撑 // 中国党政干部论坛]. Китайская мечта и ее культурные опоры // Чжунго данчжэн ганьбу луньтань [Форум партийно-политических кадров Китая]. 2009. № 2. С. 27–30. (на кит. яз.)

References

- Huang Weifeng.** Yujinglun shijiaoxia “zhongguo meng” zhi yingyu zai sikao [黄卫峰。语境论视角下“中国梦”之英译再思考 // 中国科技术语]. On the English translation of “zhongguo meng” from the perspective of contextualism. *Zhongguo keji shuyu [Chinese scientific and technological terms]*, 2020, no.4, pp. 64–68. (in Chin.)
- Li Junru.** Zhongguo meng shi hongse, yeshi lvse [李君如。中国梦是红色的，也是绿色的 // 中国企业家]. The Chinese dream is red and green. *Zhongguo qiyejia [Chinese entrepreneurs]*, 2008, no. 14, pp. 56–57. (in Chin.)
- Mo Qiuchan.** Lun zhongguo mengde sange weidu [莫秋婵。论中国梦的三个价值维度 // 社会工作与管理]. On the three value dimensions of China Dream. *Shehui gongzuo yu guanli [Social work and management]*, 2017, no. 5, pp. 91–96. (in Chin.)
- Rao Yi.** Cong meiguo meng dao zhongguo meng [饶毅。从美国梦到中国梦 // 辽宁教育]. From the American Dream to the Chinese Dream. *Liaoning jiaoyu [Liaoning education]*, 2013, no. 14, pp. 34–36. (in Chin.)
- Si Czin’ping o gosudarsnvennom upravlennii [Xi Jinping on the governance of China]. = 习近平谈治国理政. Beijing, Izdatel’sstvo literatury na inostrannykh yazykakh, 2014, [vol. 1], 624 p. (in Russ.)
- Tang Delong.** “Zhongguo meng”: dongfang jueqi xin yuanjing [唐德龙。“中国梦”：东方崛起新愿景 // 中国社会导刊]. “China Dream”: a new vision for the rise of the East. *Zhongguo shehui daokan [China Social Guide]*, 2006, no. 20, pp. 9–10. (in Chin.)
- Wang Qiang.** “Zhongguo meng” yicide youlai [汪谦干。“中国梦”一词的由来 // 当代中国史研究]. The origin of the words “China Dream”. *Dangdai zhongguoshi yanjiu [Contemporary China history studies]*, 2013, no. 6, pp. 110–116. (in Chin.)
- Xiandai hanyu cidian [现代汉语词典：第6版 / 江蓝生、谭景春、程荣修订主持人]. Modern Chinese dictionary: 6th ed. / Ed. by Jiang Lansheng, Tan Jingchun, Cheng Rong. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2012, 1790 p. (in Chin.)
- Yao Huan, Liu Shuang.** Zhongguo meng ji qi wenhua zhicheng [姚桓、刘爽。中国梦及其文化支撑 // 中国党政干部论坛]. Chinese Dream and its cultural support. *Zhongguo dangzheng ganbu luntan [Chinese Cadres Tribune]*, 2009, no. 2, pp. 27–30. (in Chin.)

Информация об авторах

Ян Жун, профессор

Ван Цяньгань, научный сотрудник

Information about the Authors

Yang Rong, Professor

Wang Qiang, Researcher

Статья поступила в редакцию 29.01.2023;

одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 10.02.2023

The article was submitted on 29.01.2023;

approved after review on 06.02.2023; accepted for publication on 10.02.2023

Рецензия

УДК 304.2 + 93/94

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-167-170

Пётр Великий: образ русского царя на Востоке Азии

Александр Викторович Филиппов

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

PhilAlex2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9894-8304>

Аннотация

Рецензируемая монография «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии» подготовлена коллективом востоковедов из Санкт-Петербургского государственного университета и Института восточных рукописей РАН. В книге изучены особенности перцепции образа первого российского императора Петра Великого в Китае, Японии, Корее и Вьетнаме. Раскрыто основное содержание представлений о русском царе в этих странах, рассмотрены источники и пути распространения этих представлений. Охвачены хронологические рамки начиная с эпохи правления Петра Великого до XXI в. Исследованы архивные тексты XVIII в., сочинения XVIII–XIX вв., статьи публицистов XIX–XX вв., труды современных историков рассмотренных стран, публикации разных жанров в сети Интернет, переводы русских произведений о Петре Великом, учебная и детская литература, документальные фильмы и прочие материалы. Рассмотрена специфика интерпретации личности и деятельности русского царя в странах Дальнего Востока и различных этнокультурных средах.

Ключевые слова

Петр Великий и Восток, имагология, образ Петра I в Китае, образ Петра I в Японии, образ Петра I в Корее, образ Петра I во Вьетнаме

Для цитирования

Филиппов А. В. Пётр Великий: образ русского царя на Востоке Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 167–170. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-167-170

Peter the Great: The Image of the Russian Tsar in East Asia

Alexander V. Philippov

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

PhilAlex2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9894-8304>

Abstract

The peer-reviewed collective monograph “The Image of Peter the Great in the Countries of East Asia” was prepared by scholars from St. Petersburg State University and the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. This book examines the features of the perception of the image of the first Russian Emperor Peter the Great (1672–1725) in China, Japan, South Korea and Vietnam. The main content of ideas about this Russian Tsar in these countries is revealed, the sources and ways of disseminating these ideas are considered. The study covers the chronological framework from the reign of Peter the Great to the 21st century. Archival texts of the 18th century, works of the 18th – 19th centuries, articles by publicists of the 19th – 20th centuries, works of modern historians of the considered countries, publications of various genres on the Internet, translations of Russian works about Peter the Great, educa-

tional and children's literature, documentaries and other materials have been studied. The specificity of interpretation in different ethno-cultural environments of facts about the life and work of the Tsar is explained.

Keywords

Peter the Great and the East, imagology, the image of Peter I in China, the image of Peter I in Japan, the image of Peter I in Korea, the image of Peter I in Vietnam

For citation

Philippov A. V. Peter the Great: The Image of the Russian Tsar in East Asia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 167–170. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-167-170

С большой долей уверенности можно утверждать, что яркими представителями русской культуры и политики, имена которых хорошо знакомы за пределами России, являются фигуры двух русских царей – Петра Великого и Ивана Грозного. При всей противоречивости каждого персонажа интерес к ним несомненен. В минувшем 2022 г. исполнилось 350 лет со дня рождения царя Петра. На этом фоне крайне приятно было обнаружить среди новых изданий книгу, посвященную нюансам понимания персоны Петра I в странах Востока, в Восточной Азии. Восприятие образа российского императора Петра Великого в Китае, Японии, Корее и Вьетнаме стало предметом интереснейшей монографии, увидевшей свет в самом конце 2022 г. Книга появилась благодаря усилиям группы востоковедов из Санкт-Петербургского государственного университета и Института восточных рукописей РАН¹.

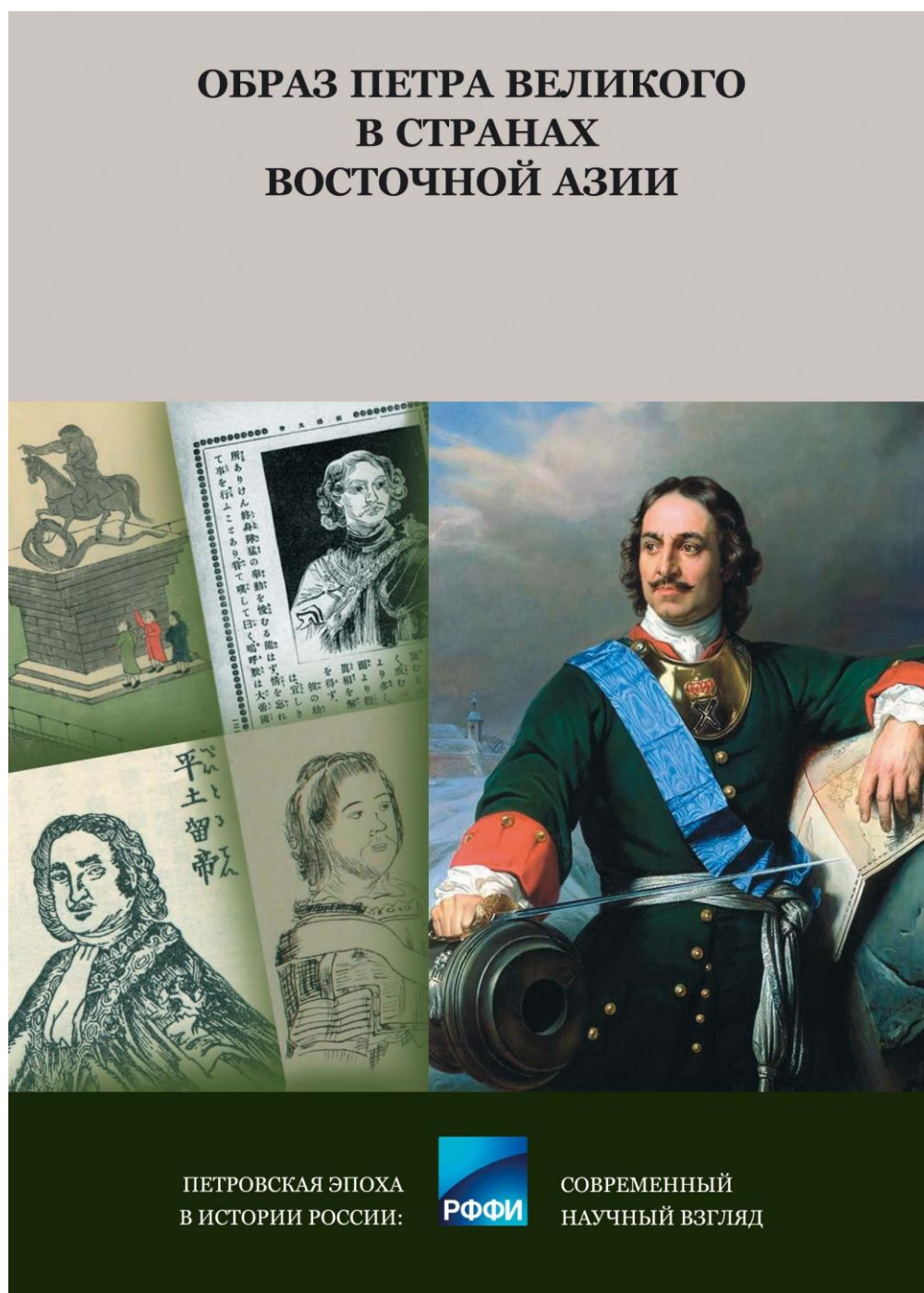
Монография рассматривает проблемы восприятия образа Петра I в Азии, являясь вместе с тем комплексным обобщающим исследованием по имагологии. Актуальность книги определяет не только рост научного интереса к личности Петра в связи с его 350-летним юбилеем, но и проблематика восприятия культурно-исторических символов России за рубежом в эпоху глобализации. В особой степени перемены коснулись стран Востока (Китай, Японии, двух Корей, Вьетнама и др.) в связи с наблюдаемой в России политикой «поворота на Восток». Поднимаемые и исследуемые в книге вопросы, изложенные факты и наблюдения не только представляют ценность для ученых-востоковедов и специалистов по отечественной и зарубежной истории, но и могут оказаться полезны для широкого круга тех, кто так или иначе взаимодействует с представителями культур стран Востока.

Во внушительной по объему книге читателю дана возможность комфортного ознакомления с материалами, представленными в семи логично организованных главах, снабженных подробнейшими постраничными комментариями в сносках. Остановимся подробнее на названиях глав. 1. Китайское направление внешней политики Петра Великого. 2. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии. 3. Образ Петра Великого в Китае. 4. Сравнение образа Петра Великого в учебной, научно-популярной и сетевой литературе КНР, Великобритании и США. 5. Образ Петра Великого в Японии. 6. Образ Петра Великого в Корее. 7. Образ Петра Великого во Вьетнаме. Ценнейшим приложением к изданию стали списки литературы, соответствующие каждой из семи глав монографии. Дополнительную ценность имеет графическое оформление книги, поскольку цветные вклейки представляют визуализацию образа царя Петра в разных странах. Усиливает позитивное впечатление и дизайн твердого переплета книги, где приводятся вместе сразу пять отличных по стилю цветных изображений великого русского самодержца (см. рисунок).

В рецензируемом труде предельно детализирована и многосторонне рассмотрена китайская часть. За длительный, более чем трехвековой, период социокультурного взаимодействия России и Китая именно со времен Петра Великого, накопился внушительный объем информации по теме, что позволило составителям посвятить китайской части четыре главы из семи. Эти четыре главы по Китаю дают возможность понять, каким видели и видят ныне Петра Великого. Как воспринимали его эпоху китайские просветители и литераторы XIX в., каким

¹ Работа над монографией «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии» (Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Весь мир, 2022. 432 с., ил.) велась в 2020–2022 гг. в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

он предстает перед современными школьниками и обычными пользователями Интернета, наконец, как о Петре Великом думают ученые, переводчики-русисты или специалисты-историки.

Оформление обложки издания.

Приведены четыре японских изображения Петра I (XVIII–XIX вв.) и портрет Петра I работы французского живописца Поля Делароша (холст, масло; 1838 г.)

The cover design.

There are four Japanese images of Peter the Great (18th – 19th centuries) and the portrait of Peter the Great by French painter Paul Delaroche (oil on canvas; 1838)

В пятой главе изучена деятельность Петра по поиску пути в Японию. В деталях представлена история проникновения в Японию первых сведений о России и Петре I, даны пояснения о причинах интереса японцев к нашей стране. Показан процесс формирования образа российского государя в сочинениях японских интеллектуалов XVIII–XIX вв. Небезынтересны оценки влияния опыта петровской модернизации на схожие процессы в Японии во второй половине XIX в. Наконец, на примере конкретных произведений исследован вопрос об оценке фигуры Петра и его деятельности в трудах японских писателей и историков XX – начала XXI в.

В то же время проведенное исследование, как прямо заявляет автор главы, не претендует на полноту, а, напротив, указывает возможные направления для дальнейших исследований. Так, за пределами внимания остался вопрос освещения фигуры Петра Великого и его деятельности в школьных учебниках по истории, которые были в ходу в довоенной и послевоенной Японии, в пособиях, которые используются сегодня.

В последующих главах (шестой и седьмой) очень информативно разъяснена специфика интерпретации образа Петра Великого, фактов о его жизни и деятельности в этнокультурных средах Кореи и Вьетнама. В этих двух частях составителям удалось рассмотреть не только труды просветителей начала XX в., переводы классики, материалы сетевых ресурсов, но также школьную и детскую литературу, комиксы, туристические путеводители и публикации в сети Интернет.

Получившееся издание может быть интересно широкому кругу читателей – историкам, востоковедам, лингвистам-переводчикам, литературоведам и просто интересующимся историей и культурой стран Востока и фигурой Петра Великого.

Информация об авторе

Александр Викторович Филиппов, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57218918915
WoS Researcher ID G-3235-2016
RSCI Author ID 805230
SPIN 9993-4722

Information about the Author

Alexander V. Philippov, Doctor of Science (History), Professor
Scopus Author ID 57218918915
WoS Researcher ID G-3235-2016
RSCI Author ID 805230
SPIN 9993-4722

*Статья поступила в редакцию 21.01.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 31.01.2023
The article was submitted on 21.01.2023;
approved after review on 23.01.2023; accepted for publication on 31.01.2023*

Рецензия

УДК 392.86 + 633.72 + 664.861

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-171-173

Вдохнуть аромат чая с книгой в руке

Оуян Мэйхэ¹

Сюн Инцзе²

¹ Шанхайский политико-юридический университет
Шанхай, Китай

² Восточно-Китайский университет политологии и права
Шанхай, Китай

¹ henry_ouyang20076@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-4875-2805>

² 13482813557@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-0029-5884>

Аннотация

Китайская чайная культура имеет долгую историю и богатое содержание, включает уникальные духовные качества китайской нации, именно поэтому изучение и понимание китайской чайной культуры – важный и эффективный способ понять современную китайскую культуру и современный Китай. В книге «Введение в чайную культуру Китая» используются исторический метод исследования, международная точка зрения и концепция объединения теории и практики для всестороннего обсуждения концептуальной коннотации, истории развития, идеологии и искусства, этикета и обычаев, международных обменов. В ней описаны основные идеи и концепции китайской чайной культуры, а также показаны методы и пути осуществления чайного искусства на практике, представлены виды и свойства чая, что дает читателям представление о китайской чайной культуре и способствует выработке личного вкуса и поиску друзей по интересам.

Ключевые слова

китайская чайная культура, мышление китайского чая, свойства китайского чая, распространение китайского чая, обзор

Для цитирования

Оуян Мэйхэ, Сюн Инцзе. Вдохнуть аромат чая с книгой в руке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 171–173. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-171-173

Taste the Fragrance of Tea with the Book in Hand

Ouyang Meihe¹, Xiong Yingjie²

¹ Shanghai University of Political Science and Law
Shanghai, China

² East China University of Political Science and Law
Shanghai, China

¹ henry_ouyang20076@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-4875-2805>

² 13482813557@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-0029-5884>

Abstract

Chinese tea culture has a long-standing history, is rich in content, and contains the unique spiritual characteristics of the Chinese nation. Learning about and understanding Chinese tea culture is an important and effective way to understand contemporary Chinese culture and contemporary China. The book *General Introduction to Chinese Tea Culture* makes use of historical research methods, international perspectives, and the concept of combining theory and practice

© Оуян Мэйхэ, Сюн Инцзе, рец., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 171–173
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 171–173

to comprehensively discuss the conceptual connotation, development history, thoughts and art, etiquette and customs, international exchanges, to summarize and generalize Chinese tea culture. It describes the core ideas and concepts of Chinese tea culture, and illustrates the methods and paths of tea art practice, the types and functions of tea, which provides readers with a concise understanding of Chinese tea culture by setting a solid foundation for them. The book can improve a reader's personal temperament and taste in making friends.

Keywords

Chinese tea culture, Chinese tea thought, Chinese tea characteristics, Chinese tea dissemination, review

For citation

Ouyang Meihe, Xiong Yingjie. Taste the Fragrance of Tea with the Book in Hand. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 171–173. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-171-173

С тех пор, как Лу Юй (陆羽, 733–804) при династии Тан написал «Чайный канон» (茶經 *ча цзин*), китайцы стали обладать более полным представлением о чае, и чаепитие превратилось из материальной потребности в духовную необходимость. В наши дни традиции того трактата продолжает «Введение в чайную культуру Китая» под редакцией Лю Литана и У Юаньчжи (Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2020. 305 с.). Книга состоит из девяти глав.

Глава первая – «Историческое происхождение». Китайская чайная культура сформировалась при династии Тан и достигла расцвета во времена династии Сун. Способы приготовления чая, чайная посуда и вкус чая при династии Мин отличались от таковых во времена предыдущих династий. Дальнейшее развитие чайной культуры при династии Цин заложило основу для появления современных знаменитых китайских чаев, чаепитие стало более упрощенным и светским, а искусство чая, каллиграфия и живопись стали доступны для всех. В конце правления династии Цин китайская чайная культура пришла в упадок и только в 1970-х гг. начала возрождаться. В последние годы чайная промышленность получила быстрое развитие, а чайная культура была полностью возрождена.

Глава вторая – «Культурное мышление». Мышление китайской чайной культуры относится к мыслям, эмоциям, концепциям, выраженным посредством поведения или слов, связанных с чаем. «Быть мудрым и бережливым» – это требование, относящееся к морали и характеру, которыми должен обладать любитель чая. «Искреннее уважение и вежливость» – один из важных символов «этикета» китайской нации, т. е. чай используется в качестве подарка для выражения искренности и уважения.

Глава третья – «Чайная церемония, искусство и литература». Стили литературного выражения чайной церемонии разнообразны, такие как *ши*, *цы*, *гэ*, *фу* (четыре жанра стихотворных произведений, основные формы китайской поэзии и ритмической прозы), роман, проза, драма и т. д. Чайная церемония богата художественными формами: живопись, каллиграфия, гравировка печатей в стиле *чжуань* и т. д.

Глава четвертая – «Чайные обычаи». К ним относятся некоторые региональные и национальные чайные обычаи во время свадеб и похорон, а также ежедневные обычаи приема гостей и чаепития, включающих четыре аспекта – рационные, сезонные, ритуальные и религиозные чайные обычаи.

Глава пятая – «Виды и свойства». Существуют шесть основных видов чая: зеленый, черный, белый, прозрачный, темный и желтый. Представительным сортом каждого вида чая является так называемый знаменитый чай. О нем можно судить по четырем параметрам: цвет, аромат, вкус и форма. У разных чаев разные способы хранения. Чай оказывает определенное воздействие на здоровье, например, предотвращает старение, способствует профилактике сердечнососудистых и цереброваскулярных заболеваний, а также помогает бороться с ожирением и снижает вес.

Глава шестая – «Современное чайное искусство». Чайное искусство – это искусство дегустации и чаепития, включающее три элемента: чайный лист, чайная вода и чайная посуда.

Существуют разные методы заваривания чая в зависимости от чайной посуды. Обычно используемые сегодня методы заваривания чая включают в себя приготовление чая в чашке, в чайнике и в чашке с крышкой.

Глава седьмая – «Наслаждение чайным сервизом». Чайный сервиз глубоко пронизывает образ жизни, обычаи чаепития и эстетические взгляды своего времени и несет в себе историю развития и изменений китайской чайной культуры. Чайные сервизы можно оценить по семи аспектам: качество, цвет глазури, форма, техника, орнамент, сюжет и фон. Любители чая, жившие в разные эпохи, очень ценили чайные сервизы.

Глава восьмая – «Атмосфера чайной». Различные регионы имели свои чайные дома с неповторимыми особенностями. В Китае известны чайные в сычуаньском стиле, чайные в кантонском стиле, чайные в пекинском стиле и чайные в стиле Ханчжоу. Есть еще и бесчисленные чайные в загородном стиле. Существуют различные типы чайных, такие как традиционные чайные дома, современные чайные в стиле чайного искусства, моноблочные чайные, чайные быстрой моды.

Глава девятая – «Международная пропаганда». Китайский чай распространился в странах Юго-Восточной и Южной Азии по Древнему чайному конному пути. Чай распространился на восток по суше и по морю до Корейского полуострова и на Японские острова. На западе по Шелковому пути распространился до стран Западной Азии и Европы. На севере китайская чайная культура распространилась на Монголию и Россию. Чай транспортировался в основном из Китая в Россию по маршруту Чжанцзякоу – Хакту (Кяхта). Этот маршрут играл очень важную роль в китайско-российской торговле на протяжении 200 лет, покрывая трассу длиной в 13 тысяч километров, которую ученые называли «Великий чайный путь».

Резюмируя, «Введение в чайную культуру Китая» всесторонне обсуждает содержание, историю развития, идеологию, искусство, этикет и обычаи, а также международные связи китайской чайной культуры, обобщает ее основные идеи и концепции и описывает методы и пути практического применения чайного искусства.

Перевод на русский язык Жэнь Шаньшань

Информация об авторах

Оуян Мэйхэ, профессор
Сюн Инцзе, младший научный сотрудник

Information about the Authors

Ouyang Meihe, Professor
Xiong Yingjie, Assistant Researcher

*Статья поступила в редакцию 29.01.2022;
одобрена после рецензирования 21.01.2023; принята к публикации 31.01.2023
The article was submitted on 29.01.2022;
approved after reviewing on 21.01.2023; accepted for publication on 31.01.2023*

Рецензия

УДК 392.86 + 633.72 + 664.861

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-174-176

Энциклопедия мировой чайной культуры и практический справочник

Чжан Сяолин

Шанхайский политико-юридический университет
Шанхай, Китай

nishuideyu2266@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6125-8246>

Аннотация

Двухтомное издание научного труда под редакцией главы Китайской международной ассоциации исследований культуры Чжоу Гофу «Всё о мировой чайной культуре» (2019) – это практический справочник, в котором рассказывается о том, как чай и чайная культура из Китая распространились по всему миру, а также как разные страны использовали чай для расширения торговых и культурных обменов. В книге прослеживаются общий смысл, отсылки к историческим событиям, глубокий анализ чайной культуры. Книга отличается логичностью, стройностью, последовательностью изложения и богатым содержанием. Именно поэтому книгу заслуженно называют «Энциклопедия мировой чайной культуры».

Ключевые слова

чай, чайная культура, Китай, мировая чайная культура, чайная церемония, энциклопедия

Благодарности

Статья выполнена при поддержке Китайского государственного фонда социальных наук, проект № 19FMZB015, Фонда Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай), проект № CNSCO17039, а также при поддержке Фонда Шанхайского политико-юридического университета для молодых ученых, проект № 2021XQN21

Для цитирования

Чжан Сяолин. Энциклопедия мировой чайной культуры и практический справочник // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 174–176. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-174-176

Encyclopedia of World Tea Culture and a Practical Reference Book

Zhang Xiaoling

Shanghai University of Political Science and Law
Shanghai, China

nishuideyu2266@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6125-8246>

Abstract

A two-volume scholarly publication edited by Zhou Guofu, head of the China International Tea Culture Institute, A Compendium of Global Tea culture (2019), is a practical guide that explains how tea and tea culture from China spread throughout the world, and how different countries used tea to expand trade and cultural exchanges. The book traces the general meaning, references historical events, and performs a deep analysis of tea culture. The book is nota-

© Чжан Сяолин, рец., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 174–176

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 174–176

ble for its reasoning, harmony, consistency of presentation and rich content. That is why the book is deservedly called "The Encyclopedia of World Tea Culture".

Keywords

tea, tea culture, China, world tea culture, tea ceremony, encyclopedia

Acknowledgements

This article was made possible with the support of the National Social Science Fund of China, project no. 19FMZB015, the Foundation of the Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO (China), project no. CNSCO17039, as well as the Shanghai Politics and Law University Foundation for Young Scholars, project no. 2021XQN21

For citation

Zhang Xiaoling. Encyclopedia of World Tea Culture and a Practical Reference Book. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 174–176. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-174-176

Китайская международная ассоциация исследования чайной культуры в рамках инициативы «Один пояс, один путь» подготовила и опубликовала книгу Чжоу Гофу «Всё о мировой чайной культуре» (Zhou Guofu. All About World Tea Culture. Beijing: China Agriculture Press, 2019. 904 p.). Издание разделено на два тома общим объемом более миллиона иероглифов и содержит 11 глав.

Глава 1 «Пути выхода чайной культуры на мировую арену». В ней описываются трассы распространения чайной культуры из Китая в другие страны через сухопутные и морские маршруты Великого Шелкового пути. Глава 2 «Общее положение мировой чайной культуры». В данной главе описывается общее положение чайной промышленности и научно-технического развития отрасли в шести основных чайных регионах мира, разъясняются развитие, общий смысл, внутреннее содержание и существующее положение мировой чайной культуры. Глава 3 «Характерные особенности чаепития в разных странах». В данной главе описан процесс зарождения и развития чаепития, рассказывается о традициях, обычаях и видах чаепития в Китае и других странах. Восточная и западная культуры чаепития, традиционное лечебное чаепитие и обычаи национальных культур отдельных народов, несомненно, представят интерес для читателей.

Глава 4 «Сохранившиеся памятники мировой чайной культуры». В этой главе подробно описаны основные памятники чайной культуры в Азии, Европе, Америке и Африке. Из книги читатели узнают о знаменитых памятниках чайной культуры Китая, Японии, Северной Кореи, Индии, Грузии, Турции, Великобритании, Германии, России, Нидерландов, Португалии, Соединенных Штатов, Бразилии, Камеруна, Кении и Малави. Углубленное и детальное изучение этих исторических памятников позволит более глубоко понять историю развития чайной культуры. Только полностью осознав историю и ценность памятников чайной культуры в разных странах, мы сможем обеспечить надежную защиту и охрану этих реликвий.

Глава 5 «Великолепные чайные принадлежности разных стран мира». В пятой главе описывается процесс появления и развития чайных принадлежностей. Эволюция чайных принадлежностей связана с производством чая, традициями и обычаями чаепития, народными нравами и эстетическим восприятием. В данной главе излагается процесс возникновения и развития чайных принадлежностей, их классификации. На иллюстрациях демонстрируются уникальные чайные принадлежности разных стран и периодов. Многие из них представляют собой драгоценные культурные реликвии и находятся в известных музеях по всему миру.

Глава 6 «Наука и искусство мировой чайной культуры». На протяжении всей истории китайская чайная культура в разных своих проявлениях отражалась в искусстве и литературе. Для многих поэтов и художников источником вдохновения был именно чай, поэтому они создавали литературные произведения и писали картины на эту тему. Основное внимание в данной главе уделяется стихотворениям, художественной прозе, песням, танцам, театральным постановкам, легендам и преданиям. Также рассказывается об удивительных произведениях литературы, искусства, науки, связанных с чайной культурой разных стран: почтовые марки, кино, гравюры, гобелены, произведения ландшафтного дизайна.

Глава 7 «Чайная культура, политика, законы». В седьмой главе затрагиваются следующие аспекты: появление и изменение закона о взимании чайного налога в Китае, чай и крестьянская война в Китае, чай и историческое развитие японского общества, чай и социальное развитие Великобритании, чай и независимость Соединенных Штатов Америки, чай и англо-китайская опиумная война. Также рассказывается о том, какое влияние чай оказал на развитие Китая и международную конъюнктуру после того, как он появился на мировом рынке.

Глава 8 «Мировая торговля чаем. Потребление чая». Мировая торговля чаем развивалась по мере того, как китайский чай выходил на мировой рынок. Опираясь на ценные и авторитетные исторические материалы и данные исследований о торговом обмене чаем, выделяют четыре основных этапа чайной мировой торговли: возникновение (до 1700 г.), бурный подъем (1701–1840), развитие (1841–2000), современность (XXI в.).

Глава 9 «Стандарты и качество чая». Стандартизация чая относится к процессу его производства, обработки, торговли, потребления и достигается за счет разработки, издания и внедрения данных стандартов. В этой главе рассказывается о стандартизации чая в Китае и на международном уровне, соответствующие стандарты основных стран мира, а также говорится о вопросах контроля за качеством чая.

Глава 10 «Чай, физическое и психическое здоровье». Первоначально чай использовался исключительно в лечебных целях. В Китае еще во времена правления династии Тан врачи говорили: «Чай – это лекарство от всех болезней». Когда чай попал в Великобританию, его так же, как в Китае, использовали в качестве лекарственного средства. В данной главе описываются пищевая ценность чая, его функциональные свойства и положительное влияние на здоровье.

Глава 11 «Чайная культура и гармония в мире». В одиннадцатой главе подробно рассматриваются уровень духовно-нравственного развития, моральные принципы и содержание чайной культуры, проводится сравнительный анализ чайной культуры Китая, Японии и Кореи. По мнению автора книги, ключевыми понятиями современной чайной культуры являются чистота, уважение, гармония и красота. Эти духовные качества способствуют установлению гармонии между человеком и природой, человеком и окружающим миром, человеком и обществом.

Информация об авторе

Чжан Сяолин, доктор гуманитарных наук

Information about the Author

Zhang Xiaoling, Doctor of Sciences (Humanities)

*Статья поступила в редакцию 29.01.2022;
одобрена после рецензирования 21.01.2023; принята к публикации 31.01.2023
The article was submitted on 29.01.2022;
approved after reviewing on 21.01.2023; accepted for publication on 31.01.2023*

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций**

Иван Иванович Иванов

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions**

Ivan I. Ivanov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract
Keywords
Acknowledgements

Основной текст статьи
Список литературы
References
Информация об авторах
Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976, с. 2] или [Энциклопедия игр, 1989, т. 1, с. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 195–214.

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育]. Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь. Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моноготари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 一方便の思いに即して— // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моноготари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэньу. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古]. Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

Voytishek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, pp. 163–173. (in Russ.)

Voytishek E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. *Novosibirsk*, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются статьи, соответствующие основным рубрикам журнала, а также рецензии, дискуссии, хроника.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохраняют присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).